

джеральд

даррелл

мама на выданье

Annotation

Дж. Даррелл. Мама на выданье. /Рассказы/
Обо всём понемногу.

- [Джерельд ДАРРЕЛЛ](#)
 -
 - [ПРЕДВАРЕНИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 -
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
-

Джерельд ДАРРЕЛЛ

МАМА НА ВЫДАНИЕ

*ТИНИ И ХЕЛУ
ОТ ДЖЕРРИ
С ЛЮБОВЬЮ*



ПРЕДВАРЕНИЕ

*Новобрачная — женщина, у которой
виды на прекрасное будущее уже
позади.*

Амброз Бирс. Словарь Сатаны

Все истории в этой книге правдивы — точнее, некоторые правдивы, некоторые содержат зерно истины в декоративной оболочке. Что-то я сам пережил, о чем-то мне поведали другие, а я использовал услышанное в своих целях; недаром сказано: «Не говори ни о чем писателю, если не хочешь, чтобы тебя пропечатали».

Естественно, вы от меня не услышите, какие из этих историй правдивы целиком, какие только наполовину, однако надеюсь, они от этого не доставят вам меньше удовольствия.

Джеки Даррелл



Глава 1

Эсмеральда



Среди всех областей красавицы Франции есть одна, само имя которой рождает блеск в глазах гурмана, румянит его щеки предвкушением, увлажняет слюной вкусовые сосочки,— я говорю о благозвучном имени Перигор. Здесь каштаны и грецкие орехи поражают своими размерами, здесь дикая земляника благоухает, словно будуар куртизанки. Здесь под кожицей яблок, груш и слив заточены изысканные соки, здесь мясо цыплят, утят и голубей нежно и бело, здесь масло желто, как солнечный свет, здесь сливки в маслобойке такие густые, что выдержат вес стакана с вином. Помимо всех этих даров Перигор обладает великим сокровищем, таящимся в суглинистой почве ее дубрав, — речь идет о трюфеле, этом грибе-троглодите,

обитающем в толще лесной подстилки, черном, как кот колдуньи, ароматном, как благовония Аравии.

В этом восхитительном уголке нашего мира я нашел очаровательную деревушку и поселился на маленьком постоялом дворе «Три голубя». Моего хозяина звали Жан Петтион. Это был добродушный малый, чье лицо из-за прилежного потребления вина приобрело красновато-коричневый цвет, как у яблок «пепин». По случаю осени леса были особенно красивы, напоминая роскошный золотисто-бронзовый гобелен. Желая насладиться этими красками, я попросил мсье Петтиона приготовить для меня дорожную снедь и выехал на природу. Оставив машину на опушке, вошел в лес, чтобы полюбоваться дивными картинами и повсеместно растущими странными, диковинными грибами. Облюбовав поваленный ствол старого дуба, примостился на нем, чтобы перекусить, и только управился с этим делом, как из чащи сухого рыжего папоротника вышла здоровенная свинья. Увидев меня, она удивилась не меньше, чем я при виде нее. Мы с интересом воззрились друг на друга.

Я прикинул, что она весит не меньше ста килограммов. Розоватая кожа была покрыта нежным, как у персика, белым пушком и украшена аккуратно размещенными природой черными пятнышками, какими дамы в семнадцатом веке украшали свои лики для соблазна. Маленькие золотистые глаза светились мудростью и озорством, уши свисали по бокам, напоминая убор католической монахини, а между ними гордо выступало покрытое изящными морщинами рыло, чей конец был похож на вантоз — одно из тех замечательных приспособлений, коими вы по старинке прочищаете закупоренные трубы. Элегантные копыта были тщательно отполированы, хвостик торчал вверх таким красивым вопросительным знаком, похожий на пропеллер. А еще от этой свинки исходил совершенно

неожиданный тончайший аромат, рождая представление о цветущих весенних лугах. В жизни не встречал свиньи, источающей такой запах. Напрягая память, я силился сообразить, где последний раз слышал такое волшебное романтическое благоухание. И вспомнил — в гостиничном лифте вместе со мной спускалась вниз прелестная дама, благоухающая так же восхитительно. Я еще спросил ее, не может ли она сказать, как называются эти изысканные духи, и она ответила — «Джой».

Каких только странных случаев не бывало в моей жизни, но никогда еще на мою долю не выпадала честь встречаться, да еще в дубраве в Перигоре, с большой приветливой свинкой, источающей аромат столь дорогих духов. Медленно подойдя, она положила голову на мое колено и издала протяжное хрюканье с оттенком тревоги, нечто вроде звука, коим видный врач-консультант предваряет сообщение, что вас поразила смертельный недуг. После чего глубоко вздохнула и щелкнула челюстями так, что мне представились вооруженные кастаньетами пылкие испанские танцоры. Подумала и еще раз вздохнула. Было очевидно, что леди чего-то желает. Потыкалась носом в мою сумку и радостно взвизгнула, когда я заглянул внутрь, чтобы проверить, что ее так волнует. В сумке лежал только оставшийся от трапезы кусок сыра. Я достал его и, не дав свинке схватить все сразу, отрезал немного и сунул в пасть. Каково же было мое удивление, когда она не проглотила сыр, а принялась смаковать, как дегустатор смакует вино, наслаждаясь его ароматом. После чего медленно, осторожно стала жевать, причмокивая от удовольствия. При этом я обратил внимание на то, что толстую шею свиньи облекает, словно жемчуга на престарелой аристократке, изящный ошейник в виде золотой цепочки, с которого свисал конец оборванного поводка.

Элегантный вид моей новой знакомой свидетельствовал, что этой беглой свинкой кто-то очень дорожит. Она приняла из моих рук еще немного сыра, благодарно похрюкивая и смакуя каждый кусочек, точно истинный знаток. Один кусок я оставил в виде приманки и направился, сопровождаемый свинкой, к машине. Тучная красавица явно была привычна к такого рода транспорту и удобно расположилась на заднем сиденье, величаво озираясь с полным ртом сыра. Я взял курс на деревню, полагая, что там находится дом моей пассажирки, и она в пути задремала, положив голову мне на плечо. Это позволило мне сделать вывод, что комбинированный запах «Джой» и хорошего рокфора вряд ли может служить средством расположить к себе особу противоположного пола. Остановившись возле «Трех голубей», я снял с плеча благоухающую голову, отдал свинке последний кусок сыра и вошел в дом, чтобы найти уважаемого Жана. Хозяин гостиницы в эти минуты старательно протирал бокалы, шумно дыша на них и тщательно полируя, чтобы добиться нужного блеска.

— Жан,— сказал я,— у меня проблема.

— Проблема, мсье? Что случилось?

— Я заполучил свинью.

— Мсье купил свинью? — удивился Жан.

— Нет-нет, не покупал, а именно заполучил. Я сидел в лесу, закусывал, вдруг появляется эта свинья и выражает пожелание разделить со мной трапезу. Думаю, это не обычная свинья: мало того, что она обожает рокфор, на ней ошейник из золотой цепочки и от нее пахнет духами. Очередной бокал выскользнул из рук Жана, стукнулся о пол и разбился вдребезги.

— Боже! — Он вытаращил глаза.— Это же Эсмеральда!

— На ошейнике не выгравировано никакого имени,— сказал я.— Но вряд ли тут кругом бродит много свиней,

отвечающих моему описанию, так что скорее всего это она. Эсмеральда. Кто ее хозяин?

Жан вышел из-за стойки, снимая на ходу фартук и давя ногами осколки стекла.

— Ее хозяин — мсье Кло. О Боже! Он с ума сойдет, когда узнает о пропаже. Где она?

— В моей машине,— сообщил я.— Доедает рокфор.

Выйдя к машине, мы обнаружили, что Эсмеральда, узрев, что злой рок лишил ее источников рокфора, философически погрузилась в сон. Весь кузов содрогался от ее храпа, как если бы я не выключил мотор.

— О-ля-ля! — воскликнул Жан.— Это Эсмеральда! О, мсье Кло, наверно, сходит с ума. Вы должны немедленно отвезти ее ему, мсье. Мсье Кло души не чает в этой свинье. Отвезите ее сейчас же.

— Хорошо, хорошо, с удовольствием отвезу, — раздраженно ответил я. — Если только вы скажете мне, где живет мсье Кло. Не хватало, чтобы мою жизнь обременяла какая-то свинья.

— Какая-то свинья? — Жан в ужасе уставился на меня.— Это не какая-то свинья, мсье, это Эсмеральда.

— Называйте ее как хотите,— сердито парировал я. — Сейчас она лежит в моей машине, благоухая, точно парижская потаскушка, объевшаяся сыром, и чем скорее я избавлюсь от нее, тем лучше.

Жан негодующе выпрямился:

— Потаскушка? Вы назвали ее потаскушкой? Всем известно, что Эсмеральда девственница.

Уж не свихнулся ли я? В самом ли деле я, стоя рядом с машиной, где спит благоухающая свинья по имени Эсмеральда, обсуждаю ее половую жизнь с хозяином гостиницы «Три голубя»? Я сделал глубокий вдох, собираясь с мыслями.

— Послушайте. Мне чихать на сексуальную биографию Эсмеральды. Хотя бы все хряки Перигора

насиловали ее.

— О! Боже мой! Неужели она изнасилована? — выдавил из себя побледневший Жан.

— Нет, нет, нет, насколько мне известно. Ее не лишили девственности, если это слово подходит к свинье. И вообще, только на редкость похотливый хряк, к тому же начисто лишенный обоняния, стал бы покушаться на честь свиньи, пахнувшей точно дорогая проститутка в субботний вечер.

— Прошу вас, мсье, пожалуйста,— взмолился Жан,— не говорите таких вещей, особенно при мсье Кло. Он обращается с ней с таким благоговением, как если бы она была святая.

У меня чесался язык напомнить ему про нечистых духов, вошедших в свиней Гадаринских, однако я вовремя остановился, видя, как серьезно Жан воспринимает всю эту историю.

— Послушайте, — сказал я,— если мсье Кло потерял Эсмеральду, он, наверно, сейчас волнуется?

— Волнуется? Волнуется? Он сходит с ума!

— Но тогда чем скорее я верну ему Эсмеральду, тем лучше. Итак, где он живет?

Я вырос в Греции, где расстояния измеряют выкуренными сигаретами (в десятилетнем возрасте мне это мало помогало), а потому приобрел навык в извлечении из местных жителей сведений такого рода. Здесь требовалась выдержка археолога, бережно стирающего пыль веков с древнего изделия. Люди полагают, что вы не хуже них знаете окрестности; посему для постижения истины нужны время и терпение. Что до Жана, то он в роли наставника превосходил все, с чем мне доводилось когда-либо иметь дело.

— Мсье Кло живет в усадьбе «Земляничные деревья»,— сообщил Жан.

— И где же это?

— Понимаете, его земля соседствует с участком мсье Мермо.

— Я не знаком с мсье Мермо.

— О, вы должны его знать, это же наш плотник. Он смастерил все столы и стулья для «Трех голубей». И бар тоже, и, кажется, это он сделал полки для кладовой, а впрочем, я не уверен, возможно, то был мсье Девуар. Он живет в долине, внизу у реки.

— А где живет мсье Кло?

— Я же сказал: он сосед мсье Мермо.

— Как проехать к дому мсье Кло?

— Значит, так: вы едете через деревню...

— В какую сторону?

— Вон туда.— Он показал рукой.

— А дальше?

— У дома мадемуазель Убер повернете налево и...

— Я не знаком с мадемуазель Убер и не знаю, где её дом. Как он выглядит?

— Он коричневого цвета.

— Здесь в деревне все дома коричневые. Как я его распознаю?

Жан задумался.

— Ага,— произнес он вдруг.— Сегодня четверг. Стало быть, она занята уборкой. И вывесит из окна в спальней свой маленький красный коврик.

— Сегодня вторник.

— Ну да, вы правы. Если вторник, она поливает свой сад.

— Значит, мне следует повернуть налево у коричневого дома, хозяйка которого поливает сад. Что потом?

— Вы проезжаете мимо памятника жертвам войны, мимо дома мсье Пеллиго, затем возле дерева снова поворачиваете налево.

— Возле какого дерева?

— Того, что стоит на повороте, где вам надо повернуть налево.

— Вся область Перигор полна деревьев. Они растут вдоль всех дорог. Как я отличу это дерево от других?

Жан удивленно воззрился на меня:

— Да ведь это то самое дерево, о которое разбился мсье Эролт. К его подножию вдова мсье Эролта каждый год возлагает венок в память об этой трагедии. Вы сразу узнаете дерево по венку.

— Когда он погиб?

— Это было в июне тысяча девятьсот пятидесятого года, то ли шестого, то ли седьмого числа, точно не помню.

— Сейчас у нас сентябрь — венок мог пролежать там с июня?

— О, конечно нет, его убирают, как только завянут цветы.

— А есть еще какой-нибудь способ распознать это дерево?

— Это дуб.

— Здесь кругом сплошные дубы, как я определяю, что это именно тот, где нужно повернуть налево?

— У него на стволе большая вмятина.

— Понятно. Итак, я повернул налево. И где же находится дом мсье Кло?

— О, его нельзя не узнать. Такая длинная, низкая, белая старинная усадьба.

— Понял, мне нужно всего-навсего высмотреть старинную белую усадьбу.

— Вот-вот, только с дороги ее не видно.

— Тогда как же я узнаю, где остановиться? Жан крепко призадумался, наконец ответил:

— Там есть маленький деревянный мост без одной доски. От него ведет дорожка к дому мсье Кло.

В эту минуту Эсмеральда повернулась на другой бок, и нас окутали миазмы, сочетающие запахи духов и

рокфора. Мы поспешили отойти подальше от машины.

— Ну так,— заключил я.— Проверим, верно ли я все понял. Я еду в ту сторону и поворачиваю налево там, где женщина поливает свой сад. Миновав памятник жертвам войны и дом мсье Пеллиго, еду прямо до дуба с вмятиной, там снова поворачиваю налево и высматриваю деревянный мостик без одной доски. Правильно?

— Мсье,— с восхищением отозвался Жан, — можно подумать, что вы родились в этой деревне!

Я все же нашел дорогу. Мадемуазель Убер не поливала сад перед своим домом, и красного коврика не было видно. На самом деле хозяйка дома сидела в кресле и спала на солнышке. Пришлось мне разбудить ее, чтобы убедиться, что она и впрямь мадемуазель Убер, у дома которой мне надлежит повернуть налево. На стволе дуба в самом деле была изрядная вмятина, из чего я заключил, что мсье Эролт потребил немало анисовки, прежде чем врезался в дерево на своей машине. У обнаруженного мною мостика действительно не хватало одной доски. Наставления селян всегда точны, какими бы загадочными они вам ни показались поначалу. Я покатил по изрытой колеями дорожке между зеленым лугом с кремовым пятнышком стада коров породы шароле и зарослями подсолнечника, обратившими дивные желто-черные лики к своему небесному кумиру. Проехав затем сквозь перелесок, я увидел на лужайке дом мсье Кло, длинный, низкий и белый, как яйцо голубки. Кровля была сложена из темной, как шоколад, толстой черепицы, расписанной золотистым лишайником. Перед домом стояли две машины — одна полицейская, другая, по всем признакам, принадлежащая врачу. Как только я выключил мотор, до моего слуха, заглушая храп Эсмеральды, донеслась странная какофония — крики, вопли, рев, плач, завывание и всеобщий скрежет

зубовный. Из чего заключил — как оказалось, вполне справедливо,— что пропажа Эсмеральды не осталась незамеченной. Подойдя к неплотно закрытой входной двери, я взял изображающий руку, сжимающую меч, бронзовый дверной молоток и громко постучал. Шум в доме продолжался с прежней силой. Постучал снова — никого. Взявшись за ручку молотка покрепче, я принялся колотить дверь так, что она едва не сорвалась с петель. На секунду бедлам прекратился, затем дверь распахнулась, и передо мной возникла молодая женщина невиданной красоты. Растрепанные длинные волосы только прибавляли ей очарования, они были цвета вечерней зари, коего так стремится — чаще всего безуспешно — достичь каждый осенний лист. Под темными бровями, подобными крыльям альбатроса, сверкали огромные глаза чудесного золотисто-зеленого цвета. Форма и мягкость розовых губ этой красавицы подточили бы стойкость самого верного из мужей. Из чудных глаз струились по щекам слезы величиной с крупный брильянт.

— Мсье? — обратилась она ко мне, вытирая рукой влажные щеки.

— Бонжур, мадемуазель, — отозвался я. — Могу ли я увидеть мсье Кло?

— Мсье Кло никого не принимает. — Она всхлипнула, и по щекам ее снова покатились слезы. — Мсье Кло нездоров.

В эту минуту из задней комнаты, где возобновился многоголосый кагал, появился дюжий пузатый жандарм с глазами цвета черной смородины, с расписанным сеткой синих сосудов замечательным носом бордового цвета и напоминающими шкуру крота густыми черными усами над толстой верхней губой. Окинув меня испытующим взором, в котором поровну смешались подозрительность и враждебность, он повернулся к прекрасной леди.

— Мадам Кло,— заговорил жандарм медоточивым голосом,— теперь я вынужден вас покинуть, но можете не сомневаться, мадам, я приложу все усилия, чтобы разоблачить извергов, совершивших это злодеяние, чудовищных душегубов, которые заставили лить слезы эти чудные глаза. Ни перед чем не остановлюсь, чтобы призвать к ответу этих бандитов.

Он смотрел на нее, как голодный школьник глядит на пирожное с кремом.

— Вы так добры, инспектор,— зарумянилась она.

— Сделать что-то для вас, мадам,— одно удовольствие! — С этими словами он схватил ее руку и прижал кончики пальцев к усам, и мне представилось, как в былые времена галантный кавалер помогал даме надеть муфту.

Посторонив меня, он втиснул свою тушу в полицейскую машину, включил со скрежетом скорость и исчез в пыльном облаке — этаким Святой Георгий, преследующий дракона.

— Мадам,— сказал я,— вижу, вы очень расстроены, но мне сдается, что я, возможно, могу вам помочь.

— Никто не может нам помочь, никто! — воскликнула она, заливаясь слезами.

— Мадам, если я произнесу имя Эсмеральда — вам оно что-нибудь скажет?

Она прислонилась к стене, уставившись на меня своими прекрасными глазами.

— Эсмеральда? — хрипло произнесла мадам Кло.

— Эсмеральда.

— Эсмеральда? — повторила она.

— Эсмеральда.— Я кивнул.

— Вы хотите сказать — Эсмеральда! — выдохнула она.

— Эсмеральда, свинья,— добавил я для ясности.

Так это вы тот дьявол в человеческом облике, вы — вор похитивший нашу Эсмеральду?! — вскричала она.

— Мадам, позвольте мне объяснить...

— Вор, разбойник, бандит,— выпалила она и побежала по коридору, крича: — Анри, Анри, Анри, тут объявился вор он требует выкуп за нашу Эсмеральду!

Пожелав мысленно, чтобы все свиньи на свете очутились в чистилище, я последовал за ней в комнаты. Моим глазам предстала захватывающая картина. Симпатичный крепкий молодой человек и тучный седой джентльмен со стетоскопом на шее силились удержать мужчину, по-видимому мсье Кло, который пытался оторвать спину от фиолетового шезлонга.

Этот мужчина был высокий, худой как щепка, облаченный в черный вельветовый костюм и огромный черный берет. Но больше всего взгляд поражала его борода. Холеная, тщательно расчесанная, черная с проседью, она спадала пегой волной через грудь до самого пупа.

— Пустите, дайте мне расправиться с этим незаконнорожденным отпрыском Сатаны! — орал мсье Кло, силясь подняться на ноги.

— Ваше сердце, ваше сердце, не забывайте про ваше сердце! — воскликнул врач.

— Да-да, не забывайте про ваше сердце! — подхватила мадам Кло тоненьким голоском.

— Я разберусь с ним, мсье Кло,— сказал симпатичный молодой человек, устремив на меня свирепый взгляд ярко-синих глаз.

Этот мускулистый молодец явно был из тех крепышей, что запросто могут двумя мизинцами разогнуть подкову.

— Пустите меня, дайте вырвать его яремную вену,— не унимался мсье Кло.— Проклятый вор!

— Ваше сердце, ваше сердце! — кричал врач.

— Анри, успокойся, Анри,— пищала мадам Кло.

— Я выпущу из него кишки, — сообщил мускулистый молодец.

Беда с этими французами — они обожают говорить, но не любят слушать. Иной раз так и кажется, что они даже самих себя не слышат. И, оказавшись вовлеченным в перепалку граждан Франции, наподобие здесь описанной, остается только одно — перекричать их. Набрав полные легкие воздуха, я рявкнул:

— Тихо!

И тотчас воцарилась тишина, как если бы я взмахнул волшебной палочкой.

— Мсье Кло,— обратился я с поклоном к хозяину — Позвольте довести до вашего сведения — я не душегуб не бандит и, насколько мне известно, отнюдь не пригульный ребенок. А теперь хотел бы сообщить вам, что в моем владении находится свинья, которую зовут, если не ошибаюсь, Эсмеральда.

— А-а-а-а! — вскричал мсье Кло, чьи худшие опасения оправдались.

— Тихо! — рявкнул я снова, и он откинулся назад в шезлонге, прижимая расправленные, точно крылья бабочки, изящные, тонкие, тщательно наманикюренные пальцы к той части тела, где, как полагал мсье Кло, помещалось его сердце.

— Я встретился с Эсмеральдой в лесу,— продолжал я.— Она перекусила вместе со мной, затем, узнав в деревне, кто ее законный владелец, я привез Эсмеральду сюда.

— Эсмеральда здесь? Эсмеральда вернулась? Где она? Где? — воззвал мсье Кло, пытаюсь подняться.

— Медленно, осторожно,— сказал врач.— Не забывайте про ваше сердце.

— Она там, в моей машине,— сообщил я.

— И... и... какой же выкуп вы требуете? — спросил мсье Кло.

— Не хочу я никакого выкупа,— ответил я.

Мсье Кло и врач обменялись выразительными взглядами.

— Никакого выкупа? — повторил за мной мсье Кло.— Это чрезвычайно ценное животное.

— Бесценное животное,— подтвердил врач.

— Животное, равное по цене пяти годовым жалованьям,— уточнил мускулистый молодец.

— Животное, которое стоит больше всех регалий королевы Елизаветы,— сказала мадам Кло для большего эффекта, с присущей женщинам страстью к преувеличениям.

— Тем не менее,— твердо молвил я,— мне не нужно никакого выкупа. Я счастлив, что вернул ее вам.

— Никакого выкупа? — Казалось, мсье Кло даже оскорблен.

— Никакого,— еще раз подчеркнул я.

Мсье Кло снова поглядел на врача, который пожал плечами, развел руками и сказал:

— Ох уж эти англичане.

Освободившись от хватки врача и мускулистого молодца, мсье Кло поднялся на ноги.

— В таком случае, мсье, я ваш должник, вечный должник.— Говоря это, он сорвал с головы берет и с низким поклоном прижал его к груди.

После чего снова надел берет, пробежал через комнату, точно неуклюжая марионетка, и заключил меня в объятия. Гладя мои щеки шелковистой бородой, он принялся целовать меня с жаром, с каким одни только французы способны лобзать представителей своего пола.

— Мой друг, мой доблестный друг,— приговаривал он, хлопая меня по плечам и глядя мне прямо в глаза; при этом слезы катились по его бороде прозрачными головастиками.— Отведите меня к моей возлюбленной.

Мы вышли из дома, разбудили Эсмеральду, и все, включая врача, принялись обнимать ее, гладить и целовать. После чего опять же все, включая Эсмеральду, вернулись в дом, где мсье Кло настоял на

том, чтобы откупорить бутылку одного из лучших его вин («Шато Монтроз 1952»), и мы выпили за здоровье лучшей из свиней, которую мадам Кло в это время потчевала шоколадными конфетами.

— Мсье Даррелл,— сказал мсье Кло,— вам, наверно, показалось, что переполох, вызванный исчезновением Эсмеральды, превосходил всякую меру.

— Да нет, что вы,— ответил я.— Потеря такого замечательного любимого животного хоть кого может расстроить.

— Она не просто домашняя любимица,— благоговейно произнес мсье Кло.— Эсмеральда — первый охотник за трюфелями среди всех свиней в Перигоре. Пятнадцать раз удостоивалась за свое обоняние серебряного кубка на областных соревнованиях. Пусть трюфель прячется под землей на глубине двадцати сантиметров — Эсмеральда за пятьдесят метров почует его. Этаким в своем роде четвероногий радар.

— Поразительно,— отозвался я.

— Если вы будете так любезны приехать сюда завтра к восьми утра, мы отправимся с Эсмеральдой в лес, и вы сами увидите, на что она способна. И мы будем счастливы, если потом вы окажете нам честь и останетесь позавтракать. Должен сказать, моя жена Антуанетта — один из лучших кулинаров в нашей области.

— Не только лучший, но и самый красивый кулинар, — галантно добавил врач.

— Что верно, то верно,— подхватил мускулистый молодец, глядя на мадам Кло с таким страстным обожанием, что я не удивился, узнав, что его зовут Хуаном.

— Буду рад и польщен,— заключил я, допил налитое мне вино и откланялся.

Утро следующего дня выдалось солнечное и прохладное, небо было голубое, как незабудки, между деревьями замысловатыми извивами стелился туман. Когда я приехал к усадьбе мсье Кло, ее угловатый хозяин наносил последние штрихи на внешний вид Эсмеральды. Копыта свиньи были натерты свежим оливковым маслом, ее хорошенько почистили щеткой, в крохотные глазки закапали какой-то особый раствор. В заключение из дома вынесли флакончик «Джой» и чуть-чуть подушили Эсмеральду за ушами. После чего надели ей мягкий замшевый намордник, чтобы она не вздумала поедать найденные трюфели.

— Вуаля,— торжествующе произнес мсье Кло, размахивая специальной лопаточкой.— Эсмеральда готова, можно выходить на охоту.

Дальше я пережил несколько весьма поучительных часов, ибо я никогда еще не видел в деле свинью-трюфелеискательницу, тем более такого блестящего мастера, как Эсмеральда. Неторопливо шествуя в дубраве около усадьбы мсье Кло с достоинством пожилой оперной дивы, степенно выходящей на очередной прощальный бенефис, она тихонько похрюкивала фальцетом. Но вот остановилась, подняла голову с закрытыми глазами, постояла, вдыхая лесной воздух, затем подошла к подножию почтенного дуба и стала обнюхивать землю и сухие листья.

— Нашла! — воскликнул мсье Кло и, оттолкнув в сторону Эсмеральду, вонзил в почву свою лопатку.

Немного порывшись в земле, он извлек на поверхность благоухающий черный трюфель величиной с хорошую сливу. Как ни силен был дивный запах трюфеля, я не мог понять, каким образом могла его учуять надушенная «Джоем» Эсмеральда. И это не была случайность — за последующий час с небольшим она обнаружила еще шесть таких же крупных трюфелей.



Торжествуя, мы отнесли их в усадьбу и вручили мадам Кло, которая с милым румянцем на лице хлопотала на кухне. Эсмеральду поместили в чистейший загон и наградили разрезанной пополам булкой с сыром, а мы с мсье Кло воздали должное вишневому ликеру.

Затем мадам пригласила нас к столу. Хуан — видимо, в мою честь — был в пиджаке и при галстукке; мсье Кло снял свой берет. Первым блюдом, поданным в тонких, коричневых как осенние листья, красивых глиняных мисках, был нежный куриный бульон, в котором плавали перья лука и золотистый яичный желток. Далее последовала очищенная от костей крупная форель с начинкой из фенхеля и мелко нарезанных каштанов. Роль гарнира исполняли сладкий зеленый горошек и мелкий картофель в мятной подливке. Однако все это было всего лишь прелюдией к главному блюду, коего все ждали. Убрав наши тарелки, мадам Кло заменила их чистыми, горячими, как свежееиспеченный хлеб. Мсье Кло торжественно и

осторожно откупорил бутылку «Шато Бране-Кантенак 1957», понюхал пробку, налил несколько капель в чистую рюмку и попробовал. Ни дать ни взять Эсмеральда, смакующая сыр... Одобрительно кивнув, он наполнил наши рюмки вином, красным, как драконья кровь. В эту минуту, словно по сигналу, появилась из кухни мадам Кло, неся блюдо с четырьмя желтыми, как спелая кукуруза, круглыми нежными пирожками, по одному для каждого из нас. Мы сидели молча, будто в церкви. Мсье Кло поднял свой бокал, пожелал здоровья сперва своей прелестной супруге, потом мне и Хуану. Отпив немного, мы поддержали вино во рту, подготавливая вкусовые сосочки к последующим ощущениям. Вот подняты ножи и вилки, срезана с пирожков хрупкая золотистая корочка, и нашим глазам явились, словно ядра ореха, черные как смоль трюфели, источая совершенно невероятный аромат, запах миллиона осенних лесов, густой, восхитительный, не похожий ни на один другой запах на свете. Мы принялись есть в благоговейной тишине, ибо за едой даже французы перестают говорить. Когда последний кусочек растаял у меня во рту, я поднял бокал.

— Мадам Кло, мсье Кло, Хуан, позвольте мне произнести тост. За Эсмеральду, лучшую в мире свинью, образец для всех остальных свиней.

— О, спасибо, мсье, спасибо! — воскликнул мсье Кло дрожащим голосом, со слезами на глазах.

Мы сели за стол ровно в двенадцать часов, ибо, как хорошо известно во французских медицинских кругах, если ленч начнется после полудня, это может роковым образом отразиться на здоровье граждан Франции. Кулинарные щедроты мадам Кло были столь велики и разнообразны, что, уплетая сливовое суфле со сливками, за которым последовал восхитительный кантальский сыр, я нисколько не удивился, когда, посмотрев на часы, обнаружил, что уже четыре.

Отказавшись от кофе и коньяка, сказал, что должен уехать, и добавил, что за всю жизнь не припомню такой трапезы. Мне было позволено запечатлеть три поцелуя на алых щеках мадам Кло (за Господа Бога, за Деву Марию и за Иисуса Христа, как мне кто-то объяснял), после чего я испытал сокрушительное рукопожатие Хуана и был окутан бородой мсье Кло. Напоследок хозяин взял с меня обещание вновь посетить эту деревню, чтобы воздать должное блюдам мадам Кло, когда я в следующий раз приеду во Францию.

Год спустя, направляясь на юг Франции, я на подъезде к Перигору вспомнил с легким чувством вины о своем обещании навестить мсье Кло с его Эсмеральдой. Взяв курс на Пти-Монбазияк-сюр-Рюссо, довольно скоро прибыл на место и остановился перед гостиницей «Три голубя». При виде меня Жан страшно обрадовался.

— Мсье Даррелл! — воскликнул он.— Мы уже думали, вы совсем забыли нас. Как я счастлив снова вас видеть!

— У вас найдется комната дня на два?

— Конечно, мсье. Лучшая в доме — ваша.

Он проводил меня в маленький уютный номер, где я переоделся, после чего спустился в бар выпить стаканчик анисовки.

— Ну, расскажите, как идут дела у вас и моих здешних друзей? — спросил я.— Как поживают мадам и мсье Кло, как поживает Эсмеральда?

Жан вздрогнул и уставился на меня вытаращенными глазами:

— Мсье не слышал?

— Не слышал? Что? Я только что приехал.

Для всякого жителя глухой деревушки местные новости так важны, что они не представляют себе, как это вы можете быть не в курсе.

— Но это ужасно, ужасно,— произнес Жан с наслаждением человека, сообщающего дурные новости.
— Мсье Кло — в тюрьме.

— В тюрьме? — опешил я.— Почему, что он сделал?

— Он дрался на дуэли.

— Мсье Кло дрался на дуэли! Не может быть! С кем?

— С Хуаном,— сообщил Жан.

— Но почему?

— Потому что Хуан бежал вместе с мадам Кло.

— Невероятно,— вымолвил я, а сам подумал, что не так уж это невероятно, учитывая, что Хуан — симпатичный молодой человек, а мсье Кло было далеко за шестьдесят.

— Но это еще не самое худшее,— добавил Жан заговорщическим шепотом.

— Не самое худшее?

— *Вот именно*,— Бежать с женой другого человека — что может быть хуже? — поинтересовался я.

— Через неделю после того, как они исчезли, Хуан появился снова и похитил Эсмеральду.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Да-да, мсье. Он ведь испанец, этот Хуан,— сказал Жан, как будто этим все объяснялось.

— И что же было дальше?

— Мсье Кло, как и подобало человеку храброму и благородному, настиг их и вызвал Хуана на дуэль. Хуан родом из Толедо — естественно, он выбрал рапиры. Откуда ему было знать, что мсье Кло в молодости был первым фехтовальщиком в нашей области. Не прошло и десяти секунд, как он пронзил рапирой грудь Хуана возле самого сердца. Несколько дней жизнь Хуана висела на волоске, но теперь он идет на поправку.

— И когда же все это случилось?

— На прошлой неделе, и теперь мсье Кло ждет суда в тюрьме в Сен-Жюстине.

— Бедняга, я должен навестить его.

— Он будет счастлив увидеть вас, мсье,— отозвался Жан.

И на другой день я поехал в тюрьму, захватив единственный подходящий подарок для француза, заточенного в кутузку за попытку совершить убийство, — бутылку виски «Джи энд Би».

Узник сидел в камере на железных нарах, читая какую-то книгу. Это был, увы, не тот элегантный мсье Кло, с кем я познакомился год назад. Тюремного покроя рубаха без воротника, потертые хлопчатобумажные штаны, на ногах шлепанцы. Ни галстука, ни брючного ремня, чтобы заключенный не вздумал повеситься, окажись он из тех, что способны на самоубийство. Однако шевелюра была в полном порядке, великолепная борода аккуратно расчесана и приглажена. Держащие книгу тонкие пальцы абсолютно чисты, ногти наманикюрены.

— К вам тут гость, мсье Кло,— сказал надзиратель, открыв решетчатую дверь.

Мсье Кло удивленно поднял голову, лицо его озарилось улыбкой, он поспешно отложил книгу и живо поднялся на ноги.

— Кого я вижу — мсье Даррелл! — радостно воскликнул он.— Какой сюрприз, какая честь, я счастлив видеть вас.

Сжимая мою длань двумя руками, он наклонился вперед, собираясь обнять меня,— досадная оплошность, ибо его штаны соскользнули вниз, складываясь гармошкой. Впрочем, даже эта катастрофа не могла омрачить его радость.

— Эти болваны думают, будто я захочу повеситься на ремне. Но скажите мне, мсье Даррелл, неужели человек моей репутации, моего общественного положения, с моим образованием и известностью опустится до такого вульгарного деяния, трусливого поступка, уподобляясь представителям низшего

сословия? Фи! — И мсье Кло изящным старомодным жестом указал на нары, предлагая мне сесть.

— Я так счастлив видеть вас,— повторил он,— даже в этой отнюдь не здоровой обстановке. Вы так великодушны. Сколько людей вашего круга воздержались бы от посещения в тюрьме узника, пусть даже пользующегося такой безупречной репутацией, как я.

— Ну что вы! — возразил я.— Как только я услышал от Жана о случившемся, сразу же направился сюда. Эта история чрезвычайно меня расстроила.

— Еще бы, конечно.— Он важно кивнул, отчего по бороде пробежала легкая рябь.— Я и сам страшно расстроен. Ненавижу плохую работу, это мне не свойственно, и я глубоко переживаю свою промашку.

— Промашку? — растерянно повторил я за ним.— Какую промашку?

— Ту, что я не убил его, разумеется,— сказал мсье Кло, и глаза его расширились от удивления: как это я сам не сообразил, в чем состояла его очевидная оплошность.

— Нет, вы в самом деле так думаете?

— Конечно,— твердо произнес он.— Весьма сожалею, что мой выпад был неточен и я не убил его на месте, разрази меня гром!

— Но, мсье Кло, убей вы его, вам бы не избежать самой суровой кары. А так, я уверен, суд квалифицирует ваши действия как покушение под влиянием сильного чувства и вы отделаетесь сравнительно мягким наказанием.

— Под влиянием чувств? Не понял,— сказал мсье Кло.

— Ну как же, он соблазнил вашу прелестную супругу... По-моему, это вполне достаточный повод для поступка, который вы совершили.

— Вы решили, что я дрался на дуэли, рискуя жизнью, из-за моей жены? — удивленно спросил мсье Кло.

— Ну да, разве нет? — недоуменно осведомился я.

— Нет! — отрезал он, ударяя кулаком по нарам.— Ничего подобного.

— Тогда зачем же, черт возьми, вы дрались?

— Из-за моей свиньи, разумеется, из-за Эсмеральды.

— Из-за свиньи? — Я не поверил своим ушам.— Не из-за жены?

Мсье Кло наклонился ко мне с серьёзным выражением лица.

— Мсье Даррелл, послушайте, что я скажу. Другую жену всегда можно найти, но другую такую свинью, такого мастера находить трюфели, как Эсмеральда, найти невозможно! — убежденно вымолвил он.



Глава 2.

Фред, или краски знойного юга



Я дважды — весьма неразумно — отваживался выезжать для чтения лекций в Соединенные Штаты Америки. В ходе турне я успел искренне полюбить Чарлстон и Сан-Франциско, возненавидеть Лос-Анджелес (вот уж где и не пахнет ангелами), проникнуться восхищением к Нью-Йорку и отвращением к Чикаго и Сент-Луису. Много странных приключений выпало на мою долю во время этих странствий, но самое странное ожидало меня, когда я пересек линию, отделяющую северные штаты от южных. «Литературная гильдия Мемфиса», штат Теннесси, пригласила меня прочесть лекцию об охране природы. Не без некоторого самодовольства мне было сообщено, что я смогу остановиться не где-нибудь, а у самой миссис Магнолии Дуайт-Хендерсон, помощницы главного казначея.

Должен сказать, что я ненавижу пользоваться гостеприимством такого рода во время моих турне. Слишком часто меня встречают такими словами:

«Вы уже три недели находитесь в пути, и мы понимаем, что вы совершенно измучены, измождены, выбились из сил. Так вот, у нас вы сможете отдохнуть как следует. Сегодня вечером мы ждем к обеду всего около сорока самых близких друзей, вы их непременно полюбите. Вас ждет спокойное, непринужденное общение с людьми, которые нам дороги и которые безумно желают познакомиться с вами. Один из них даже читал ваши книги».

Зная по горькому опыту, что такое вполне возможно, я не без тревоги услышал о желании «Литературной гильдии» поручить заботу обо мне миссис Магнолии Дуайт-Хендерсон. А потому позвонил ей по телефону, надеясь учтиво избавить ее от такой обузы и вместо этого устроиться в какой-нибудь гостинице. Мне ответил сочный низкий голос, каким заговорил бы, если бы умел, портвейн высшего качества.

— Дом миз Магнолии,— произнес нараспев голос.— С кем это я говорю?

— Моя фамилия Даррелл. Могу я поговорить с миссис Дуайт-Хендерсон?

— Один минут, не кладите трубку. Сейчас пойду поищу. После длительной паузы я услышал в трубке дребезжащий голосок, словно исходивший из музыкальной шкатулки:

— Мистер Дыорелл, это вы? С вами говорит Магнолия Дуайт-Хендерсон.

— Счастлив вас слышать, миссис Дуайт-Хендерсон,
— ответил я.

— О, как я рада,— пропищала она.— Ваш аксе-цент, у вас такое чудесное произношение. Как будто я разговариваю с самым сэром Лоренсом Оливье. Право, у меня по спине мурашки бегут.

— Благодарю,— отозвался я.— Мне только что сообщили из «Гильдии», что вам, можно сказать, навязали меня. Мне вовсе не хочется вас обременять, и я предпочел бы остановиться в гостинице, чтобы не причинять вам неудобств.

— Обременять меня? Что вы, голубчик, да для меня большая честь принять вас в своем доме. Ни в коем случае не позволю вам останавливаться в гостинице, где никогда не подметают под кроватями и не опорожняют пепельницы. Это было бы противно законам подлинного южного гостеприимства. Я даже янки не позволила бы предпочесть гостиницу, если бы он приехал читать лекции. Хотя о чем там могут нам поведать янки, эти пустозвоны, как называл их мой отец, только он выражался покрепче.

У меня оборвалось сердце. Я не видел способа отвергнуть общество миссис Дуайт-Хендерсон, не рискуя оскорбить тем самым южное гостеприимство.

— Вы очень любезны,— сказал я.— Я прилетаю около половины пятого, значит, могу быть у вас часов в пять.

— Замечательно! — отозвалась она.— Вы как раз поспеете к чаю, это особенный чай — по четвергам у меня собираются пятеро моих самых близких друзей, и они, разумеется, горят желанием познакомиться с вами.

Я с трудом подавил стон.

— Итак до свидания в пять часов,— сказал я.

— Жду вас с нетерпением,— ответила миссис Дуайт-Хендерсон.

Положив трубку, я выехал в аэропорт, обуреваемый дурными предчувствиями. Два часа спустя я был уже на юге США, в стране хлопка, коровьего гороха, сладкого картофеля и — увы! — Элвиса Пресли. Из аэропорта я ехал на такси, за рулем которого сидел очень крупный мужчина, куrivший очень большую сигару примерно того же цвета, что кожа водителя.

— Вы из Бостона? — осведомился он.

— Нет, а почему вы так решили?

— Аксе-цент,— кратко пояснил он.— Ваш аксе-цент.

— Нет, я из Англии.

— Точно? Из Англии, да?

— Да.

— И как дела вашей королевы?

— Думаю, в полном порядке,— ответил я, стараясь проникнуться духом южных штатов.

— Н-да,— задумчиво протянул он,— незаурядная это женщина, ваша королева, мозговитая, надо думать.

Я промолчал, не видя, что еще можно добавить к его характеристике королевской семьи.

Резиденция миссис Магнолии Дуайт-Хендерсон представляла собой небольшую усадьбу в старинном колониальном стиле, окруженную гектаром тщательно ухоженного сада, где белые колонны стояли плечом к плечу с великим множеством пурпурных азалий. Огромный бронзовый дверной молоток на входной двери размером три с половиной метра на метр был отполирован до пламенного блеска. Когда подъехала моя машина, дверь распахнулась, и моему взору предстал крупный, очень черный седовласый джентльмен во фраке и полосатых брюках. Его вполне можно было бы принять за посла любой из развивающихся стран.

Знакомый мне по телефонному обмену репликами густой сочный голос возгласил:

— Мистер Дьюрелл, добро пожаловать в резиденцию миз Магнолии.

Подумав, черный джентльмен добавил:

— Меня звать Фред.

— Рад познакомиться, Фред,— отозвался я.— Могу я просить вас заняться багажом?

— Все будет в порядке,— ответил Фред.

Таксист поставил на гравий мои два чемодана и уехал. Фред посмотрел на них, как на оскверняющий дорожку хлам.

— Фред,— поинтересовался я,— вы всегда носите этот костюм?

Он с отвращением окинул взглядом свое платье:

— Нет. Но миз Магнолия сказала, чтобы я приветствовал вас в традиционном одеянии.

— Вы хотите сказать, что здесь, в Мемфисе, принято так одеваться?

— Нет, сэр,— горько молвил он,— так одеваются там, откуда вы приехали.

Я вздохнул:

— Фред, сделайте мне одолжение. Пойдите и снимите это облачение. Я весьма польщен, что вы оделись так ради меня, но мне будет еще приятнее, если ради меня снимете этот костюм и почувствуете себя более удобно.

Фред расплылся в широкой улыбке — как будто приподнялась крышка над клавишами рояля.

— Будет сделано, мистер Дьюрелл,— ответил он с благодарностью.

Я вошел в пахнувший политурой, цветами и травами прохладный холл, и навстречу мне, постукивая каблучками по паркету и дзинькая побрякушками, устремилась облаченная в благоухающий шифон тонкая, будто струйка дыма, миз Магнолия с огромными голубыми глазами и с прозрачными складками кожи на шее, такими победными знаменами в борьбе за

выживание. Мешки под глазами были величиной с ласточкины гнезда, все лицо покрывала паутина морщин, нехотя переступивших порог, отделяющий сорокалетний возраст от пятидесятилетнего.

— Мистер Дьюрелл,— произнесла хозяйка, сжимая мою руку двумя ручонками, будто сделанными из обтянутых пергаментом птичьих косточек,— мистер Дьюрелл, сэр, добро пожаловать. Вы оказали честь нашему дому.

— Это вы оказываете мне честь, мэм,— ответил я.

Откуда-то явился вдруг Фред, словно большое, зловещее черное облако в солнечный день.

— Миз Магнолия,— объявил он.— Я пойду и сниму эту одежду.

— Фред! — воскликнула потрясенная миссис Дуайт-Хендерсон.— Боюсь, это будет неразумно и не совсем прилично.

— Мистер Дьюрелл так велел,— сказал Фред, сваливая вину на меня.

— О! — озадаченно молвила миз Магнолия.— Это другое дело. Однако я уверена, что мистер Дьюрелл не будет настаивать, чтобы ты разделся прямо сейчас. Во всяком случае, не здесь, где тебя может увидеть двоюродная бабушка Доринда.

— Я пойду к себе в комнату и сниму одежду там,— возвестил Фред и торжественно удалился.

— Нет, что случилось, с чего ему вдруг вздумалось раздеваться? — спросила миз Магнолия.— Знаете, чем дольше живешь вместе с людьми, тем труднее становится их понимать.

Я поймал себя на чувстве, которое испытываю всякий раз, как попадаю в Грецию — словно я очутился в Алисиной Стране чудес. Человеку остается только выбросить за борт логику (не слишком далеко, чтобы после можно было выловить), что замечательно воздействует на ваше серое вещество.

— Мистер Дьюрелл, голубчик,— сказала хозяйка, еще крепче сжимая мою руку.— Вы, наверно, погибаете от жажды...

— Что ж,— подтвердил я,— недурно было бы выпить немного виски...

— Тс-с-с,— остановила она меня.— Фред может услышать, а он стал решительным противником спиртного с тех пор, как опять женился и записался в новую секту. Только и делает, что говорит о распаляющем действии крепких напитков и обвиняет всех, в том числе меня, во внебрачных связях. Не стану скрывать, в свое время я была не прочь пококчетничать, но, уверяю вас, мысль о внебрачных связях никогда не приходила мне в голову. Мистер Дуайт-Хендерсон ни за что не допустил бы ничего такого. Он ставил непорочность превыше всего.

Мысленно я простился с мечтой о стаканчике «Кровавой Мери». Миз Магнолия завела меня в гостиную и быстро подошла к застекленной горке.

— Стаканчик,— сказала она.— Напиток для поднятия духа.

С этими словами она открыла дверцу, и я увидел, увы, одни только початые бутылки кока-колы.

— Что вам налить? — спросила миз Магнолия хриплым шепотом.— Водку, виски, джин?

— Я предпочел бы виски,— озадаченно ответил я.

Она повела пальцем вдоль бутылочек, наконец взяла одну, понюхала, наполнила почти доверху стаканчик, добавила лед и немного сока, затем протянула мне.

— Самый лучший сорт кока-колы,— сообщила она, улыбаясь.— И Фреду нет причин огорчаться.

Напиток был великолепен.

Я поднялся наверх, принял душ, переоделся и вышел в коридор, чтобы спуститься вниз, где меня ожидало чаепитие миз Магнолии.

В это время открылась одна из соседних дверей и показался страшный, как мертвец, высокий мужчина в черном бархатном халате с красным кантом, с панамой на голове.

— Сэр,— обратился он ко мне,— что нового слышно?

— Вы о чем?

— О войне, сэр, о войне. Помяните мои слова — плохо будет южанам, если они победят,— сказал он, после чего вернулся в свою комнату и закрыл дверь.

Я зашагал вниз по лестнице, слегка озадаченный.

— О, дорогой мой, замечательный человек!

Я с ходу попал в шуршащие тонкой материей хрупкие объятия миз Магнолии, благоухающей какими-то умопомрачительными духами.

— Я так счастлива видеть вас у себя,— продолжала она.— И я не сомневаюсь — вы тоже будете счастливы познакомиться с моими самыми близкими и дорогими подругами.

Подруги входили попарно, как, если верить преданию, на борт Ноева ковчега поднимались звери. Миз Магнолия представляла их мне с пафосом шпрыхсталмейстера:

— Знакомьтесь — миз Флоренс Фарзер Коз. Из тех, именитых Фарзер Козов.

Глядя на собранных вместе подруг, я чувствовал себя так, будто передо мной была ожившая цветочная клумба, говорящая на неведомом языке.

— А это — Календула Наста. Я важно поклонился.

— Миз Меланхоли Делайт.

Я сразу проникся симпатией к мисс Меланхоли Делайт. Она смахивала на бульдога, пропущенного по ошибке через гладильную машину, тем не менее мне было ясно, что женщина, обреченная всю жизнь носить имя Меланхоли Делайт, вправе рассчитывать на мою мужскую поддержку. Волшебная коллекция... Хрупкие, точно изделия, извлеченные археологом из

какой-нибудь египетской гробницы, они чирикали по-птичьи, рисуясь, словно девушки на первом балу. Правда, как только первое волнение от встречи с вторгшимся в их жизнь важным лицом прошло, мысли и чувства дам вернулись в привычную наезженную колею.

— Вы слышали про Грэй-эма? — спросила одна. Остальные наклонились, будто стервятники, готовые наброситься на добычу, оставляемую львом.

— А что с ним? — жадно осведомились подружки.

— Ну как же — Грэй-эм бежал вместе с Пэтси Донахью.

— Не может быть!

— Точно.

— Не может быть!

— Бежал, я говорю, и бросил эту прелестную Хильду с тремя детьми.

— Это та Хильда, что носила фамилию Уотсон до замужества?

— Ну да, однако эти Уотсоны — сбродная компания. Дед Хильды, старик Уотсон, женился на этой Фергюсонихе.

— Ты говоришь про тех Фергюсонов, что жили где-то по соседству с Мад-Айленд?

— Да нет же, эти Фергюсоны из Восточного Мемфиса. Их бабка носила фамилию Скотт до замужества с мистером Фергюсоном, а тетка состояла в родстве с Теллимэрами.

— Это не тот старик Теллимэр, что покончил с собой?

— Нет, то был его двоюродный брат Артур, колченогий. Это было в тысяча девятьсот четырнадцатом году.

Казалось, я присутствую при одновременном чтении вслух «Готского альманаха», «Справочника дворянства» и Книги записей актов гражданского состояния. Эти старушечки готовы были с рвением ищек проследить

происхождение любой их жертвы до пятого колена и еще раньше. Грэй-эм и его прегрешения вместе с Пэтси утонули в генеалогическом месиве, столь же запутанном, как добрая порция спагетти.

— А я говорю про двоюродного брата Теллимэра — Альберта, который был женат на Ненси Хендерсон, которая развелась с ним, потому что он поджег себя,— уточнила миз Меланхоли Делайт.

Подруги хладнокровно восприняли эту поразительную информацию.

— Ненси — это не та из двойняшек Хендерсон, у которой были рыжие волосы и противные веснушки?

— Она самая, и их двоюродная сестра вышла замуж за Бревертона, а потом застрелила его,— сказала миз Календула.

— Да уж, хороша семейка,— отозвалась миз Магнолия.— Схожу-ка я за чаем.

Тут же она вернулась, неся большой серебряный поднос, на котором стояли огромный серебряный чайник, изящные фарфоровые чашки и две серебряные вазочки — одна с кубиками льда, другая с нарезанным лимоном.

— Нет ничего лучше чая в такой жаркий день,— объявила миз Магнолия, кладя в чашку лимон и лед и передавая мне.

Я взял чашку, недоумевая, почему все леди выжидательно глядят на меня. Поднес чашку к губам, сделал глоток и подавился. Вместо чая в чашке было кукурузное виски.

— Ну как? — осведомилась миз Магнолия.

— Превосходно,— ответил я.— Полагаю, не Фред заваривал этот чай?

— Разумеется, нет,— улыбнулась миз Магнолия.— Я всегда делаю это сама. Меньше хлопот, понимаете ли.

— Мой папочка всегда говорил мне, что чай полезен для плоти,— выдала Календула несколько загадочную

реплику.

— Коротышка миз Лилибат — помните? Та, что была замужем за Хьюбертом Крамбом, из тех Крамбов, уроженцев Миссисипи, которые породнились с Остлерами,— сказала миз Меланхоли.— Так вот, она всегда умывала лицо чаем со льдом, и оно было у нее румяное, как персик.

— Миз Руби Макинтош — из тех шотландских Макинтошей, что приехали сюда из Шотландии и породнились с Макиннонами, и этот старик Макиннон был такой зверь, что загнал свою жену в могилу, она была дочерью Тендерсона, женатого на одной из миннесотских Аутгрэбов,— так вот, миз Руби всегда говорила, что для кожи лучше всего сливки и ореховое масло,— сообщила миз Календула.

— Это не те Макинтоши, что состояли в родстве с Куинсерами? — поинтересовалась миз Магнолия.

— Верно, дядюшка миз Руби женился на одной из Куинсеров, той, у которой были отвислые груди и фигура, похожая на мешок с картофелем,— заметила миз Меланхоли.

Я решил прервать их генеалогические грезы.

— Миз Меланхоли,— сказал я,— у вас такое очаровательное имя. Каким образом вы его получили?

Она озадаченно воззрилась на меня:

— При крещении...

— Но кто выбрал это имя?

— Мой отец. Понимаете, он мечтал о сыне.

Пары виски и лоскутное одеяло имен и фамилий скрасили нам еще один час. Наконец дамы, слегка пошатываясь, встали, чтобы отправиться по домам.

— Ну так,— сказала миз Магнолия после суетливых поцелуев и возгласов «рада была познакомиться».— Теперь я поднимусь, проверю, как там ваша комната.

— Но она в полном порядке,— возразил я.— Все великолепно.

— Я предпочитаю сама все проверять,— грозно молвила миз Магнолия.— После того как Фреду пошел девяностый год, он уже не так внимателен.

— Девяностый год? — Я не поверил своим ушам.

— Точно,— сказала миз Магнолия, поднимаясь по лестнице.— Двадцать второго декабря ему стукнет девяносто.

Прежде чем я успел отреагировать на это известие, наверху показался джентльмен в бархатном халате; одна рука его сжимала большую и весьма острую на вид саблю.

— Они подожгли Атланту! — крикнул он.

— Господи,— выдохнула миз Магнолия,— опять он смотрел этот проклятый фильм «Унесенные ветром». И зачем только кузен Катберт подарил ему эту кассету на Рождество?

— Они в любую минуту могут оказаться здесь! — кричал джентльмен с саблей.

— Позвольте представить вам двоюродного дедушку Рочестера,— сказала миз Магнолия.

— Ты успела зарыть серебро? — спросил двоюродный дедушка Рочестер.— У нас мало времени.

Я вспомнил, что во время войны Севера против Юга южане почти все свободное время тратили на то, чтобы зарывать в землю фамильное серебро, спасая его от проклятых янки.

— Да-да, голубчик, успела, не волнуйся, серебро зарыто — успокоила миз Магнолия джентльмена с саблей.

— Они в любую минуту могут оказаться здесь,— повторил двоюродный дедушка Рочестер.— Мы будем обороняться до последнего человека.

— у тебя нет никаких причин для тревоги,— сказала миз Магнолия.— Генерал Джексон лично заверил меня, что они не собираются захватывать Мемфис.

— Джексон? — презрительно молвил двоюродный дедушка Рочестер.— Ему я не поверю, даже если он назовет меня Линкольном.

Мне показалось, что это замечание несколько запутывает вопрос.

— Но так он сказал *мне*,— повторила миз Магнолия.
— А уж *мне-то* ты веришь?

— Ты не называла меня Линкольном,— проницательно заметил двоюродный дедушка Рочестер.

После чего, к моему ужасу, подкинув саблю в воздухе, ловко поймал ее за острый конец и протянул мне эфесом вперед.

— Вы дежурите в первую смену,— распорядился он.
— Разбудите меня в полночь или раньше, если понадобится.

— Можете положиться на меня, сэр,— заверил я.

— Будем биться до последнего,— важно возвестил он, прошагал к себе и захлопнул дверь.

— Сейчас посмотрим на вашу комнату,— весело сказала миз Магнолия.— На вашем месте я засунула бы эту противную саблю под кровать. Иной раз кошки поднимают страшный шум в саду, будет чем бросить в них.

Миз Магнолия тщательно обследовала мои апартаменты и осталась довольна.

— А теперь,— сообщила миз Магнолия,— отправлюсь проверить зал.

— Зал? — спросил я озадаченно.

— Ну да, зал, где вы будете выступать. А то, если я не проверю, что-нибудь непременно не заладится. Помню случай, у одного лектора все слайды вверх ногами показывали. Странное было выступление.

— Я предпочел бы, если можно, избежать таких вещей.

— Вы посидите пока спокойненько в гостиной, выпейте кока-колы, я живо обернусь.

И я расположился в гостиной с местной газетой и стаканчиком виски со льдом. Неожиданно на лестнице появилась круглая маленькая старушка с ярко-голубыми глазами, одетая в просторный зеленый халат, прожженный сигаретами во многих местах так, что он казался кружевным. Старушка спускалась по ступенькам, напевая себе под нос. Я встал, и она испуганно вскрикнула, увидев меня.

— Господи помилуй! — пропищала старушка, прижимая ладони к пышной груди.

— Простите, если я напугал вас. Моя фамилия Даррелл, меня пригласили остановиться в этом доме,— поспешил я представиться.

— А, вы тот англичанин, что приехал читать нам лекцию,— отозвалась она с улыбкой.— Очень рада познакомиться. Я — двоюродная бабушка Доринда.

— И я очень рад.

— Я за кока-колой пришла.— Старушка проплыла к горке, обнюхала все бутылки и выбрала одну.— Возьму с собой,— сообщила она.— Весьма сожалею, что моего супруга, мистера Рочестера, нет сейчас здесь, он ушел воевать — страшно беспокойное занятие. Как только победит, вернется сюда. Правда, я не уверена, сколько продлится эта война. Вообще плохо разбираюсь во всех этих мужских занятиях, но им они доставляют удовольствие, а это главное — вы согласны?

— Конечно, мадам, конечно,— ответил я.

— Но он сюда вернется, как я уже сказала. Правда, не уверена, когда точно. Похоже, некоторые войны длятся дольше, чем другие,— неуверенно произнесла двоюродная бабушка Доринда.

— Я тоже склонен так считать.

— Ладно, чувствуйте себя как дома.— И, одарив меня робкой улыбкой, она двинулась вверх по лестнице, сжимая в руках выбранную бутылку.

Испытав легкое потрясение от этого знакомства, я налил себе еще виски и, не найдя в холодильнике льда, направился в поисках Фреда в задние апартаменты, где и застал его на кухне. Надев зеленый суконный передник, он сидел перед столом, на котором высилась такая грудa серебра, что сам капитан Кидд закатил бы глаза при виде ее.

— Сижy вот, чищу серебро,— известил меня Фред без нужды.

— Вижу,— сказал я.— Могу я попросить немного льда?

— Конечно, сэр. Нет ничего хуже теплой кока-колы.

Он достал несколько кубиков льда и опустил в мой стакан.

— Так-то, сэр, хорошо жить в доме, где не держат крепких напитков. Эти напитки распаляют человека.

Взяв со стола серебряную чашу, в которой можно было бы искупать младенца, он принялся ее полировать.

Я незаметно потягивал свое виски.

— Да вы садитесь, сэр.— Фред пододвинул мне стул.
— Садитесь, отдохните.

— Спасибо.— Я опустился на стул, моля небо, чтобы запах спиртного не достиг ноздрей Фреда.

— Вы верующий? — спросил он, полируя и без того сверкающее серебро.

— Англиканская церковь,— ответил я.

— Я верно понял? Это, стало быть, в Англии, да?

— Да,— подтвердил я.

— Где-нибудь недалеко от папы римского?

— Да нет, на порядочном расстоянии.

— Этот папа все время целует землю,— заметил Фред, качая головой.— Удивляюсь, как он не заболит при этом.

— Такой обычай у пап,— объяснил я.

— *Дурной* обычай,— твердо молвил Фред.— Там же грязно. Откуда ему знать, кто там побывал до него.

Он принялся обрабатывать поднос, на котором вполне могла бы поместиться голова Иоанна Крестителя.

— А я вот не был верующим, пока мою душу не спасла Чэрити.

— Чэрити? — озадаченно повторил я за ним.

— Моя третья жена,— пояснил Фред.— Она привела меня в секту, и я был спасен. Мне там все растолковали. Все зло в мире исходит от одной женщины.

— Это от кого же? — спросил я; хоть бы не назвал миз Магнолию.

— От Евы, вот от кого. Это она изобрела крепкие напитки и сотворила блуд.

— Как же она могла изобрести крепкие напитки? — поинтересовался я, уверенный, что этот факт говорит скорее в пользу Евы, чем против нее.

— Яблоки,— сказал Фред.— На этом древе познания РОСЛИ яблоки, а где яблоки, там и до сидра недалеко. Наверно, она спьяну натворила такие дела.

Это какие же? — спросил я в полном недоумении.

— У нее совсем ум за разум зашел от пьянства,— Убежденно произнес Фред.— Какая женщина в здравом уме станет разговаривать со змеем? Нормальная женщина сразу побежала бы к телефону звонить в полицию и пожарным.

На мгновение я отчетливо представил себе сады Эдема и древо познания добра и зла, окруженное ярко-красными пожарными машинами и цепочкой полицейских.

— И она же виновата в современной перенаселенности, да-да, сэр.

— Но у Евы было мало детей,— возразил я.

— А как они себя повели? Блуд, простите за выражение, внебрачные связи налево и направо.

Всякому здравомыслящему человеку понятно, что такое поведение и привело к перенаселенности. Да-да, блуд и сидр — вот за что Господь изгнал их.

Должен признаться, его слова заставили меня совсем по-новому взглянуть на грехопадение Адама и Евы.

— Существой в то время запрет на спиртное, все могло бы пойти иначе,— продолжал Фред.— Но даже сам Господь не может все предусмотреть.

— Пожалуй,— задумчиво произнес я.

К сожалению, наши с Фредом богословские изыскания были прерваны появлением миз Магнолии; ворвавшись на кухню, она доложила, что зал находится в абсолютном, совершенном, безупречном порядке и через час меня там будут ждать сливки мемфисского общества.

— Вы успеете еще выпить стаканчик кока-колы,— добавила она, понизив голос.

Хотя мне казалось, что с момента прибытия в Мемфис я только и делаю, что в огромных количествах поглощаю сатанинский напиток, все же я совершил еще одно бодрящее возлияние перед выходом на сцену.

Моя лекция пользовалась бешеным успехом. Боюсь, не столько по причине захватывающего содержания, сколько из-за моего аксе-цента.

— У вас, право, совсем необычный аксе-цент,— заявил мне после лекции крупный краснолицый мужчина с седыми бакенбардами.— Честное слово, сэр, совсем необычный. Понимаете, прямо дрожь пробирает — как от этого парня, как бишь его — Уильяма Шекспира.

— Спасибо,— ответил я.

— Вы не подумывали о том, чтобы перебраться к нам на Юг и стать американцем? С таким аксе-центом мы были бы рады видеть вас у себя.

Я сказал, что благодарен за приглашение и непременно подумаю об этом.

На другое утро, страдая, увы, от похмелья, вызванного потворством южному гостеприимству, я не слишком твердой походкой спустился вниз к завтраку и застал все семейство в полном составе за сверкающим от полировки столом, по которому горными ручьями растеклось серебро. Прислуживал Фред.

— О,— сказала двоюродная бабушка Доринда,— познакомьтесь — мой муж, мистер Рочестер.

— Мы уже познакомились, Доринда,— отозвался двоюродный дедушка Рочестер.— Вчера вечером этот доблестный джентльмен помог мне отбить атаку мятежных орд янки.

— Я очень рада за вас обоих,— ответила двоюродная бабушка Доринда.— Это прекрасно, когда людей объединяет что-то.

— Как вам спалось? — справилась миз Магнолия, не обращая на них внимания.

— Отлично,— сказал я, вкушая поданный Фредом скромный южный завтрак: шесть кусков хрустящего, благоухающего, как осенние листья, жареного бекона, яичница из четырех яиц с подобными утреннему солнцу желтками, восемь купающихся в масле гренков и столовая ложка поблескивающего лимонного джема.

— Пойду послушаю последние известия,— сообщил двоюродный дедушка Рочестер, вставая из-за стола и запахивая полы своего халата.

— Ты спустишься к ленчу или будешь дальше воевать? — осведомилась двоюродная бабушка Доринда.

— Мадам, войну нельзя ускорить,— сурово заметил двоюродный дедушка Рочестер.

— Конечно, конечно, понимаю,— сказала двоюродная бабушка Доринда.— Я просто хотела знать — как насчет мороженого?

— Меня занимают вещи поважнее мороженого, женщина,— ответил двоюродный дедушка Рочестер.— А какое мороженое — ванильное или земляничное?

— Земляничное,— сказала двоюродная бабушка Доринда.

— Тогда мне два шарика и кекс с орехами,— заключил двоюродный дедушка Рочестер и покинул нас, а двоюродная бабушка Доринда направилась на кухню.

Нет, это просто что-то невообразимое,— заметила миз Магнолия, просматривая местную газету.— Теперь они вздумали сделать ниггера мэром.

Я тревожно посмотрел на дверь, за которой скрылся Фред.

— Хотите знать мое мнение — так нами управляют белая шваль и ниггеры, честное слово, белая шваль и ниггеры,— сказала миз Магнолия, потягивая кофе.

— Простите, миз Магнолия, учитывая, как чувствительны теперь чернокожие, следует ли говорить так при Фреде? — спросил я.

— Как именно? — Она удивленно воззрилась на меня своими огромными голубыми глазами.

— Ну, называть их ниггерами и все такое прочее.

— Но Фред никакой не ниггер,— негодуя произнесла миз Магнолия.

«Уж не дальтоник ли она?» — подумалось мне.

— Никакой не ниггер,— продолжала она.— Мой прадед купил его деда еще в пятидесятых годах прошлого столетия. Мы до сих пор храним расписку. Фред родился здесь. Фред вовсе не ниггер. Фред член семьи.

Я окончательно отказался от попыток понять ход мыслей жителей южных штатов.



Глава 3.

Отставка



В моих путешествиях мне доводилось сталкиваться со многими печальными и горестными случаями, но одно из множества событий оставило особенно глубокий след и вызывает скорбь всякий раз, когда я думаю о нем.

...Он был совсем маленького роста, и веса в нем было не больше, чем в покинутом родителями четырнадцатилетнем мальчишке. Кости казались такими же тонкими и хрупкими, как трубки древних глиняных флейт. Голова странной формы на худой шее напоминала опрокинутую греческую амфору. На ней выделялись подернутые влагой огромные глаза, размерами и формой похожие на глаза оленухи, изящный точеный нос, словно птичье крыло, и добрый красивый рот. Большие уши, точно вырезанные из тонкого пергамента, заострялись кверху, как у эльфа. Родом из Скандинавии, он был капитаном торгового судна, на котором мы плыли из Австралии в Европу.

В ту далекую дивную пору вполне можно было не спеша странствовать на таких судах до полутора месяцев в обществе еще десятка пассажиров. На этих маршрутах не было лайнеров типа «Куин Элизабет II», вы плыли точно на собственной яхте. Правда, были и свои изъязны: от вас не зависел выбор попутчиков. Все же среди десяти человек по меньшей мере двое оказывались более или менее приличными людьми, с которыми можно было завести дружбу, не боясь обидеть остальных своим невниманием.

На сей раз я был единственным пассажиром мужеского пола. Все остальные — возбужденно щебечущие пожилые австралийские леди, для которых это было первое в жизни морское путешествие, первый случай посетить Европу и первая возможность увидеть родину предков — Англию, обиталище королевы. Разумеется, все было для них так ново, так захватывающе интересно, что восторгам не было конца. И каюты чудесные, и койки удобные, и в душе всегда есть вода, и в салоне подают крепкие напитки, и обеденный стол такой большой, тщательно отполированный, и кормят замечательно. Точно дети на первом в жизни пикнике... Смотреть, как они радуются, было сплошное удовольствие. Но главным источником их радости, несомненно, был капитан парохода. С первого взгляда они прониклись к нему глубокой, серьезной, вечной любовью. В свою очередь капитан был сама забота и очарование. Он останавливался у каждого шезлонга на палубе, чтобы осведомиться, понравился ли нежащейся на солнце пассажирке завтрак, не был ли слишком горячим бульон (подаваемый ровно в одиннадцать); в салоне он лично следил за приготовлением тошнотворного напитка, именуемого коктейль «мартини». По его команде матросы спешили вызвать дам на палубу, чтобы они полюбовались летучими рыбками, фонтанирующим в

отдалении китом, альбатросом, парящим на широко расправленных крыльях за нашей кормой, как будто его кто-то привязал к ней невидимой струной. Капитан приглашал пассажиров пройти на нос парохода (в сопровождении матросов, следящих, чтобы никто не упал за борт) и посмотреть, как дельфины сопровождают судно, иногда стремглав уносясь вперед и стрелой взлетая в воздух над водой. Он спускался с ними в машинное отделение, сверкающее такой чистотой, что можно было, как говорится, есть с пола, как с тарелки, и рассказывал о внутренних органах корабля. Поднимался с дамами на мостик, откуда управлялся пароход, и объяснял, как радар позволяет ночью расходиться на безопасном расстоянии с другими судами, избегая страшных катастроф. Показывал камбуз и морозильник, где хранились продукты и готовились блюда для их стола, и с каждым новым открытием дамы проникались все более пламенной любовью к капитану, а этот милейший скромный человек старался придумывать для них все новые сюрпризы, как фокусник поражает публику своими чудесами.

— У нашего капитана золотое сердце,— заявила мне за утренним бульоном вечно потеющая тучная миссис Фарзингэйл.— Чистое золото. Будь мой муж хоть немного похож на него, наше супружество могло бы дольше продлиться.

Не имея чести быть знакомым с почтенным мистером Фарзингэйлом, я воздержался от комментариев.

— Наш капитан — самый приятный мужчина, кого я когда-либо знала, сама доброта и учтивость, иностранец — а такой воспитанный,— сказала мисс Лэндлок, и глаза ее наполнились слезами, которые грозили вот-вот скатиться по щекам в стаканчик

мартини (уже второй) в ее руке.— И он счастлив в своем браке, мне говорил об этом старший помощник.

— Не сомневаюсь,— отозвался я. Она скорбно вздохнула:

— Как и все хорошие люди.

— Что верно, то верно,— вступила в разговор миссис Фортескью, прикладываясь к третьему стаканчику джина.— Приличных неженатых мужиков с огнем не сыщешь. Как только я увидела нашего капитана, сразу сказала себе — вот приличный мужик, не станет с кем попало флиртовать, хоть и моряк.

— Наш капитан вообще не способен флиртовать,— возмутилась мисс Вудбай.— Он настоящий джентльмен.

— Поймай его жена на флирте с кем-нибудь, она бы лопнула от злости,— сказала мисс Лэндлок.

Путешествие было долгим, заняться на пароходе особенно нечем, а потому мне приходилось каждый день выслушивать бесконечные рассуждения о характере капитана, восхваление его достоинств и соображения о том, какой подарок ему купить в первом же (и единственном) нашем порте захода. Дамы с великим нетерпением ожидали этого Дня, и не столько даже ради возможности сойти на берег, сколько для того, чтобы осчастливить подарком своего героя. После длительных споров решили купить ему свитер. Не зная точно, сколько может стоить сей предмет одежды, Дамы постановили, что каждая внесет по два фунта, а я — согласитесь, весьма благородно — вызвался покрыть разницу, в какой бы сумме она ни выразилась. После того, как была благополучно разрешена эта каверзная проблема, разгорелся спор о цвете свитера. Белый — непрактичен, красный — чересчур кричащий, коричневый слишком мрачен, зеленый не пойдет к его глазам... Казалось, этому не будет конца. Видя, что дамы вот-вот вцепятся друг дружке в волосы, я объявил, что, набив руку на ловле диких зверей в

джунглях, как-нибудь сумею выведать у капитана, какой цвет он любит. Когда же я вернулся из похода с неожиданным известием, что капитан любит цвет овсянки, дамы смиренно восприняли эту новость, хоть и были разочарованы. Очередная мировая война была предотвращена.

Настал наконец великий день, когда наше судно зашло в порт. Дамы встали на рассвете, волнуясь, точно дети в рождественское утро. С криками: «Марджери, у тебя найдется для меня булавка?», «Агата, как потвоему, эти бусы подойдут к моим синим глазам?», «Ты не можешь одолжить мне бюстгальтер, а то у моего порвалась резинка?» — они порхали в одних халатах из каюты в каюту, наконец высыпали на палубу в своих лучших нарядах, включая пестрящие искусственными цветами соломенные шляпки, благоухая духами и пудрой так, что запах можно было услышать за сто метров с наветренной стороны. С сияющими глазами, улыбками до ушей этот оживший цветник расположился на катере и был доставлен на берег, предвкушая великое приключение.

Как ни умоляли и ни уговаривали меня, я предпочел остаться на борту парохода. Разумное решение, ибо меня сильно пугала перспектива (о чем я им, естественно, не сказал) ходить по магазинам в обществе десятка дам, одержимых мечтой приобрести лучший подарок для своего кумира. К тому же я в это время был занят сочинением очередной книги, а потому задумал тихо поработать в своей каюте, заказав на ленч бутерброд и стаканчик спиртного. Увы, моему замыслу не было дано осуществиться. Только я приступил к работе, как в дверь постучали и вошел старший помощник, мужчина лет тридцати, с коротко стриженными золотистыми волосами, одутловатым лицом и лишенными всякого выражения голубыми глазами. Он производил на меня впечатление человека

деятельного и вежливого, однако несколько мрачноватого.

— Капитан передает вам привет,— сказал старпом.
— Он заметил, что вас не было на катере вместе с дамами. Просил узнать — может быть, вам нездоровится?

— Нет-нет, благодарю, я совершенно здоров. Просто решил остаться на борту и еще поработать.

— Тогда капитан спрашивает, не окажете ли вы ему честь позавтракать вместе с ним?

Приглашение капитана застало меня врасплох, но и отказаться я не мог.

— Скажите капитану, что я буду рад.

— Без четверти час в баре,— сказал старпом и ушел.

В назначенное время я вошел в бар; капитан сидел у стойки, на которой лежала кipa каких-то бумаг, держа в руке стаканчик с хересом. Учтиво пожав мне руку, он заказал для меня спиртное и откинулся назад на табурете — этаким эльф, примостившийся на шляпке гриба.

— Как только я увидел, что вы не отправились на берег?— сказал он,— почувствовал, что должен пригласить вас позавтракать со мной вместе. Мне стало не по себе при мысли том, что вы будете есть в одиночку.

— Вы чрезвычайно любезны, капитан,— отозвался я.
— По правде говоря, я предпочел остаться на борту, потому что дамы собрались ходить по магазинам. Занятие не для моих нервов, особенно в обществе десятка леди.

— С одной дамой — и то это тяжелое занятие. Когда моя жена отправляется за покупками, я никогда не сопровождаю ее. Она притащит все домой, чтобы показать мне, а на другой день несет обратно в магазин, чтобы обменять,— сказал капитан.— Но женщины есть женщины, без них тоже не проживешь.

Мой брат, который был женат четыре раза, сказал мне однажды: «И почему нельзя было изобрести что-нибудь получше женщин?»

Тут капитан расхохотался так, что едва не упал с табурета. Отсмеявшись и заказав нам еще по стаканчику, он посерьезнел:

— Я как раз хотел посоветоваться с вами насчет наших дам, мистер Даррелл. Вам известно, что через четыре дня мы пересечем экватор — событие, которое положено торжественно отметить. Когда везешь молодых пассажиров, празднование обычно происходит около плавательного бассейна. «Бритье» Нептуном, всякие розыгрыши и прочие потехи, а в заключение участников ритуала сталкивают в бассейн.

Он остановился и глотнул вина.

— Не думаю, чтобы это понравилось нашим дамам,— осторожно заметил я.

Глаза капитана расширились от ужаса.

— Что вы, мистер Даррелл, это совершенно исключено. Нет, нет и нет. Наши леди, скажем так, уже вышли из того возраста, когда предаются таким потехам. Нет, у меня было задумано устроить небольшой банкет. Наш кок умеет отлично готовить, были бы подходящие ингредиенты, и я поручил ему закупить все необходимое — фрукты, свежее мясо и все такое прочее. Разумеется, выпьем шампанского. Как вы думаете, им это понравится?

— Мой дорогой капитан, они будут в восторге, и вы это знаете,— ответил я.— Вы столько сделали, чтобы это путешествие стало для них памятным и счастливым, и вы должны знать, что они без ума от вас.

Капитан смущенно порозовел.

— Более того,— продолжал я,— в их представлении вы просто не способны совершить что-нибудь неподобающее, а потому любое ваше начинание ждет сказочный успех. Единственное, чего вам следует

опасаться,— как бы ваша жена не проведала, что в вас влюблены одновременно десять женщин.

Капитан порозовел еще сильнее.

— К счастью, у меня очень умная жена,— сказал он.
— Она всегда говорит мне: «Зигфрид, если тебе приглянется другая женщина — ничего страшного, только покажи ее мне, чтобы я могла убить ее раньше, чем вы начнете крутить любовь».

— В высшей степени разумная особа,— заметил я.— Выпьем за ее здоровье!

Мы чокнулись, потом пошли завтракать.

После холодного супа, в коем плавали останки какой-то рыбы, то ли неизвестной науке, то ли забракованной учеными, капитан отложил ложку, вытер салфеткой рот, прокашлялся и наклонился над столом, доверительно обращаясь ко мне:

— Мистер Даррелл, вы такой известный писатель, хотелось бы услышать ваше мнение еще по одному вопросу.

Я подавил стон. Неужели попросит прочесть историю его жизни — такие «Пятьдесят лет на море» или «Эй, тайфуны!» — и сказать, что я думаю о ней?

— Да, капитан,— покорно произнес я,— в чем дело?

— Мне подумалось, что кроме банкета нашим дамам следовало бы преподнести что-нибудь на память о пересечении экватора. Что вы как писатель могли бы сказать вот об этом?

С этими словами он положил на белую скатерть один из тех листов бумаги, которые изучал в баре, что-то вроде старинного пергамента, на каких в средние века писали всякие указы. На каждом листе изумительным каллиграфическим почерком были выведены название судна, пункт назначения, дата пересечения заветной линии и, наконец, фамилия и имя пассажирки, украшенные декоративными завитушками. Настоящее произведение искусства...

— Капитан,— сказал я с восхищением.— Это великолепно. Дамы будут в восторге. Назовите мне имя таланта из вашей команды, который писал эти грамоты!

Капитан снова зарделся.

— Я сам их писал,— скромно молвил он.— В свободное время увлекаюсь каллиграфией.

— Поверьте, эти грамоты просто бесподобны, дамы будут потрясены.

— Я рад. Мне так хотелось, чтобы это мое последнее плавание прошло благополучно.

— Последнее плавание?

— Да, когда мы завершим его, я уйду в отставку.

— Но вы еще так молодо выглядите,— возразил я.

— Благодарю.— Он учтиво наклонил голову.— Но я уже в пенсионном возрасте. С шестнадцати лет плаваю, тем не менее, как ни люблю я море, с радостью изменю образ жизни. Помимо всего прочего, такая жизнь тяжело дается моей жене. Всегда страдают женщины, особенно если нет детей и их гнетет одиночество.

— И где вы собираетесь обосноваться? — спросил я. Капитан заметно оживился:

— В моей стране есть на севере чудесный небольшой залив, а на его берегу — маленький городок Шпицен. Мы с женой уже несколько лет назад купили там дом. Прямо на скалах за городом, над самым заливом. Изумительные виды. Представляете себе: я могу, лежа на кровати, смотреть, как за окном парят чайки! Слышать их крики, шум моря. В плохую погоду ветер ухает вокруг дома, будто филин, волны с грохотом разбиваются о берег. Потрясающе.

И чем же вы будете заниматься? Лицо этого эльфа приобрело мечтательное выражение. " Буду заниматься каллиграфией,— мягко произнес титан, точно загипнотизированный этой мыслью.— Это Увлечение нельзя запускать. Займусь живописью, буду играть на флейте, постараюсь восполнить то, чего была лишена

моя жена за годы одиночества. Понимаете, я ни в чем не достиг особенных вершин, разве что напоследок сумею отличиться, но мне нравится пытаться что-то делать, хоть как-то, это приносит удовлетворение. Я поднял свой стаканчик:

— За ваши счастливые долгие годы в отставке. Капитан снова ответил старомодным поклоном.

— Благодарю. Надеюсь, ваше пожелание сбудется. Самое главное — отставка принесет радость моей дорогой терпеливой жене,— сказал он с лучистой кроткой улыбкой.

Вернувшись в каюту, чтобы передохнуть, я вскоре был извещен о возвращении наших дам из города перестуком каблучков, хлопаньем дверей и пронзительными возгласами:

— Люсинда, корзинка, которую я купила, красно-зеленая,— у тебя? Слава Богу, я уже думала, что забыла ее в такси!

— Мэйбл, зря ты накупила столько фруктов — эти бананы быстро сгниют, совсем как нынешние политики!

Несколько позже мне за коктейлем под большим секретом показали пять свитеров, купленных для капитана. Такое обилие было вызвано тем, что дамы снова заспорили из-за цветов, когда выяснилось (как и следовало ожидать), что свитеров цвета овсяной муки в продаже не было. Ко мне обратились, чтобы я выбрал лучший, поставив меня в положение, коему не позавидовал бы сам царь Соломон. Спасаясь от подстерегающих меня мин, я объявил, что, по словам капитана, это его последнее плавание. Тотчас салон наполнили протяжные жалобные крики, точно меня окружала стая кукабурр, лишившихся птенцов: «Не может быть?!», «Он такой порядочный малый!», «Такой учтивый и культурный», «Такого иностранца не стыдно и дома принять», «Настоящий джентльмен в подлинном смысле слова, какими я представляю себе настоящих

джентльменов». Можно было подумать, что мы обсуждаем возможность снятия с поста Нельсона перед Трафальгарской битвой. Я заказал всем еще по стаканчику и, добившись тишины, произнес, если не ошибаюсь, что-то вроде: «У каждой тучки есть светлая подкладка», подразумевая, что нет худа без добра.

Услышав старую банальную фразу, все успокоились и стали ждать, что я скажу дальше. И я рассказал, что капитан и его супруга поселятся в своем чудесном домике на севере, где весной расстилается пестрый ковер из цветов и звучит божественный хор птичьих голосов. Зимой же там бушуют штормы, молнии расписывают небо белыми зигзагами, раскаты грома звучат так, будто на деревянный пол сбросили миллион картофелин, а волны обрушиваются на берег, точно атакующие сушу армады свинцово-синих львов с белыми гривами. Дамы, затаив дыхание, впитывали все что выдавало мое буйное воображение. Где человек, задал я риторический вопрос, который в таких условиях сможет выжить без пяти свитеров разных цветов? Там пять свитеров просто необходимы. Дамы были в экстазе. Их коллективная мудрость спасет героя от гипотермии! Как не отметить такое достижение еще одним стаканчиком!

Два дня спустя наш педантичный капитан распорядился отнести в каждую каюту карточки, извещающие печатными буквами, что вечером на борту состоится специальный обед по случаю пересечения линии экватора, чем до крайности возбудил пассажиров. Они лихорадочно обсуждали свои одеяния, доставали одни, браковали другие, стирали, гладили и снова браковали, обнаружив на дне чемодана более подходящий трофей. Косметика выстроилась в некое подобие радуги между каютами. Запах десятка соперничающих друг с другом духов катился по коридору с силой лесного пожара. Крики радости и

досады, стоны, выражающие полное отчаяние, и веселые возгласы, отдающиеся в проходах между каютами, напрашивались на сравнение с греющим душу хором птичьих голосов на рассвете. Наконец, промыв и уложив каждый волосок, тщательно подрисовав каждую бровь, придав каждому веку зеленый или голубой оттенок, покрасив губы в алый цвет, втиснув, куда положено, каждый бюст и каждые ягодички, дамы были готовы.

В баре их приветствовали ряды ведерок со льдом и шампанским. Вызванное видом такого изобилия радостное Щебетанье было восхитительным.

Затем появился герой дня в белой, как летнее облачко, нарядной форме. В руках он держал большую картонную коробку и, как только смолкло щебетанье поклонниц, извлек из нее для каждой дамы по гардению, для меня — гвоздику. Хорошо, что я не поленился отыскать в чемоданах свой потрепанный смокинг и уговорил стюарда привести его в более или менее приличный вид. Дамы были потрясены. Никто, будь то даже какой-нибудь достойный малый, коих иногда можно встретить в Австралии, в жизни не дарил им гардений. Они жадно нюхали их налево и направо, упиваясь дивным ароматом. Затем бокалы наполнились шампанским и бар огласился девичьим хихиканьем, сопровождаемым обычными жалобами на ударяющие в нос пузырьки. Когда иссякли реки шампанского, веселая компания проследовала в салон, где был назначен банкет.

Команда не пожалела сил, чтобы угодить нам. Белую камчатную скатерть украшали свежие цветы; для вина откуда-то были извлечены хрустальные бокалы. На первое подали изысканный паштет, за которым последовал изумительный копченый лосось с приправой из сливок, хрена и укропа. Далее — цыплята в винном соусе с восхитительным овощным гарниром и

пышные картофельные пирожки. После цыплят подали сыр и под восторженные возгласы собравшихся внесли огромную шоколадную бомбу. Когда ее разломали и настала очередь кофе, капитан поднялся и произнес речь.

— Уважаемые леди, мистер Даррелл,— начал он, поприветствовав нас коротким старомодным поклоном. — Сегодня у нас особый случай. Я знаю, мистер Даррелл, который много путешествует, не раз пересекал линию экватора. Но знаю также, что присутствующие здесь дамы делают это впервые, для них переход из одной стороны земного шара в другую — важное событие, и мы обязаны его отметить.

Подойдя к длинному столу у стены, он осторожно взял в руки свитки, над коими так поработал, вернулся к нам и положил их на скатерть рядом со своей тарелкой.

— Посему,— продолжал капитан,— я приготовил для каждого из вас документ, удостоверяющий, что вы пересекли экватор и совершили это на моем судне. Надеюсь, грамоты вам понравятся.

Завороженная публика откликнулась на его слова взволнованным бормотанием.

— А теперь, леди,— сказал он, поднимая бокал,— разрешите выпить за вас, за ваше счастье и здоровье и сказать вам спасибо за то, что вы сделали таким приятным мое последнее плавание.

Он поднес, улыбаясь, бокал к губам, вдруг тот выпал из его руки, пролив шампанское на скатерть, и капитан упал замертво.

Можете себе представить, как, мы были ошеломлены, когда капитан произносил свою маленькую речь, мой взгляд был обращен на его симпатичное лицо, и я увидел, как глаза его внезапно потускнели. Никаких признаков острой боли. О том, что происходит нечто неладное, говорило только

пролитое вино и тот факт, что капитан упал как подкошенный на бок прямо к ногам старпома и второго помощника, которые стояли рядом с ним, приготовившись раздавать грамоты. Оба они замерли на месте, точно статуи. Я повернулся к сидящей справа от меня миссис Мэлрепоуз, самой практичной и уравновешенной из всего дамского выводка.

— Уведите всех в бар. Мы окажем помощь капитану. Она обратила на меня страдальческий взгляд, однако послушалась. Я поспешно обогнул стол. Старпом и второй помощник по-прежнему стояли навтыжку над своим мертвым капитаном, словно в почетном карауле.

— Расстегните ему воротник,— сказал я.

Старпом вздрогнул, как будто вдруг проснулся. Шею капитана облекал старомодный крахмальный воротничок с золотой запонкой, которую не сразу удалось расстегнуть. Сосуд на шее не пульсировал, и под хрупкими ребрами ничто не билось. Я выпрямился.

— Он мертв,— сообщил я, что и без того было очевидно.

Старший помощник посмотрел на меня.

— Что нам делать? — спросил он, человек, привыкший исполнять, а не отдавать команды.

— Послушайте,— раздраженно ответил я,— если не ошибаюсь, когда на британском торговом судне умирает капитан, его место занимает старший помощник. Так что теперь вы капитан.

Он уставился на меня пустыми глазами:

— Но что мы должны делать?

— Господи,— рассердился я,— *вы* капитан, вы скажите *нам*, что делать.

— Что бы вы предложили? Я вздохнул:

— Во-первых, поднял бы вашего бывшего капитана с пола и отнес его в каюту. Затем раздел бы, обмыл, одел надлежащим образом. После чего связался бы с

пароходством и доложил о случившемся. Тем временем я займусь дамами.

— Есть, сэр,— отчеканил старпом, довольный, что нашелся человек, отдающий команды.

— Да, и если будет решено хоронить его в море, постарайтесь сделать это ночью, иначе дамы впадут в черную меланхолию.

— Есть, сэр,— ответил старпом.— Я все устрою.

Я прошел в салон, где меня встретили слезами и вопросами о здоровье кумира.

— Леди, боюсь, у меня дурные новости. Наш любимый капитан покинул нас. Однако...

Меня прервали душераздирающие причитания. Дамы припадали друг к дружке, плача навзрыд. Они были так потрясены, точно умер кто-то из самых близких им людей. Мне доводилось слышать про то, как люди в отчаянии ломают себе руки, теперь я впервые увидел это собственными глазами. Они дали выход горю, совсем как это заведено в Греции, демонстрируя свою беззаветную любовь к капитану. Я подозревал бармена, который явно был огорошен не меньше всех нас.

— Бренди для всех,— шепнул я ему,— да побольше.

Когда в дрожащих руках у каждой дамы появились бокалы, где слез было столько же, сколько бренди, я обратился к ним.

— Леди,— начал я, чувствуя себя, точно Рональд Рейган, вознамерившийся посягнуть на одну из ролей в трагедиях Шекспира,— прошу внимания.

Послушно, словно дети, они обратили ко мне лица с размазанным по щекам зеленым и синим гримом и слипающимися от слез веками.

— Наш любимый капитан ушел из жизни,— продолжал я.— Это был милейший, добрый человек, нам будет страшно его не хватать. А сейчас попрошу вас поднять бокалы и выпить, поминая этого чудесного

человека, однако в то же время попрошу вас запомнить три вещи. Во-первых, капитану отнюдь не хотелось бы, чтобы мы страдали, ибо он делал все, чтобы мы были счастливы.

Миссис Мидоусвит громко всхлипнула, но остальные леди зашикали на нее, чему я был только рад.

— Во-вторых, я внимательно наблюдал за ним и могу заверить вас, что он умер, не испытывая никаких мук. Не такой ли смерти мы пожелали бы своим самым дорогим и близким, да и самим себе, когда пробьет этот час?

Я услышал утвердительные возгласы.

— В-третьих, когда все вы отправились на берег, я позавтракал вместе с капитаном, и в разговоре со мной он признался, что благодаря вашему присутствию на борту его последнее плавание явилось для него особенно отрядным и памятным. Более того, он подчеркнул, что затруднился бы ответить, спроси я его, какая из дам пришлась ему больше по душе.

Послышался шепот, выражающий удовлетворение и гордость.

— Итак, выпьем за нашего друга капитана, которого мы никогда не забудем.

— Никогда! — дружно подхватили дамы.

Мы выпили, и я подал бармену знак, чтобы налил еще по одной. Наконец дамы под сильным хмельком, но уже не так истерично настроенные, разбрелись по своим каютам. Я собирался последовать их примеру, когда рядом со мной вдруг возник старпом. Вот уж кого мне сейчас отнюдь не хотелось видеть... Утешая дам, я сам с трудом удерживался от проявления своей скорби.

— Я сделал, как вы сказали, сэр,— сообщил старпом.

— Хорошо,— сухо отозвался я.— Хотя мне не понятно, зачем вы мне докладываете об этом. Теперь вы капитан, черт возьми.

— Да, сэр, и его вдова пожелала, чтобы он был похоронен в своем родном городе.

— Ну и? Доставьте его туда.

— Да, сэр.— Он помолчал, глядя на меня все такими же ничего не выражающими глазами, потом добавил: — Я весьма сожалею о случившемся. Капитан был мне очень симпатичен.

— Мне тоже,— устало произнес я.— Это был милейший, добрый, славный человек, такие теперь не менее редки, чем единорог.

— Чем кто, сэр?

— Неважно. Я пошел спать. Спокойной ночи.

К утру дамы более или менее пришли в себя. Кто-то всхлипывал, кто-то вытирал слезинки, но, превознося многочисленные достоинства капитана, о нем говорили уже в прошедшем времени.

Пароход покрывал милю за милей в голубых пустынных водах (пустынных, если не считать резвящихся, точно школьники после уроков, дельфинов, которые то и дело затевали танцы вокруг нашего судна), и с каждым днем тановилось все жарче. Миссис Мидоусвит и миссис Фарзингэйл обгорели на солнце, уснув в своих шезлонгах, у миссис Мэлрепоуз прихватило сердце, пришлось отнести ее в темную каюту и обложить холодными компрессами, в остальном же ничего особенного не происходило. Выросший под небом Греции, я чувствовал себя великолепно, купаясь в солнечных лучах и приобретая загар, способный вызвать зависть у друзей. Однако в конце концов палящий зной и меня загнал в прохладную сумеречную каюту, куда ко мне вскоре наведалься бывший старший помощник.

— Извините, что беспокою вас, сэр,— сказал он,— но у меня проблемы с капитаном.

Его слова ошеломили и озадачили меня, ибо я уже привык думать о *нём* как о капитане.

— Вы хотите сказать — у вас проблемы с вашим бывшим капитаном?

— Да, сэр.— Он неловко переступил с ноги на ногу, потом выпалил: — Он становится неприятным.

Что он такое несет?

— Как это понимать — неприятным? — спросил я.— Он ведь мертв.

Бывший старпом оглянулся по сторонам, как бы удостовераясь, что нас никто не подслушивает.

— Он *начинает...* как бы это сказать... в общем, он начинает пахнуть,— сообщил бывший старпом приглушенным голосом, как будто произнес богохульство.

— Вы хотите сказать, что в *такую жару* по-прежнему держите тело в *каюте*! — с ужасом осведомился я.

— Да, сэр, вы сами сказали, чтобы мы отнесли его туда,— укоризненно ответил он.

— Но помилуйте, в такую жару это ведь нелепо. Почему не перенесли его в морозильную камеру?

Он озадаченно уставился на меня:

— Вы хотите сказать — вместе с продуктами?

— При чем тут продукты — там достаточно много места, уж наверно можно найти для него свободный уголок?

— Пойду проверю,— сказал бывший старпом и удалился.

Вскоре он опять пришел:

— Я нашел место, сэр, в кладовой для мяса. Поместил его туда.

— Хорошо,— отозвался я, мысленно представив себе жуткую картину: наш милейший капитан лежит на полу под качающимися окороками.— Только, ради Бога, чтобы дамы об этом не знали ни в коем случае, понятно?

— Да, сэр,— отчеканил он.— Не узнают.

Наше плавание продолжалось, и если не считать нескольких дней плохой погоды (пустячок, всего лишь умеренная зыбь, которая вынудила дам отсиживаться в каютах, поливаясь одеколоном), все шло вполне гладко. Дамы приободрились и даже стали привыкать к новому капитану, хвалили его и второго помощника за отменные салаты, разноцветное мороженое и превосходные отбивные. Что бы они сказали, спрашивал я себя, если бы узнали, что их кумир покоится в морозной тьме рядом с потребляемыми ими продуктами?.. Страшно было подумать, какой катастрофой это могло бы обернуться.

Наступил наш последний вечер в море, завтра — конец путешествию. Дамы полным ходом укладывали свои вещи — трудоемкий процесс, сопровождаемый взволнованными возгласами. Хлопали двери кают, стучали каблучки. «Люсинда, ты нашла зеленое платье, которое я тебе одалживала?», «Мэйбл, ты не могла бы зайти посидеть на моем чемодане? Почему-то эти чемоданы всегда откусывают больше, чем могут прожевать!», «Эдна, дорогая, поверь мне, если ты уложишь эту бутылку на самое дно чемодана, от тебя, когда мы спустимся на берег, будет нести спиртным хуже, чем от отступника общества «Анонимных алкоголиков»!».

Я направился в бар, чтобы пропустить стаканчик перед обедом. Там было почти пусто, только бывший старпом сидел у стойки, потягивая бренди. Глянув на стоящую перед ним бутылку, я убедился, что он не терял времени зря.

— Добрый вечер,— поздоровался я.

Он выпрямился и воззрился на меня. Должно быть, здорово набрался, сказал я себе, хотя по глазам его, как всегда, ничего нельзя было понять.

— Добрый вечер, сэр,— отозвался бывший старпом. Подумав, указал на бутылку: — Присоединяйтесь?

— Благодарю,— ответил я и, поскольку бармена не было видно, сам нашел стакан и налил себе из бутылки нового капитана.

Тишина объяла нас, точно густым туманом. Я выждал минуту-другую, прежде чем развеял этот туман.

— Ну,— весело произнес я,— полагаю, вы рады, что плавание подходит к концу. Сможете немного отдохнуть Дома. Вы где живете?

Он поглядел на меня, поглощенный своими мыслями:

— У нас проблемы с капитаном.

Господи, что там еще?.. У меня по спине пробежал холодок.

— Что еще за проблемы?

— Я сам виноват, должен был проследить.

— Что за проблемы? — повторил я.

— Если бы проследил, ничего такого не случилось бы,— сказал он, подливая себе бренди.

— Что не случилось бы?

Он отпил хороший глоток, помолчал, потом ответил:

— Вы помните, как мы забрали капитана из каюты и отнесли... отнесли... отнесли его вниз?..

— Помню.

— Тогда он был еще мягкий, понимаете? Сразу после этого погода испортилась и наших пассажиров укачало.— Он пожал плечами.— Нам-то что, а им было плохо. От этой зыби людей укачивает.

Он сделал еще глоток.

— И от качки капитан стал двигаться.

— Двигаться? — опешил я.— Как это понимать?

— Мы положили его плашмя, но качка стронула его с места, и ноги согнулись в коленях.— Он поднял вверх свою согнутую в колене ногу и похлопал себя по бедру. — Это я виноват. Не проверил. Понимаете, перед тем он был еще тепленький, а тут замерз в такой позе.

Он снова прервался, чтобы глотнуть бренди.

— Плотник сколотил гроб, и сегодня мы спустились вниз, чтобы аккуратненько уложить его туда и отправить готовенького вдове.

Меня слегка поташнивало, и я не стал придираться к его выражениям.

— Мы все испробовали,— продолжал бывший старпом.— Буквально все. Я вызвал двух самых сильных матросов, но они не смогли разогнуть его ноги. Невозможно. А ведь его непременно надо было уложить в гроб сегодня вечером. Сами понимаете — оформление документов и все такое прочее. У нас не было времени, чтобы — сами понимаете — разморозить его.

Он щедро плеснул в свой стакан золотистого бренди и проглотил.

— Пришлось ломать ему ноги молотом.— С этими словами он повернулся и вышел, пошатываясь, из бара.

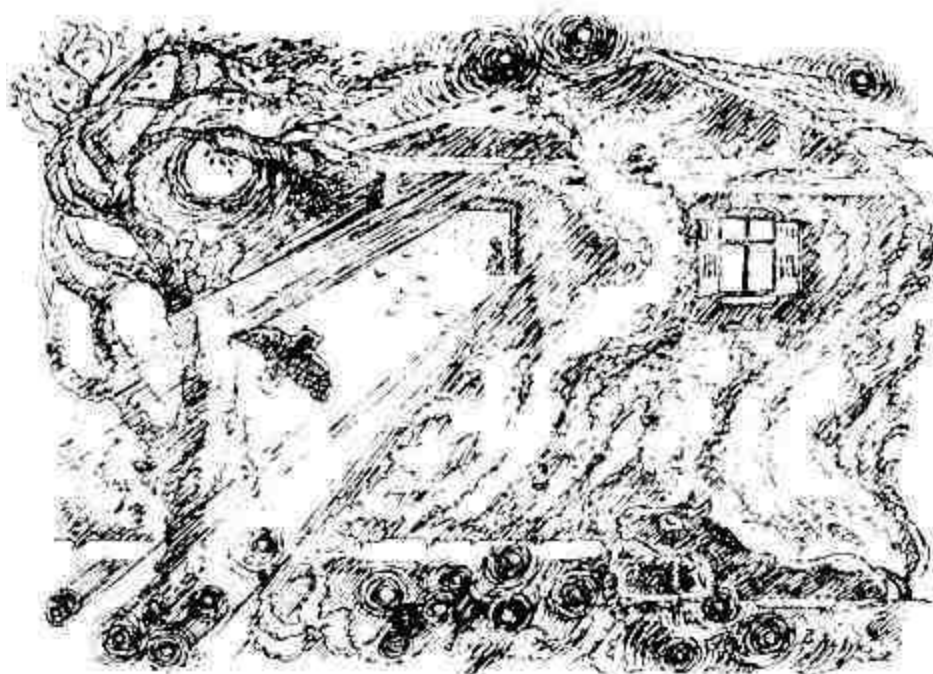
Меня бросило в дрожь, и я налил себе порцию бренди, не уступающую той, с которой управился бывший старпом. Постоял немного, вспоминая капитана — его обаяние, учтивое обхождение с пассажирками, доброту, но главное, его слова о том, как он займется живописью, будет играть на флейте, будет, лежа в постели с любимой женой, смотреть, как за окном их спальни парят чайки. И я сказал себе, что к мысли об отставке следует привыкать постепенно, понемногу, ибо никогда не знаешь, что тебя ждет за углом.

А еще я решил воздержаться от обеда.



Глава 4.

Мама на выданье



В том году лето на Корфу выдалось отменное. По ночам на темно-синем бархатном небе, казалось, загоралось больше звезд, чем когда-либо раньше, придавая ему сходство с огромным синим лугом, испещренным глянцевыми шляпками крохотных грибов. Луна выглядела вдвое больше обычного; сперва — по мере вращения Земли и появления в ночном небе нашего спутника — оранжевая, точно танжерин, она затем меняла свой окрас от абрикосового до нарциссово-желтого, чтобы вдруг каким-то чудом стать белой, цвета свадебной фаты, расписывая серебряными кляксами почву между кривыми и сутулыми оливами. Возбужденные красотой и теплом этих ночей, светлячки из всех сил старались перещеголять звезды и выстраивали собственные мерцающие созвездия между дере́зьями, с которых разносился похожий на

печальный перезвон колокольцев мелодичный свист сплюшек. На рассвете небо на востоке озарялось кроваво-красной поперечной полосой, проведенной мечом восходящего солнца. Красный цвет сменялся канареечно-желтым, затем сиреневым, и наконец с явлением над горизонтом ослепительного солнца все небо становилось вдруг светло-синим, как лепестки многолетнего льна, а звезды гасли, точно задуваемые свечи после пышного бала.

Я обычно просыпался до того, как верхний край солнечного диска заливал светом наш мир, и пристально обозревал свою комнату с ее содержимым. Комната была просторная, с двумя большими окнами и решетчатыми ставнями, из коих даже самый слабый ветер извлекал мелодичные звуки. Зимой они превращались в настоящий оркестр. Пол был сложен из чисто выскобленных, жалобно скрипящих досок, на которых в одном углу лежали два потертых одеяла и подушка; здесь, храпя и вертясь беспокойным клубком, спали мои псы — Роджер, Виддл и Пьюк. Прочие принадлежности обычной спальни комнаты отсутствовали. Правда, у стены стоял шкаф, предназначенный для моей одежды, однако большую часть его занимали более полезные предметы, вроде маленькой рогатинки для поимки змей, сачков для ловли насекомых, различных сетей для обитателей прудов и канав и тенет покрепче — для морских тварей, а также удочек и трезубцев, которыми было сподручно вытаскивать на поверхность воды пучки водорослей, чтобы легче было извлекать из зеленых лабиринтов всякую живность.

Не обошлось, конечно, и без стола, но он был завален моими записями, книгами, пробирками с разного рода мелюзгой, а в тот день, если мне не изменяет память, на нем лежал еще найденный мной истерзанный еж, чей запах начинал смущать даже мой

снисходительный нос. На полках вдоль стен стояли аквариумы, где плавали тритоны и черепашата величиной с грецкий орех, и террариумы, где сидели, будто одетые в зеленый бархат, древесные лягушки, gekkonys с такой тонкой кожей на брюшке, что можно было рассмотреть внутренние органы, и богомолы, которые злобно таращились на вас выпуклыми глазами. Председательское место вверху на оконной раме занимал, щуря глаза от яркого солнечного света, Улисс — сплюшка, смахивающая на статуэтку из пепельно-серого дерева, расписанную черными мальтийскими крестами.

В саду за окном чайка Алеко кричал, требуя рыбы, и отчаянно стрекотали две мои сороки. Решетчатые ставни Расписали голый пол зебровыми полосами. Хотя я спал голый и день только-только начинался, под горячей простыней на моем теле уже выступил местами пот. Поднявшись с кровати, я прошлепал к окну, распахнул ставни, и в комнату хлынула волна одуванчиково-желтого света. Собаки потянулись, зевнули, поискали зубами блох и встали, виляя хвостом. Убедившись, что моя ослица Сэлли по-прежнему привязана к стволу миндаля, где я оставил ее накануне, и что ее не похитил какой-нибудь подлый селянин, я стал одеваться. Несложная процедура — влез в шорты, надел футболку, сунул ноги в разношенные сандалии, и можно начинать трудовой день. Первым барьером на моей дистанции был завтрак вместе с родными, когда следовало держаться возможно более смирно на случай, если старший брат Ларри почуял запах ежа. Не следовало родному брату, полагал я, обладать таким острым обонянием.

Завтракали мы в маленьком саду у выстланной плитняком и оплетенной лозой веранды. Сад имел весьма старомодный вид: квадратные, круглые, треугольные или звездообразные маленькие клумбы

были обложены белым камнем. Посередине каждой из них стояло танжеринное деревце, источавшее в лучах солнца упоительный запах. У подножия деревьев росли незатейливые цветы — незабудки, гвоздики, лаванда, флоксы, левкой, табак и ландыши. Этакая площадь Пиккадилли для местных насекомых, а потому — мое любимое охотничье угодье, ибо тут мне попадалось все — от бабочек до муравьиных львов, от златоглазок до хрущей, от больших жужжащих шмелей до тоненьких ос.

Стол помещался в тени под танжеринами, и вокруг него, расставляя тарелки, ковыляла, тихо постанывая, наша служанка Лугареция. Профессиональный ипохондрик, она постоянно лелеяла семь или восемь недугов, готовая, если вы не были начеку, усладить ваш слух живым и порой муторным описанием того, что творится в недрах ее утробы или как ее варикозные вены вибрируют, точно тамтамы дикарей, ступивших на тропу войны.

В этот день я с удовольствием отметил, что у нас на завтрак омлет. У мамы было заведено варить на медленном огне до полной прозрачности мелко нарезанный лук и затем смешивать с ним снесенные нашими собственными курами яйца с яркими, как солнце, желтками. Однажды моя сестра Марго в филантропическом порыве выпустила кур погулять. Они нашли клочок земли с диким чесноком и поклевали вволю, так что на другое утро наш омлет отличался совершенно необычным вкусом. По мнению моего брата Лесли, это было все равно что есть обивку с кресел греческого автобуса.

Недурно начинать день с омлета. Я обычно съедал две порции, после чего уписывал четыре-пять тостов, густо намазанных медом из наших собственных ульев. Чтобы меня не сочли обжорой, спешу объяснить, что потребление такого количества тостов с медом было

сродни слушанию лекции по естественной истории или участию в археологических раскопках. Ульями заведовал муж Лугареции, щуплый мужчина, по лицу которого можно было подумать, будто он несет на своих плечах непосильное бремя забот; да так оно, собственно, и было, в чем всякий мог убедиться, проведя десять минут в обществе его супруги. Когда он извлекал из наших пяти ульев тщательно припасенный пчелами фураж, они жалили его так нещадно, что ему несколько дней приходилось отлеживаться в постели. И во время пчелиных атак он неизбежно ронял соты на землю, где они становились бесподобными липкими ловушками для снующих поблизости насекомых. Как ни старалась мама процеживать мед, прежде чем подавать на стол, в нем всегда таилась небольшая интересная зоологическая коллекция. А потому намазывать хлеб пахнущим мускусом золотистым лакомством было все равно что плавить янтарь, в коем можно найти все, что угодно — от крохотных мошек и гусениц до жуков и многоножек. Однажды меня обрадовала находка ухвертки неизвестного мне вида. Словом, завтрак был в биологическом смысле чрезвычайно интересной трапезой. И меня весьма огорчало, что остальные члены семьи совершенно не интересуются зоологией и отнюдь не разделяют моих восторгов по поводу содержащихся в меде сокровищ.

Именно за завтраком познакомились мы со своей почтой, которая поступала (если вообще поступала) раз в неделю. Я писем не получал, но возмещал этот изъян чтением журнала «Животные и зоопарки» и прочих ученых трудов, повествующих о «Приключениях черной красавицы Ринтин-тин» и прочих зоологических героях. Пока мы ели и просвещались, каждый читал избранные места вслух для Других членов семейства, коим, естественно, было не до того, чтобы слушать.

— Мэрдок вздумал опубликовать свое жизнеописание,— с презрением в голосе сообщил Ларри.— Как мало надо прожить на свете, чтобы обрушивать свою автобиографию на головы ничего не подозревающей публики! Ему, наверно, нет и двадцати пяти. Можно мне еще чая?

— В одном швейцарском зоопарке у носорогов родился детеныш! — с ликованием докладывал я родным.

— В самом деле, милый? Я рада за них,— отзывалась мама, листая каталог семян.

— Тут сказано, что снова входят в моду рукава с буфами и жесткая отделка кисеи,— объявляла Марго.— Давно пора...

— Конечно, дорогая,— говорила мама.— Уверена, цинии хорошо примутся тут у нас. На клумбе сразу за уль-ями; Там хватает тепла.

— Бьюсь об заклад, за мою коллекцию кремневых ружей можно выручить целое состояние в Англии. Там платят безумные деньги за всякую дрянь,— просвещал Лесли глухую к его словам аудиторию, листая свой каталог оружия.— На днях я купил тут одно за двадцать драхм — в Англии за него дали бы не один фунт.

Как ни странно, хотя, казалось бы, каждый был поглощен изучением своей почты, вибрирующие щупики все улавливали, бракуя большую часть из того, что говорилось, и превращая нас в негодующее собрание, если кто-то произносил нечто неподобающее. В это утро всех завел Ларри — точнее, он поджег шнур, ведущий к пороховой бочке.

— Ух ты, здорово! — радостно воскликнул он.— Антуан де Вер собрался погостить у нас.

Мама воззрилась на него поверх очков.

— Послушай, Ларри,— сказала она,— мы только что избавились от пачки твоих друзей. Я не желаю принимать новую ораву, это уже чересчур. Просто сил

не хватает, и готовить надо на всех, и тут еще Лугареция со своими ногами, и все такое прочее.

Ларри обиженно уставился на маму.

— Я вовсе не прошу тебя жарить для Антуана ноги Лугареции,— заявил он.— Уверен, они вовсе не съедобны, если все, что она про них говорит, правда.

— Ларри, знай меру,— строго заметила Марго.

— Разве я предлагала жарить ноги Лугареции? — разволновалась мама.— Не говоря уже о том, что у нее варикозные вены.

— Уверен, в Новой Гвинее их посчитали бы деликатесом,— продолжал Ларри.— Там вены, наверно, заменяют спагетти. Но Антуан привык к культурной пище, вряд ли он станет их есть, даже если их обваляют в панировочных сухарях.

— Я говорю не про вены Лугареции,— окончательно возмутилась мама.

— Как же, *ты* первая про них заговорила,— не унимался Ларри.— Я только предложил обвалять их в сухарях, чтобы выглядели более изысканно.

— Ларри, ты выводишь меня из себя,— сказала мама.— И не вздумай говорить людям про ноги Лугареции так, будто речь идет о продуктах из моей кладовой.

— А кто все-таки этот де Вер? — спросил Лесли.— Небось какой-нибудь из этих женоподобных гомиков?

— Ты не *знаешь*, кто такой де Вер? — поразились Марго.— Это же великий киноактер! Он снимался в Голливуде. Один раз чуть не снялся вместе с Джейн Харлоу. Сейчас снимается в Англии. У него смуглая кожа... и... и... он смуглый, и он...

— Смуглый? — подсказал Лесли.

— Красивый,— сказала Марго.— Во всяком случае, кое-кому он кажется красивым. Я так не считаю. По-моему, так он слишком стар. Ему, наверно, все тридцать

исполнились. Я бы не увлеклась такой старой кинозвездой, а ты?

— Я бы не увлекся, будь он красив, будь он звезда, будь он стар и будь он мужчина,— твердо произнес Лесли.

— Когда вы двое закончите препарирование качеств моего друга...— начал Ларри.

— Только не ссорьтесь, дорогие,— вмешалась мама. — Право, вы, дети, способны ссориться из-за всяких глупостей. Так вот, насчет этого де Бера или как его там. Ты не мог бы отменить его приезд, Ларри? Такое беспокойное лето выдалось, столько людей к нам приезжают, просто сил нет, и кормить всех надо...

— Ты что — боишься, ноги Лугареции не сгодятся? Мама поглядела на него со всей свирепостью, на какую только была способна, свирепостью, которая могла бы встревожить разве что еще не оперившегося воробышку.

— Ну хватит, Ларри, оставь в покое вены Лугареции, не то я рассержусь по-настоящему,— сказала она.

Это была ее любимая угроза, и мы никак не могли выяснить для себя, какая разница между просто рассердиться или по-настоящему. Вероятно, в представлении мамы существовало несколько степеней негодования, не меньше, чем цветов в радуге.

— Как бы то ни было, я не могу отменить его приезд, если бы захотел,— отозвался Ларри.— Письмо датировано двенадцатым числом, и он, должно быть, давно в пути. Думаю, он прибудет с афинским пароходом на следующей неделе или еще через неделю. Так что на твоём месте я бросил бы эти вены в котел и поставил вариться на медленном огне. Не сомневаюсь, Джерри сможет добавить еще какие-нибудь ингредиенты вроде дохлой жабы. Мой нос говорит мне, что в эту минуту у него в комнате что-то гниет.

Ну вот... Он учуял ежа, а ведь я в своих исследованиях добрался еще только до легких. Плохо, когда спальня старшего брата находится рядом с вашей.

— Ладно,— сдалась мама,— если он только один, как-нибудь справимся.

— Был только один, когда мы виделись в последний раз,— отозвался мой брат.— Возможно, каким-то чудом на месте одного Антуана возникло двое, близнецы, так сказать, но об этом мы узнаем только по его прибытии. На всякий случай стоит предупредить Лугарецию, чтобы приготовила две постели.

— Ты знаешь, что он предпочитает есть? — спросила мама, явно перебирая в уме разные меню.

— Пищу,— коротко ответил Ларри.

— Нет, ты точно меня рассердишь,— сказала мама. На время наступила тишина, каждый сосредоточился на своей корреспонденции. На время, которое и на Корфу почему-то не стояло на месте.

— Интересно, как стал бы смотреться страстоцвет на восточной стене? — произнесла мама, отрывая взгляд от своего каталога.— Такие красивые цветы... Я так и вижу всю стену, покрытую этими цветками, а вы?

— Страсть — как раз то, чего нам тут не хватает,— отозвался Ларри.— А то за последнее время наш дом стал похож на монастырь.

— Не вижу, какое отношение страстоцвет имеет к монахам,— возразила мама.

Ларри вздохнул и собрал свои письма.

— Почему бы тебе не выйти снова замуж? — спросил он.— А то совсем что-то завяла, точно перетрудившаяся монашка.

— Ничего подобного,— возмутилась мама.

— Ты становишься похожа на сварливую старую деву,— сказал Ларри.— Так выглядит Лугареция, когда она в ударе. Эти твои стенания насчет страстоцвета —

типично фрейдистский симптом. Тебе явно не хватает хорошей любовной встряски. Вышла бы ты замуж снова.

— Что за вздор ты несешь, Ларри! — ошетинилась мама.— Снова выйти замуж! Чушь! Твой отец никогда бы этого не допустил.

— Папы уже скоро двадцать лет нет на свете. Думаю, его возражением можно и пренебречь, верно? Выходи-ка ты замуж по всем правилам закона.

— Ларри, сейчас же прекрати говорить такие вещи при Джерри,— все больше расходилась мама.— Это же просто возмутительно! Как будто ты незаконнорожденный!

— А ты поступаешь жестоко и бездушно. Подавляешь естественные инстинкты твоих детей в угоду собственному эгоизму. Откуда у нас, мальчиков, взяться доброму, здоровому эдипову комплексу без отца, которого мы могли бы ненавидеть? Может ли Марго по-настоящему ненавидеть тебя, если нет отца, в которого она могла бы влюбиться? Ты хочешь, чтобы из нас выросли порочные чудовища. Можем ли мы успешно развиваться, становясь похожими на других людей, без ненавистного и презираемого отчима? Выйти снова замуж — твой материнский долг. Брак сделает тебя женщиной. А то ты чахнешь на глазах, превращаешься в старую брюзгливую распустеху. Вспомни про любовь, пока ты еще в состоянии ковылять вдогонку за представителями противоположного пола, внеси немного веселья в жизнь детей и страсти в свою собственную.

— Ларри, я не намерена сидеть здесь и слушать этот бред. Снова выйти замуж, еще чего не хватало! Да и кого бы ты предложил мне в мужья? — спросила мама, поддавшись на розыгрыш Ларри.

— Ну, ты сама тут на днях расхваливала внешность парня, который стоит за рыбным прилавком в Гарице,— ответил Ларри.

— Ты с ума сошел! — воскликнула мама.— Ему еще и восемнадцати нет.

— Возраст не играет роли, была бы страсть. Говорят, у Екатерины Великой были пятнадцатилетние любовники, когда ей самой перевалило за семьдесят.

— Ларри, остановись, это просто отвратительно. Не говори таких вещей при Джерри. Все, я не желаю больше слушать это словоблудие. Пойду лучше посмотрю, что там Делает Лугареция.

— Поверь мне, если выбирать между ней и тем рыботорговцем в Гарице, я предпочел бы смотреть на второго.

Мама удостоила его сердитым взглядом и удалилась на кухню.

Наступила пауза, мы размышляли.

— Знаешь, Ларри,— заговорила наконец Марго,— тут я готова, в виде исключения, согласиться с тобой. В последнее время мама и впрямь стала хандрить. Ходит с каким-то потерянным видом. По-моему, это нехорошо. Необходимо ее как-то расшевелить.

— Верно,— согласился Лесли.— Лично я считаю, это оттого, что она слишком много общается с Лугарецией. Вот и заразилась.

— Ты хочешь сказать, что варикозные вены — заразная болезнь? — Марго испуганно поглядела на свои ноги.

— Да нет же,— сердито ответил Лесли.— Я говорю про все эти охи да ахи.

— Точно,— подхватил Ларри.— Десять минут в обществе Лугареции — все равно что ночь вместе с Борисом Карлоффом и горбуном из «Собора Парижской богоматери». Сомнения прочь — мы обязаны подумать, как спасти нашу маму для потомства. Что ни говори, под нашим водительством она была на высоте. Уж я постараюсь.

С этим зловещим заявлением он ушел к себе, а все остальные разошлись по своим делам и быстро забыли о прискорбном отсутствии у нашей мамы друга жизни.

Когда мы снова собрались на веранде, опасаясь, что солнце окончательно расплавит нас прежде, чем мама и Лугареция соберутся подать второй завтрак, прибыл Спиро на своем древнем «додже», нагруженном всякой всячиной для нашей кладовки, от дынь до помидоров, а также свежайшим хлебом, чья корка отставала от булок, как кора от пробкового дерева. Привез он и три завернутые в мешковину огромные прямоугольные глыбы льда для нашего холодильного шкафа, предмета гордости, радости и изобретательности мамы.

Спиро вошел в нашу жизнь, как только мы прибыли на Корфу, в качестве водителя такси и в несколько часов стал нашим гидом, наставником и другом. Его своеобразное владение английским языком, приобретенное во время недолгого пребывания в Чикаго, избавило маму от непосильной задачи овладеть греческим. Его обожание нашей мамы было беспредельным и бескорыстным, и всем своим поведением он подтверждал повторяемое им заявление: «Господи, да иметь я такая мать, я каждое утро стоять перед ней на коленях и целовать ее ноги». Толстенький коротыш с густыми темными бровями, он смотрел на мир типично греческими черными задумчивыми глазами, и загорелое лицо его напрашивалось на сравнение с такой добродушной горгульей. Сейчас он тяжелой походкой поднялся на веранду и затянул литанию, которая нам изрядно надоела, ему же явно доставляла удовольствие.

— Доброе утро, мисси Марго. Доброе утро, мистеры Ларри. Доброе утро, мистеры Лесли. Доброе утро, мистеры Джерри,— говорил он нараспев, и мы дружно отвечали хором:

— Доброе утро, Спиро.

По завершении этого ритуала Ларри не спеша глотнул анисовки.

— Спиро, у нас проблема,— сознался он.

Это было все равно что сказать английскому догу: «Гулять!» Спиро весь подобрался, и глаза его сузились.

— Говорить мне, мистеры Ларри,— отозвался он низким рокочущим голосом; должно быть, такие звуки предшествовали извержению вулкана Кракатау.

— Так вот,— продолжал Ларри,— это касается моей матушки.

Лицо Спиро побагровело, и он сделал шаг вперед.

— В чем дела с вашими матушки? — тревожно спросил он, не скупясь на множественное число.

— Понимаешь, она собирается снова выйти замуж,— сказал Ларри, спокойно закуривая сигарету.

Мы затаили дыхание. Из всех дерзких поступков, какие когда-либо совершал Ларри, этот был самым чудовищным, грозящим непредсказуемыми последствиями.

Спиро окаменел, уставившись на моего брата.

— Ваши матушки хотят снова выходить замуж? — недоверчиво прохрипел он.— Сказать мне, кто эти мужчины, мистеры Ларри, и я разделаться с ними. Можете не беспокоиться.

— И как же ты с ним разделаешься? — поинтересовался Лесли; обладатель огромной коллекции пистолетов и охотничьих ружей, он предпочитал мыслить категориями убийства и разрушения, а не милосердия и гуманности.

— Как меня учить в Чикаго,— грозно произнес Спиро.— Цементный башмаки.

— Цементные башмаки? — повторила за ним Марго, заключив, что разговор касается новейшей моды.— Это еще что за обувь?

— Понимаете, мисси Марго, вы хватать эти ублюдок, извините за выражение, и совать его ноги в два ведра с

цементом. Когда цемент затвердеть, вывозить его в море на лодке и бросать за борты,— объяснил Спиро.

— Разве можно так поступать! — воскликнула Марго.— Он не сможет плавать. Он утонет.

— Что и требуется,— терпеливо растолковал ей Ларри.

— Какие вы все жестокие,— сказала Марго.— Это отвратительно. Это же убийство, самое настоящее убийство. И вообще, я не желаю, чтобы на *моего* отчима надевали цементные сапоги или что-нибудь в этом роде. Ведь если! он утонет, мы все останемся сиротами.

— Ты забываешь про маму,— заметил Ларри. Глаза Марго расширились от ужаса.

— Пусть только кто-нибудь приблизится с цементом к маме! — воскликнула она.— Предупреждаю: я сразу вызову полицию!

— Бога ради, Марго, замолкни,— сказал Ларри.— Никто не собирался топить маму. К тому же мы не можем осуществить остроумный маленький эксперимент Спиро за отсутствием кандидата. Понимаешь, Спиро, мама всего лишь выразила пожелание, так сказать, предаться любовным утехам. Но пока не решила, с кем именно.

— Когда она решит, мистеры Ларри, вам дать мне знать, и мы с Теодоракисом надевать на него цементный сапоги, о'кей?

— Но мне казалось, мы хотим помочь маме снова выйти замуж,— заметила Марго.— Если Спиро станет надевать цемент на ноги каждого мужчины, на кого она поглядит, он же будет массовым убийцей вроде Джека Потрошителя, и мы никогда не сможем выдать маму замуж.

— Верно,— согласился Ларри.— Ты, Спиро, просто будь начеку, ладно? Не принимай никаких решительных мер, только держи нас в курсе. А главное — ни слова

маме. Она болезненно воспринимает разговоры на этот счет.

— Мои губа на печати,— отозвался Спиро.

На несколько дней мы позабыли об одиночестве мамы, у нас и без того хватало дел. В местных деревнях проходили празднества, в которых мы всегда участвовали. К стволам деревьев привязывались караваны ослов (родственники селян прибывали издалека, некоторые за десять километров). Струящийся между оливами дым благоухал горящим древесным углем, жареной телятиной и отборным чесноком. Вино было красным, точно кровь убиенного дракона, и лилось оно в стаканы с таким мурлыкающим, ласковым и заговорщическим бульканьем, что невозможно было отказаться от добавки. Лихие пляски включали высокие прыжки и хлопанье по ляжкам. На первом же из празднеств Лесли задумал перепрыгнуть через костер, напоминающий чрево Везувия. Он потерпел неудачу, и прежде чем был подхвачен расторопными руками, основательно обжег свою корму. Пришлось ему дня два сидеть на надувной резиновой подушке.



Как раз во время одного такого праздника Ларри вывел из веселящейся толпы маленького человечка в чистейшем белом костюме, с красным с золотом шейным платком и с изысканной панамой на голове. Ботинки на его крошечных ногах переливались блеском, точно надкрылья большого жука.

— Мама,— сказал Ларри,— я привел замечательного человека, который жаждет познакомиться с тобой. Профессор Еврипид Андротеоматакоттопулос.

— Очень рада познакомиться,— нервно вымолвила мама.

— Я счастлив, мадам Даррелл,— сказал профессор, припадая к ее руке холеными усами и бородкой, которые скрывали снежной пеленой нижнюю часть его лица.

— Профессор не только известный гурман, он взыскательный исполнитель кулинарных шедевров.

— Полно, мой мальчик, вы преувеличиваете,— возразил профессор.— Не сомневаюсь, мои скромные опыты на кухне — ничто перед подлинно римскими пирами, на которых, как мне говорили, председательствует ваша матушка.

Мама всегда плохо представляла себе разницу между римским пиром и римской оргией. В ее представлении это были синонимы, подразумевающие щедро накрытые столы, возле которых полуголые мужчины и женщины между супом и десертом предавались занятиям, для коих лучше подходила спальня.

— А теперь,— сказал профессор, садясь рядом с ней, — могу я просить вас рассказать мне все, что вам известно про местные травы. Это правда, что здесь не используют лаванду?

Использование трав, как отлично знал Ларри, было одной из любимых тем мамы. Видя, что профессор живо

интересуется и хорошо разбирается в этом предмете, она охотно включилась в гастрономическую дискуссию.

Позднее, когда был съеден последний кусочек розового мяса в хрустящей корочке, когда была выпита последняя бутылка вина и затоптано пульсирующее сердце каждого костра, мы погрузились гуськом в старый, верный «додж» и поехали домой.

— Мы так интересно побеседовали с профессором Андро... Андро... Андро... Господи, и почему только у греков такие трудновыговариваемые фамилии,— сердито сказала мама, после чего поспешила наклониться вперед и тронуть за плечо Спиро.— Разумеется, это я не про вас, Спиро, вы не виноваты, что ваша фамилия Хак... Хаки...

— Хакиопулос,— откликнулся Спиро.

— Вот именно. Но у этого профессора такая длинная фамилия, конца не видно, как у гусеницы. Правда, это все же лучше, чем называться Смитом или Джонсом,— вздохнула мама.

— А в кулинарии он знает толк, несмотря на фамилию? — осведомился Ларри.

— О, мне было страшно интересно,— ответила мама.
— Я пригласила его на обед завтра вечером.

— Отлично,— сказал Ларри.— Надеюсь, ты заручилась дуэньей.

— О чем это ты толкуешь? — спросила мама.

— Ну как же, это твое первое свидание, все должно идти по правилам.

— Ларри, что за глупости ты говоришь,— с достоинством произнесла мама, и после этой ее реплики в машине до самого дома царила тишина.

— Ты в самом деле думаешь, что этот человек подходит для мамы? — озабоченно спросила Марго на другой день, пока мама хлопотала на кухне, готовя всякие вкусности для гостя.

— Почему бы нет? — отозвался Ларри.

— Ну, начать с того, что он такой старый. Ему не меньше пятидесяти,— подчеркнула Марго.

— Мужчина в расцвете лет,— небрежно заметил Ларри.— Иные и на девятом десятке обзаводятся детьми.

— Не понимаю,— жалобно сказала Марго,— почему ты ко всему обязательно примешиваешь секс. И вообще, он грек. Она не может выйти замуж за грека.

— Почему? — возразил Ларри.— Гречанки запросто выходят замуж за греков.

— Это совсем не то,— ответила Марго.— Это их личное дело. А мама англичанка.

— Я согласен с Ларри,— неожиданно вступил Лесли.— Он явно состоятельный человек — два дома в Афинах, один на Крите. Что из того, что грек. Тут уж ничего не поделаешь, и ведь мы знаем очень славных греков — возьми хоть Спиро.

— Она не может выйти за Спиро,— горячилась Марго.— Он женат.

— А я и не сказал, чтобы она за него выходила, просто отметил, что он славный грек.

— Все равно, я против смешанных браков,— настаивала на своем Марго.— От таких союзов рождаются дублины.

— Квартероны,— поправил ее Ларри.

— Ладно, как бы они ни назывались,— сказала Марго — не хочу, чтобы у мамы были такие дети. И не хочу отчима, фамилию которого невозможно выговорить.

— Когда они поженятся, сможешь называть его по имени,— заметил Ларри.

— А какое у него имя? — подозрительно осведомилась Марго.

— Еврипид,— ответил Ларри.— Сокращенно — Рип, если хочешь.

Было бы слишком мягко сказать, что профессор в тот вечер произвел на нас плохое впечатление. Когда стук копыт и звон бубенцов возвестил, что коляска с гостем въехала на ведущую к нашему дому извилистую дорожку среди олив, мы услышали голос профессора прежде, чем увидели его. Он распевал очень красивую греческую песню о любви. К сожалению, ему явно никто не говорил, что он начисто лишен музыкального слуха, а если и говорили, он не поверил. Профессор пел очень громко, возмещая качество звука количеством. Мы вышли на веранду встретить его, и когда коляска остановилась перед крыльцом, тотчас стало очевидно, что наш гость явно перебрал вина. Прямо из коляски он упал на ступеньки крыльца, разбив при этом, увы, три бутылки вина и горшочек с приправой чат-ни, приготовленной им для дамы. Элегантный светло-серый костюм был спереди весь залит вином, так что профессор больше всего походил на человека, чудом уцелевшего после страшной автомобильной катастрофы.

— Он пьян,— сообщил возница на случай, если мы этого не заметили.

— Надрался, как сапожник,— заметил Лесли.

— Как два сапожника,— поправил его Ларри.

— Это ужасно,— сказала Марго.— Мама не может выходить замуж за греческого пьяницу. Папа был бы решительно против.

— Выйти за него замуж? — удивилась мама.— О чем это вы?

— Просто мы подумали, что он внесет немного романтики в твою жизнь,— объяснил Ларри.— Я ведь говорил тебе, что мы нуждаемся в отчине.

— Выйти за *него!* — в ужасе воскликнула мама.— Лучше умереть! Что вы такое говорите, дети?

— Вот видите,— торжествующе заявила Марго.— Я же говорила, что она не пойдет за грека.

Тем временем профессор успел снять забрызганную вином фетровую шляпу, поклониться маме и уснуть, лежа на ступеньках крыльца.

— Ларри, Лесли, вы безобразно себя ведете,— сказала мама.— Поднимите этого пьяного дурня, положите обратно в коляску и скажите кучеру — пусть везет его туда, где подобрал. И чтобы я больше его не видела.

— Где твое романтическое чувство? — воззвал Ларри.— Как мы можем снова выдать тебя замуж, если ты будешь вести себя так недружелюбно? Малый всего лишь выпил стаканчик-другой.

— И чтобы я больше не слышала эти дурацкие разговоры о моем новом замужестве,— твердо произнесла мама.— Я *сама* скажу вам, когда и за кого пожелаю снова выйти замуж, если вообще пожелаю.

— Мы только пытались помочь тебе,— обиженно сказал Лесли.

— Пока что помогите мне избавиться от вида этого пьяного идиота,— ответила мама и зашагала обратно в дом.

Обед в тот вечер был отменный; знал бы профессор, что потерял! Правда, застольная беседа текла довольно вяло.

На другой день мы отправились купаться, предоставив уже не так воинственно настроенной маме бродить по саду с ее каталогом семян. Вода в море была такая теплая, что освежиться можно было, только отплыв подальше от берега и нырнув на глубину полутора-двух метров. Искупавшись, мы простерлись на земле под оливами; соленая вода, высыхая, разрисовывала кожу нежными белыми узорами.

— Знаете,— заговорила Марго.— Я тут подумала... Ларри недоверчиво поглядел на нее:

— В самом деле?

— Я подумала, что мы просчитались с профессором. Он не подходит маме.

— Да ведь я только дурачился,— лениво протянул Ларри.— Я вовсе не хочу, чтобы она снова выходила замуж, просто мне показалось, что она сама так настроена.

— Хочешь сказать, что это была *мамина* идея? — озадаченно произнес Лесли.

— Конечно. Когда женщина в ее возрасте принимается всюду сажать страстоцвет, сразу все ясно, разве нет? — сказал Ларри.

— Но ты только представь себе, что было бы, выйди она замуж за этого профессора! — воскликнула Марго.

— А что было бы? — подозрительно осведомился Лесли.

— Так ведь ей пришлось бы ехать с ним жить в Афины,— ответила Марго.

— Ну и что?

— А кто бы тогда готовил для нас? Лугареция?

— Не дай Бог! — горячо произнес Ларри.

— Помните ее суп из каракатиц? — спросил Лесли.

— Прошу тебя, не напоминай,— взмолилась Марго.— Все эти глаза, которые плавали там, укоризненно глядя на нас,— уф!..

— Почему бы нам тоже не поехать в Афины и не жить там вместе с ней и этим Эрисиполусом или как его там? — предположил Лесли.

— Не думаю, чтобы ему на склоне лет понравилось заполучить четверку чужих детей,— сказал Ларри.

— В общем, по-моему, мы обязаны как-то отвлечь маму от мыслей о замужестве,— заключила Марго.

— Уж очень она настроена,— возразил Ларри.

— Значит, надо ее перестроить,— сказала Марго.— Будем следить, чтобы соблюдала нормы приличия, не

давать ей слишком часто встречаться с мужчинами. Будем за ней присматривать.

— Так ведь она вроде ничего такого не делает,— неуверенно заметил Лесли.

— Только ходит и сажает страстоцвет,— заметил Ларри.

— *Вот именно,*— подхватила Марго.— Мы обязаны присматривать за ней. Помните, без дыма нет огня.

Памятуя все это, мы разошлись по своим делам: Ларри — что-то писать, Марго — соображать, что делать с семнадцатью метрами красного бархата, купленного ею по дешевке, Лесли — смазывать свои ружья и делать патроны, я — искать супруга для одной из жаб, ибо брачные дела моих животных были для меня куда важнее маминых проблем.

Три дня спустя (я только что, разгоряченный, потный и голодный, пришел домой после неудачной охоты на пятнистых змей среди холмов) к нашей вилле подъехал «додж», на котором Спиро доставил Антуана де Вера — в черном плаще с алым подбоем, костюме из голубого вельвета, с огромным сомбреро на голове. Ступив на землю, де Вер закрыл глаза, воздел руки к небесам, пропел густым басом: «О! Сиятельная Греция!» — и сделал глубокий вдох. После чего широким жестом снял сомбреро, посмотрел на меня, растрепанного, окруженного грозно рычащими псами, и смуглое лицо его озарилось такой ослепительной улыбкой, точно он недавно обзавелся новыми зубами. У него были курчавые волосы, большие блестящие глаза цвета свежих каштанов. Ничего не скажешь — красив, правда, красотой латинского типа, к которой Лесли относился с легким презрением.

— Ага! — сказал Антуан де Вер, указывая на меня длинным пальцем.— Ты, очевидно, младший братик Лоренца.

Я не проникся к нему симпатией с первого взгляда, однако был готов повременить с окончательным приговором, теперь же вынес свой вердикт. Привычный к несколько снисходительному отношению родных и близких к моей персоне, я стоически воспринимал неодобрительные, несправедливые, даже, пожалуй, клеветнические покушения на мое достоинство. Но никто еще не смел называть меня «младшим братиком». Как насчет того, спрашивал я себя, чтобы подложить дохлого ужа (у меня был в запасе такой трофей) в комнату, которую отведут этому гостю? В это время появился Ларри и увел Антуана на кухню, чтобы представить его маме.

Далее последовали несколько весьма интересных дней. Двадцати четырех часов Антуану хватило, чтобы восстановить против себя всю семью, за исключением (что нас немало удивило) мамы. Он быстро наскучил Ларри, так что тот даже не очень старался казаться учтивым. Лесли отзывался об Антуане как о паршивом даго, которого следует пристрелить, а Марго считала его толстым, жирным и старым. Зато мама невесть почему явно сочла его обаятельным. То зазовет его в сад, чтобы посоветоваться, где что посадить, то пригласит на кухню дегустировать приготовленное ею блюдо и подсказать, что бы еще туда добавить. Дошло до того, что она велела Лугареции, стонущей не хуже древнеримского раба, отнести наверх, в комнату Антуана, огромный поднос с таким количеством яиц, бекона, гренков, джема и кофе, что этих припасов хватило бы на целый полк,— роскошь, на какую мы могли рассчитывать лишь в случае болезни. Естественно, наша неприязнь к Антуану только возросла. Он же словно не замечал наших плохо скрываемых чувств, встречал во все разговоры и делал наши трапезы совершенно невыносимыми. Личное местоимение явно было изобретено для него; чуть не

каждую фразу он начинал словами: «Я думаю» или «Я считаю», «Я знаю» или «Я убежден». Нам не терпелось поскорее проводить его.

— Не нравится мне это,— озабоченно заметила Марго.— Не нравится, как он липнет к маме.

— Или как она липнет к нему,— сказал Лесли.

— Ерунда,— возразил Ларри.— Этот тип страшный зануда. Еще хуже того профессора. Как бы то ни было, он скоро уедет, слава Богу.

— Помяните мои слова,— настаивала Марго,— это выглядит подозрительно. Ешь мед, да берегись жабы.

Моя сестра обожала пословицы, но неизменно переиначивала их на свой, довольно неожиданный, лад.

— Вчера я видел, как они гуляли на склоне холма и он рвал цветы для нее,— сообщил Лесли.

— Вот видите, видите,— подхватила Марго.— Просто так женщинам цветы не дарят.

— А я как-то завалил одну женщину цветами — хоть бы спасибо сказала,— поведал Ларри.

— Это почему же? — удивился Лесли.— Я считал, что женщины любят цветы.

— Не в виде венков,— объяснил Ларри.— Поскольку она была мертва, не станем судить ее слишком строго. Уверен, будь она жива, поставила бы цветы в вазы.

— И когда только ты научишься воспринимать такие вещи серьезно!— посетовала Марго.

— К венкам я отношусь очень серьезно,— возразил Ларри.— В Америке их вешают на двери на Рождество. Вероятно, чтобы напомнить — как вам везет, что вы не лежите под ними.

К великому нашему удивлению, на другое утро Спиро подъехал к нашему дому перед завтраком, чтобы, судя по всему, отвезти Антуана, одетого в плащ, синий костюм и сомбреро, в город. Ответ на загадку последовал из маминых уст, когда мы сели за стол.

— Куда это поехал Антуан? — осведомился Ларри, ловко трепанируя вареное яйцо.— Неужели решил освободить нас от своего присутствия?

— Нет, дорогой,— спокойно ответила мама.— Ему понадобилось сделать в городе кое-какие покупки, к тому же он посчитал, что будет удобнее, если я без него поговорю с вами.

— Поговоришь с нами? О чем? — всполошилась Марго.

— Понимаете, дети, не так давно вы завели разговор о том, чтобы я снова вышла замуж,— продолжала мама, наливая нам чай и апельсиновый сок. — Так вот, тогда я рассердилась и, как вы помните, сказала, что никогда больше не выйду замуж, потому что ни один мужчина не сравнится с вашим отцом.

Мы онемели.

— Подумав как следует,— говорила мама,— я решила, что ты, Ларри, прав. Вы нуждаетесь в отце, который наставлял бы вас и воспитывал. Одной мне с этим не справиться.

Мы сидели будто загипнотизированные. Мама глотнула чая и поставила чашку на блюдце.

— Сами знаете, на Корфу не такой уж большой выбор и я стала в тупик. Бельгийский консул? Но он говорит только по-французски, я не поняла бы его, сделай Он мне предложение. Мистер Кралефски? Но он слишком предан своей матери и вряд ли захочет жениться. Полковник Велвит? Но мне сдается, женщины его не интересуют. Так что я уже совсем была готова сдаться, но тут приехал Антуан.

— Мама! — с ужасом воскликнула Марго.

— Успокойся, дорогая, дай мне договорить. С самого начала мы приглянулись друг другу. Полагаю, вы не заметили этого.

— Еще как заметили,— возразил Лесли.— Завтраки в постель, черт возьми, виляние хвостом перед этим

ублюдком...

— Лесли,, милый, я не желаю, чтобы ты называл так своего отчима или человека, который, надеюсь, вскоре станет им.

— Не верю,— сказал Ларри.— Я всегда говорил, что женщины слабы умом, но не настолько же. Выйдя замуж за Антуана, ты заслужишь Нобелевскую премию по разряду идиотизма.

— Ларри, дорогой, попробуй обойтись без грубости. У Антуана много хороших качеств. И к тому же мне, а не тебе выходить замуж за него.

— Но ты не должна выходить за него, он отвратительный! — простонала Марго, готовая вот-вот разрыдаться.

— Ну, не сразу,— ответила мама.— Мы обсудили с ним этот вопрос. И согласились, что слишком часто люди спешат сочетаться браком, а потом жалеют о такой поспешности.

— Ты уж точно пожалеешь,— заметил Ларри.

— Так вот, как я уже сказала, мы обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что нам лучше сперва пожить вместе в Афинах, чтобы хорошенько узнать друг друга.

— Жить вместе с ним в Афинах? Ты хочешь сказать — *жить в грехе!* — с ужасом спросила Марго.— Мама, это невозможно. Это же будет двоемужие.

— Ну почему, какой же тут грех, если мы собираемся пожениться? — ответила мама.

— Право, более необычного оправдания греховности мне еще не доводилось слышать,— сообщил Ларри.

— Мама, ты не должна этого делать,— сказал Лесли.— Этот человек омерзителен. Подумай хотя бы о нас.

— Да-да, мама, подумай, что станут говорить люди, — подхватила Марго.— Каково нам будет на вопрос, куда ты делась, отвечать, что живешь в незаконном браке в Афинах с этим... этим... этим...

— Ублюдком,— подсказал Лесли.

— К тому же занудным,— добавил Ларри.

— Нет, послушайте,— сказала мама.— Лучше прекратите этот разговор, если не хотите по-настоящему рассердить меня. Кого вы, дети, предлагали мне в мужья? Старого пьяного болвана с фамилией длиной в целый алфавит. Теперь я сама сделала выбор, и хватит об этом. Антуан обладает всеми теми качествами, какие меня больше всего восхищают в мужчине.

— То бишь праздность, занудство, тщеславие? — осведомился Ларри.

— Сальные волосы? — спросила Марго.

— Храп, точно грозовые раскаты? — поинтересовался Лесли.

Я воздержался от участия в этом перечне, полагая, что на решение мамы вряд ли повлияет утверждение, что всякого человека, называющего меня «младшим братиком», следовало бы задушить при рождении.

— Конечно, это как-то отразится на жизни каждого из нас,— говорила мама, подливая себе еще чая.— Джерри, как самому младшему, придется жить вместе со мной и Антуаном, чтобы тот служил ему образцом. Ты, Лесли, и Марго достаточно взрослые, чтобы самостоятельно прокормить себя, так что предлагаю вам вернуться в Англию и найти себе работу по душе.

— Мама! — ахнула Марго.— Что ты такое говоришь!

— Работа по душе? Такого понятия не существует,— содрогнулся Лесли.

— А как насчет меня? — спросил Ларри.— Какое будущее уготовили мне вы с этим безмозглым варваром?

— О, с тобой будет все в порядке,— торжествующе произнесла мама.— Один из друзей Антуана владеет газетой в Литве. Тираж — несколько сот экземпляров. Антуан уверен, что может устроить тебя туда

сборщиком — кажется, так это называется. В общем, одним из тех, кто собирает вместе отдельные буковки, так что получается печатная страница.

— Меня? — взорвался Ларри.— Ты хочешь сделать меня каким-то чертовым *наборщиком*?

— Следи за своим языком,— машинально молвила мама — Не вижу в этом ничего дурного. Зная, что ты хочешь стать писателем, Антуан подумал, что это для тебя самая подходящая работа. Как-никак, все начинают с низов.

— Хотел бы я начать с его низа и дать такого пинка, чтобы вышибить его чертovy мозги,— яростно выпалил Лесли.— Что он смыслит в работах по душе?

— Ну, это что-нибудь такое, что тебе нравится, дорогой,— объяснила мама.— Соответствует твоему характеру.

— Например, смертоубийство,— предположил Ларри.— И он мог бы начать практиковаться на Антуане.

— Нет, вы явно не желаете рассуждать здраво,— с достоинством произнесла мама.— А потому лучше прекратим обсуждение. Но я приняла окончательное решение, так что начинайте привыкать к этой идее. Я буду на кухне, если кто-то из вас захочет поговорить серьезно. Пойду готовить для Антуана кэрри с креветками, одно из его любимых блюд.

Мы молча смотрели, как мама, напевая себе под нос, направилась к дому.

— Не могу поверить,— нарушил тишину Ларри.— Она, должно быть, рехнулась. Точно рехнулась. Вспомните всех этих чокнутых типов среди нашей родни. Это у нас в крови. Нам остается только смириться с жизнью в смиренных рубашках и камерах с мягкой обивкой.

— И вовсе она не рехнулась,— возразила Марго.— Положитесь на мое слово — я знаю, когда на маму

находит помрачение.

— Кому, как не тебе, в этом разбираться,— пробурчал Ларри.

— По-моему, это очень серьезно,— заметил Лесли.— Если мама хочет выйти замуж за этого типа, вряд ли мы можем этому помешать, хоть это и несколько эгоистично с ее стороны. Но когда она к тому же предлагает нам найти себе *работу*, это, честное слово, уже чересчур.

— Согласен,— сказал Ларри.— Развал семейной жизни начинается, когда дети начинают вести себя нормально, а их мать — ненормально. Ничего, в крайнем случае можно прибегнуть к средству Спиро.

— Ты говоришь про цементные сандалии? — всколыхнулась Марго.

— Сапоги,— поправил ее Лесли.

— Но мы тогда окажемся соучастниками,— сказала Марго.— Ведь если человека лишить жизни таким способом, это получается убийство, разве нет? Ведь не скажешь потом, что он случайно угодил ногами в эти ведра и после свалился за борт лодки? По-моему, никто в это не поверит. По-моему, могут возникнуть подозрения. По-моему, это *рискованная* идея. И вообще, по-моему, если спросить Антуана — чего мы, конечно, не можем сделать,— он не одобрил бы эту идею. Не захотел бы навлекать на нас неприятности, чтобы мы потом объяснялись с полицией и все такое прочее. По-моему, в самой своей основе он не так уж плох, вся беда в том, что он такой ужасный — хочет жениться на маме и все испортить.

— Изложено коротко и ясно,— заметил Ларри.

— Мы обязаны *что-то* предпринять,— озабоченно произнес Лесли.— Иначе этот проклятый тип все нам порушит.

— Вот-вот,— подхватила Марго,— наша частная жизнь станет доступной для публичного обозрения. Мы

будем вынуждены все время оглядываться назад через плечи.

— Хотел бы я посмотреть, как ты будешь одновременно: оглядываться назад через оба плеча,— возразил Лесли, последовательный сторонник реализма.

— Испугаешься, так оглянешься,— сказала Марго.— Во всяком случае, я оглянусь.

— Надо будет еще раз поговорить с ней за ленчем,— заявил Ларри.— Попытаемся объяснить ей, как она заблуждается.

— Может, стоит нам всем вместе посетить местную психбольницу? — предложила Марго.— Там мама своими глазами увидит, как она заблуждается.

— Что ты подразумеваешь? — поинтересовался Лесли.

— Ну, мама увидит, какой может стать, если не откажется от нелепой идеи выйти замуж за Антуана.

— Не поможет,— сказал Лесли.— Я не раз проходил мимо этого заведения, и у его обитателей всегда счастливый, беззаботный вид. Мама и Антуан только захотят к ним присоединиться. Нет, если уж они настроились жить во грехе, пусть лучше делают это в Афинах, подальше отсюда, а не в психбольнице по соседству с нами. Это выглядело бы скверно. Люди станут говорить...

— Я придумаю что-нибудь,— объявил Ларри и важно прошествовал в свою комнату.

— Что ж,— заметил Лесли,— во всяком случае, нашлось бы применение этому проклятому барахлу, которое ты купила.

— Какое применение? — спросила Марго.

— Можешь сшить маме свадебное платье.

— Меня тошнит от твоих шуток! — воскликнула Марго и сердито удалилась.

За ленчем мы возобновили наши атаки, но мама твердо стояла на своем.

— Ты отдаешь себе отчет в том, что собираешься поломать нашу жизнь? — спросил Ларри.

— Ну знаешь, я ведь не жаловалась, дорогой, когда осталась вдовой с четырьмя детьми!

— Жаловалась? С какой стати? Мы обогатили *твою* жизнь. И даже если бы не обогатили, а, наоборот, сделали тебя несчастной, была бы поломана только одна жизнь. Ты же собираешься поломать четыре жизни,— возразил Ларри.

— Верно,— согласился Лесли.— Сделай мы что-нибудь в этом роде, ты назвала бы нас последними эгоистами.

— Верно,— подхватила Марго.— И ведь тебе вовсе *не обязательно* выходить замуж. Как-никак, у тебя есть мы. Большинство женщин были бы только рады иметь четырех таких детей, как мы.

— Буду рада, если вы познакомите меня с такой женщиной,— холодно отозвалась мама.— А сейчас я пойду отдохну.

За чаем наши старания тоже ни к чему не привели.

— Ты подумала о том, что станут говорить люди, когда увидят, что ты вышла замуж за человека моложе тебя? — спросил Ларри.

— Мы с Антуаном одногодки, дорогой.

— Но он выглядит намного моложе тебя. Не знаю, давно ли ты смотрелась в зеркало, но ты явно сдаешь. Люди скажут, что ты вышла замуж за молодого жиголо.

— Это такой музыкальный инструмент? — заинтересовалась Марго.

— Нет, инструмент называется пикколо,— объяснил Лесли.— А жиголо — это те паршивые итальяшки, которые ходят с разными предложениями к женщинам определенного возраста.

— Какими такими предложениями? — спросила Марго.

— Грязными,— выдал Лесли исчерпывающий ответ.

— Значит, Антуан делал маме грязные предложения? — воскликнула Марго.— О, до чего же это отвратительно! Мало того, что они собираются жить в грехе, а тут еще эти грязные предложения. Честное слово, мама, это уже чересчур. Ты ведешь себя словно какой-нибудь персонаж из «Братьев леди Лэттерли».

— Вот что, дети, уговоритесь,— твердо произнесла мама.— Антуан ведет себя как настоящий джентльмен, иначе я не стала бы думать о том, чтобы выйти за него замуж. Но решение принято, и обратного хода не будет. А теперь я пойду посмотрю, как там кэрри.

С этими словами она спустилась в нашу огромную кухню в подвале, откуда доносились стоны Лугареции, как будто ее вздернули на дыбе.

— Ничего не поделаешь, придется нам потолковать с Антуаном. Скажем ему напрямик, что он не годится на роль нашего отчима,— заявил Ларри.

— Точно,— отметил Лесли,— нас четверо против одного.

— Четверо против двух,— поправила его Марго,— не забывай про маму.

— Мама не в счет,— сказал Лесли.

— В конце концов, у нас есть на это полное право,— заявил Ларри.— Мы вмешиваемся для её же блага, её счастья. В жизни не простим себе, если не спасем маму, не помешаем сотворить такую глупость.

— Верно,— подхватила Марго.— Представьте себе, что люди станут говорить — мол, ваша мать живет в грехе с пикколо.

— Жиголо,— поправил ее Лесли.

— Осталось подождать, когда он вернется из города,— зловеще произнес Ларри.

— Правильно,— сказала Марго.— И вставим ему вопрос в ребро.

Одна из прелестей дорожки, подводящей к нашему дому, заключалась в том, что мы могли загодя увидеть и услышать, кто к нам едет, и если гость был нам не по душе, живо скрывались в оливковых рощах, предоставляя маме развлекать его. Автомобиль Спиро был оборудован старинным гудком с огромной резиновой грушей, величиной с хорошую дыню; когда ее нажимали, раздавался звук вроде того, какой издает негодующий бык, коего побеспокоили в разгар исполнения супружеских обязанностей,— звук такой громкий и устрашающий, что он мог заставить даже местного осла уступить дорогу. Примерно за километр до нашей виллы Спиро всегда исполнял некий музыкальный номер, давая знать, что это он приближается. Предупрежденные таким образом, мы собрались на веранде, готовясь дать бой Антуану. Еще ни один человек не встречал такого холодного, такого неприязненного, сурового приема; враждебность, излучаемая нашей группой, не уступала враждебности семидесяти девяти бенгальских тигриц, защищающих своих детенышей.

— О! — воскликнула мама, поспешно выходя на веранду.— Кажется, я услышала гудок Спиро. Значит, Антуан вернулся из города, как хорошо!

Машина остановилась перед крыльцом, и, к великому нашему негодованию, Антуан снял шляпу широким жестом и послал маме воздушный поцелуй.

— Дражайшая леди, я вернулся,— возвестил он.— Бренди, шампанское, цветы для вас и для малютки Марго, эклеры с шоколадом для нашего малютки Джерри. Кажется, ничего не забыл.

— Кроме того, как правильно говорить по-английски,— заметил Ларри.

Антуан соскочил из машины на землю, вспорхнул, шурша плащом, вверх по ступенькам крыльца и поцеловал мамину руку.

— Вы уже сказали им? — беспокойно справился он.

— Да,— ответила мама.

Антуан обратился к нам, как укротитель львов мог бы обратиться к непокорным выходцам из джунглей.

— О, мои дорогие.— Он раскинул руки, словно собирался заключить нас в свои объятия.— Мои обожаемые приемыши. Да есть ли на свете другой такой человек, кому бы посчастливилось сразу получить четверку таких благочестивых детей, а также их матушку, подлинный дар небес!

Мама жеманно улыбнулась, а благочестивые дети устремили на Антуана испепеляющие взгляды.

— О, какая это будет радость для всех нас,— продолжал он, явно не замечая нашей враждебности.— Как отец, я смогу всячески помогать вам. Тебе, дорогой Ларри, буду лавать советы насчет твоего сочинительства. Лесли, по-моему, нам следует помочь тебе избавиться от болезненного увлечения оружием, направить твои помыслы на более высокие материи, скажем, на банковское дело или что-нибудь в этом роде, да? А ты, милая наша Марго, такая наивная, неотесанная... мы постараемся сделать тебя более презентабельной. А малыш Джерри, такой оборвыш со всеми его дурацкими животными... Уверен, мы сумеем сделать из него что-нибудь. Даже из самого неприглядного материала можно слепить человека. О, как же весело нам будет, когда мы заживем все вместе!

— О, Антуан! — воскликнула мама.— Это будет чудесно! Антуан повернулся к ней.

— Да-да, это будет чудесно, и вы, моя дорогая Луэлла, я хотел сказать Люси... Люсинда... то есть...— Он сбился и топнул ногой.— Черт возьми, черт возьми, черт возьми!

Мама рассмеялась.

— Проклятье, проклятье, проклятье,— твердил Антуан.— Я так готовился к этой сцене, и надо же — осрамился.

— До этой минуты ты прекрасно играл свою роль,— успокоила его мама.— И все равно ведь мы собирались им рассказать.

— Что рассказать? — уставилась Марго на маму.

— Что они нас просто разыгрывали,— пробурчал Ларри.

— Разыгрывали? — спросил Лесли.— Ты хочешь сказать, она вовсе не выходит замуж за Антуана?

— Нет, милый, не выхожу,— сказала мама.— Я очень рассердилась на вас из-за вашего поведения, очень. В конце концов, если я ваша мать, это еще не значит, что вы вправе вмешиваться в мои дела. Сказала об этом Антуану, спросила, не слишком ли я строга, но он согласился со мной. Тогда мы придумали эту затею, чтобы немного проучить вас.

— В жизни не слышал ничего более коварного и аморального,— негодуя произнес Ларри.— Заставить так страдать при мысли о том, что теперь готовить для нас будет Лугареция.

— Да уж,— укоризненно подхватил Лесли.— Могли бы подумать о нас, мы так тревожились.

— Да, тревожились,— согласилась Марго.— Мы ведь прочили тебе в мужья не какого-нибудь первого попавшегося старика.

— Или Антуана,— добавил Ларри.

— А ведь Антуан отлично играл свою роль, так великолепно, что я сама начала проникаться к нему неприязнью,— сообщила мама.

— Для меня это высшая похвала,— отозвался Антуан.

— Все равно,— сказала Марго,— вы поступили ужасно держать нас в таком напряжении. Теперь, мама,

ты просто обязана обещать нам, что не выйдешь замуж без нашего согласия.

— Я вовсе не против оставаться незамужней,— ответила мама.— К тому же все равно было бы очень трудно найти человека, который сравнился бы с вашим отцом. И даже если бы такой нашелся, боюсь, он не стал бы просить моей руки.

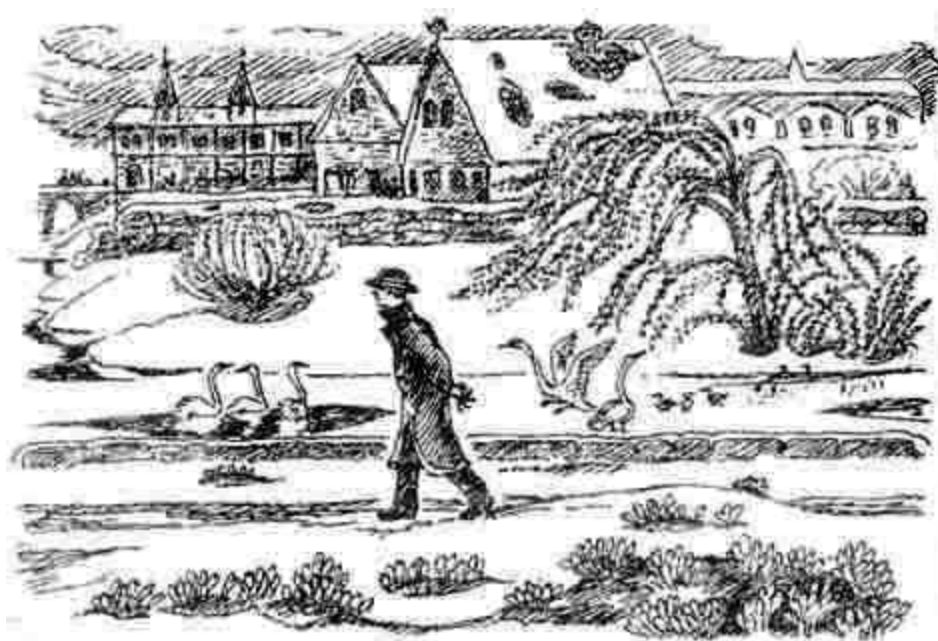
— Почему? — подозрительно осведомилась Марго.

— А потому, дорогая, что какой же человек в здравом уме пожелал бы заполучить четверку таких детей, как вы?



Глава 5.

Людвиг



Англичане упорно твердят, что у немцев нет чувства юмора. Я всегда считал это поспешным, стало быть, невеным обобщением. Ограниченный опыт общения с немцами не давал мне повода относить их в разряд чертовских весельчаков, но поскольку мне в основном доводилось обсуждать зубы мудрости шимпанзе или вросшие ногти слона с каким-нибудь директором немецкого зоопарка, нетрудно, понять, почему юмор обходил нас стороной. Тем не менее мне казалось, что где-нибудь должен все-таки таиться немец, обладающий чувством юмора, как вам всегда кажется, что где-то в Англии должна скрываться гостиница, где умеют прилично готовить. Просто немцам постепенно сумели внушить, что они лишены чувства юмора, говорил я себе, приумножив тем самым число их комплексов, однако немцы помоложе, возмущенные наветами, должны были, опираясь на свою

потрясающую техническую сноровку, смастерить некое подобие юмористического чувства. А потому, буде мои пути каким-то образом скрестятся с путями; такого немца (предпочтительно немки), я был готов вести себя с ним (с ней) предельно чутко и заверить его (или её), что никогда не верил подлым клеветникам. И как бывает всегда, когда даешь себе подобного рода альтруистические клятвы, случай сдержать слово представился раньше, чем я ожидал. У меня крепко что-то не заладилось в семье, и поскольку дома возникла атмосфера, не очень-то благоприятствующая творчеству, я собрал вещички и отправился в Борн-мут на южном побережье Англии, где жил какое-то время в молодости. Сезон был не курортный, а потому вероятность того, что мне там будут докучать какие-нибудь нудные типы, была невелика. Действительно, большую часть времени, кроме меня, там вообще никто не гостил. Странное чувство испытываешь, оказавшись единственным постояльцем большой гостиницы, как будто ты последний пассажир на борту «Титаника». Здесь-то я и познакомился с замечательным человеком по имени Людвиг, который если и не помог мне вновь обрести здравый смысл (когого у меня всегда замечался большой дефицит), то, несомненно, сам того не подозревая, сделал доброе дело, вдохнув жизнь в мое чувство юмора.

В первое утро в Борнмуте, прежде чем выйти в город, чтобы вкусить его прелестей, я заглянул в бар в такой час, когда, как мне казалось, демократичный британец вправе потребить хмельной напиток, не опасаясь ареста. И с досадой обнаружил, что бар закрыт. Бормоча нехорошие слова о дурацких правилах, я повернулся было к выходу, когда увидел направляющегося ко мне молодого человека в полосатых брюках, темном пиджаке, рубашке со сборками, которая белизной могла бы поспорить со

снегами Арктики, и при бабочке, аккуратностью не уступающей настоящим чешуекрылым. Он явно занимал не последнее место в начальственном строю. Наклонив голову набок, он выжидательно посмотрел на меня широко раскрытыми, невинными голубыми глазами. Я заметил у него раннюю лысину, которую он с большим искусством скрывал зачесанными вперед длинными волосами, образующими аккуратную челку на лбу. Эта челка очень шла к его довольно красивому угловатому лицу, придавая ему сходство с молодым Наполеоном.

— Что-нибудь не так, сэр? — осведомился он, и по его произношению я заключил, что передо мной немец.

— В котором часу открывается бар?

Ответь он, что мне придется подождать до двенадцати часов, я высказал бы ему все, что думаю про английские запреты, о порядках, действующих в Англии и установленных на материке, а в заключение заявил бы, что вроде бы недавно принят великолепный закон, позволяющий взрослым людям потреблять в гостиницах спиртное, когда заблагорассудится. Однако он расстроил мои планы.

— Бармен еще не пришел, сэр,— сообщил он извиняющимся тоном.— Но если вы желаете выпить, я открою вас бар.

— О,— произнес я.— Вы уверены, что это возможно?

Не хотелось бы причинять вам беспокойство.

— Что вы, сэр, какое там беспокойство,— учтиво отозвался он.— Если вы подождете, я схожу за ключом.

Он быстро вернулся, открыл бар и налил мне пива по моему выбору.

— Выпьете со мной? — спросил я.

— Вы очень любезны, сэр,— ответил он с улыбкой, глаза его осветились радостью.— Мне то же самое.

Мы молча сделали несколько глотков, потом я спросил как его зовут.

— Людвиг Дитрих,— сказал он и добавил слегка виноватым тоном: — Я немец.

— Увы,— произнес я с наигранным сожалением,— я лишь однажды посетил Германию, да и то пробыл там не долго, так что не могу похвастать знанием страны.

Я не стал говорить, что обслуга в этой гостинице — сплошь грубияны, пища несъедобна, такое впечатление, будто меня на три дня посадили на пудинг на сале; может быть, мне просто не повезло... Однако мне подумалось, чт передо мной, возможно, тот немец, которого я ищу, немец, обладающий чувством юмора. А потому, выпив с Людвигом кружечку-другую, я решил, так сказать, закинуть удочку, проверить на нем несколько шуток. Шутки были простенькие, но он смеялся, и душа моя расцвела. Из всех смертных именно мне повезло — я нашел горшок с золотом у конца радуги! Нашел единственного немца, наделённого чувством юмора,— такой же уникум, как лошадь шестью головами. Увы, мне предстояло убедиться, что два-три смешка в баре так же не делают лета, как пара ласточек, сбившихся с пути.

Покинув бар, я отправился погулять по Борнмуту: хотелось вновь увидеть места, связанные с моей молодостью, насладиться культурными сокровищами этого самого чопорного из курортов южного побережья. И с ужасом обнапужил, что за двадцать пять лет произошло столько перемен, что я совсем не узнаю город.

Впрочем, кое-что уцелело. Например, Плезэр-Гарденс — парковая зона с аккуратными клумбами, каменными горками, прудами и водопадами. Пруды были покрыты тонкой пленкой льда, каменные горки засыпаны свежим снегом, из которого торчали канареечно-желтые и розовато-лиловые крокусы. Уцелел обдуваемый ветрами пирс на железных ногах, омываемых волнами, чье пенное кружево, ложась на

гальку, словно застывало на ней белоснежными раковинами. Курзал — пульсирующее сердце борнмутской культуры, где мне однажды довелось гоняться за щенком мопса, наступая на ноги негодующим любителям музыки и не давая им спокойно наслаждаться Моцартом.

Я вспомнил молодую виновницу сего происшествия, ее восхитительный носик и восхитительное обращение с английским языком. Позвонить ей? Сообразив, что не знаю даже ее адреса, я повернул кругом и углубился в город. Дул ледяной ветер, но с голубого неба светило нарциссово-желтое солнце, и лучи его чуточку пригревали. С радостью обнаружив, что аркада сохранилась, я еще больше обрадовался, увидев за ней мой любимый трактир «Виктория-бар». Вошел в теплое помещение и убедился, что тут все как было: отполированная длинная стойка, красные бархатные кресла и диваны, крытые позолотой диковинные столы из кованого железа. Заказав кружку бочкового пива, темного, как эфиопская дева, с белой, как майский цвет, шапкой, я сел со своей добычей и стал любоваться великолепием интерьера и окнами (всеми тремя) с резными и искусно гравированными рамами. Конечно, эти окна не шли в сравнение с изделиями, выходившими в прошлом веке из рук знаменитого Уистлера, но все же несли на себе печать славной и неповторимой старины. Трактир был полон диккенсовскими персонажами, каких можно увидеть только в английских пабах этого типа. Сутулые старушки с морщинистыми лицами расположились в креслах, потягивая портвейн с лимоном; высокий худощавый мужчина в черном пиджаке с бархатным воротником и в широкополой черной шляпе (какой-нибудь трагедийный актер, блиставший в двадцатых годах) впивался ястребиным взглядом в каждого входившего в трактир симпатичного молодого

человека; двое мужчин оживленно беседовали, придерживая руками свои кружки с пивом, меж тем как сидящий у их ног старый английский бульдог свидетельствовал свое расположение каждому преходящему мимо него, вертя задом так, что ему позавидовали бы танцовщицы острова Бали; маленькая старушка лет восьмидесяти с гаком, в похожей на полицейскую каску шляпе вызывающе розового цвета, в таких же розовых перчатках, теплых ботинках и серебристых чулках, что-то серьезно втолковывала дородной даме в черной шляпе со страусовыми перьями и в шубе, точно сшитой из шкуры престарелого овцебыка. В воздухе пахло элем, портвейном и более крепкими напитками, подобно тому как в хорошей французской гостинице воздух пропитан благоуханием вкусных блюд. Как прекрасная дама источает аромат духов, так бар разливал кругом восхитительные запахи миллионов вождеденных стаканчиков. Потягивая темное бархатистое содержимое моей кружки, я был готов к тому, что сейчас войдет сопровождаемый озадаченным Ватсоном Шерлок Холмс и сухо бросит своему спутнику: «Хотите что-то узнать, дорогой Ватсон, загляните в местный трактир».

Неохотно допив свой эль, я вышел на холод. Постоял, размышляя, куда теперь пойти. Единственным положительным изменением в Борнмуте я назвал бы то, что он успел стать чуть ли не университетским городом; если в дни моей молодости вы видели на улицах только тучных бригадиров и пожилых леди, теперь с вами приветливо здоровались курчавые негры цвета шоколада, смуглые иранцы с вишневыми глазами и стайки похожих на рой бабочек или желтоватых птичек прелестных китаянок и японок, чьи изящные, точно веер, руки исполняли в воздухе замысловатый танец, помогая семенящим девушкам толковать между собой.

Заклучив, что я замерз и всеми заброшен, я решил вернуться в гостиницу и заполнить творчеством время, оставшееся до второго завтрака. Расположившись в сверкающем хромом баре, выпил еще темного пива, после чего принялся за писание. Окончив абзац, перечитал его. Он ехидно ухмыльнулся мне, как это заведено у первых абзацев, когда все мобилизованные тобой слова доводят до твоего сведения, что, сколько бы ты ни старался, они не пожалеют сил, чтобы вызвать твое недовольство, и что следующий абзац получится у тебя ничуть не лучше. Я перебрал в уме свой довольно обширный репертуар нехороших слов на английском, греческом, испанском и французско языках; только эти слова дают мне право считать себя полиглотом. После чего заказал двойную порцию бренди. О чем вскоре пожалел. Пиво разных сортов и бренди поднимают настроение, когда потребляешь их по отдельности; собранные вместе, они вызывают хандру. Симпатичный бармен, итальянец Луиджи (мне еще предстояло поближе узнать его), поглядел на мою мрачную физиономию и тактично отошел к дальнему концу стойки, где принялся прилежно протирать стаканы. Он наперед знал, что я напрасно пожелал налечь на бренди... Я прикидывал, какая форма самоубийства наименее мучительна, когда возле меня вдруг возник Людвиг.

— Приятно проводи утро, сэр? — справился он, обеспокоенно созерцая меня.

Я отложил ручку, допил бренди.

— Если вы хотите знать,— осторожно произнес я,— доставило ли мне удовольствие вновь увидеть места, где прошла моя молодость, и ощутить себя восьмидесятилетним стариком, мой ответ будет отрицательным.

— Восьмидесятилетним? — удивился он.— Вы выглядите намного моложе.

— Благодарю,— сказал я.— По правде говоря, когда я держусь подальше от зеркал, мне удастся делать вид, будто я неплохо сохранившийся, симпатичный сорокалетний мужчина, хотя на самом деле обязан признать, что я намного старше и выгляжу куда хуже.

— А вот и нет.— Людвиг был твердо намерен смягчить удар, возможно нанесенный моему самолюбию.— Вы совсем не выглядите старым.

— Спасибо,— снова сказал я.— Выпьете?

— Благодарю,— отозвался Людвиг.— Если можно, джин. Я заказал для него джин, а себе для компании — еще бренди. Мы выпили за здоровье друг друга.

— Между прочим,— заметил я,— джин очень вреден. Зачем вы пьете джин — это же верная смерть.

На лице Людвига появилось выражение тревоги:

— Джин? Вреден? Почему?

— Вы не читаете «Ланцет»? — изобразил я удивление.

— Что это такое — ланцет? — спросил он.

— Самый выдающийся медицинский журнал в мире, — ответил я.— Содержит всевозможные сведения... сообщает о каждом новом открытии... наставляет врачей. Как заливать культю кипящей смолой и все такое прочее... Каждый врач читает «Ланцет».

— Вот как,— отозвался Людвиг.— Выходит, это такой врачебный журнал?

— Можно и так сказать,— ответил я, пытаюсь представить себе, как бы Британская медицинская ассоциация восприняла такое определение.— Но иллюстрации в нем, конечно, изображают только артерии, железы, проказу и тому подобное. Никаких голых женщин, никакой порнографии, хотя текст, можно сказать, не всегда рассчитан на детей младшего возраста.

— И что же в этом журнале говорится про джин? — осведомился Людвиг, подозрительно глядя на свой

стакан.

— Ну, в частности, он способствует облысению.

Рука Людвига нервно пригладила его тщательно оберегаемый «внутренний заём».

— Еще от него портятся зубы, дурно пахнет изо рта и бывают острые приступы «болезни горничных»,— сообщил я.

— Болезнь горничных — это что такое?

— Так называют в просторечии воспаление коленной сумки,— объяснил я.— У вас, очевидно, будет болезнь «вице-директоров», что примерно то же самое, только приступы еще острее.

— И когда же вы узнали про это? — спросил Людвиг.

— Совсем недавно. Заказать вам еще?

— Нет, спасибо, я лучше выпью пива,— сказал Людвиг.— Надеюсь, пиво не вредит?

Я вздохнул. Мой немец был лишен чувства юмора; во всяком случае, оно пребывало в состоянии покоя. Быть может, осторожный поиск при помощи «волшебной лозы» позволит мне обнаружить бурный поток веселья?

— Не обращайтесь внимания,— сказал я.— Люблю иногда пошутить.

— Пошутить,— вдумчиво повторил Людвиг, как будто впервые услышал это слово.— Да-да, конечно, шутить — хорошо, нельзя все время быть серьезным. Шутки вызывают смех.

Я глотнул бренди и присмотрелся к моему новому знакомцу. Приятное лицо, большие, искренние, добрые глаза, в которых, правда, было что-то от испуганного кролика. Он производил впечатление человека, который постоянно озирается, ища взглядом воображаемого врага. Или, быть может, опасный микроб.

— Могу я называть тебя просто Людвиг? — спросил я.— Меня зовут Джерри.

— С удовольствием.— Он мило улыбнулся и кивнул. Я решил продолжить испытание:

— Скажи, Людвиг, к кому я здесь в гостинице могу обратиться с жалобой?

Он посмотрел на меня с испугом:

— Жалобой? Ты собираешься жаловаться?

Пальцы Людвига, сжимающие стакан, дернулись, как если бы оправдались его худшие ожидания.

— Я в том смысле, что если бы что-то случилось,— объяснил я,— к кому следует обратиться?

— Обратись ко мне,— горячо произнес Людвиг,— я все сделаю.

— Послушай,— терпеливо произнес я.— Предположим, мне не нравится цвет ковра в моем номере, кому я должен жаловаться?

— Я могу поменять мебель,— успокоил меня Людвиг. — Но ковер прочно прикреплен к полу. Если хочешь, завтра переведу тебя в номер с другим цветом ковра.

— Я не намерен переходить в другой номер. Мне нравится мой ковер.

— Но ты сказал...— начал он.

— Я пошутил насчет ковра.

На лице Людвига появилось такое выражение, словно его миновала опасность попасть под колеса быстро движущегося экипажа.

— Пошутил,— вымолвил он.— Ну конечно, пошутил. Он облегченно рассмеялся.

— Но у меня претензии к душе,— сказал я. Облегчение испарилось, уступив место нервозности.

— К душе? А что с ним такое? — тревожно осведомился он.

— Каждый раз, когда я включаю его, он норовит ошпарить мне глаза, а я не застрахован от такого рода несчастных случаев,— объявил я.— И вообще, струя направлена в одну сторону, а не могу же я каждый раз становиться в передней, когда хочу помыться.

— Ты опять шутишь? — спросил Людвиг с надеждой в голосе.

— Увы, не шучу,— мрачно ответил я.— Сегодня утром меня между глаз ударила такая сильная горячая струя, что я уже хотел звонить администратору, чтобы прислали собаку-поводыря, которая довела бы меня до столовой.

— Сейчас же распоряжусь, чтобы исправили,— сказал Людвиг, проглотил свое пиво и исчез со скоростью перекасти-поля, сплетенного из оголенных нервов.

В тот день я больше не видел его до самого вечера, когда, пожалуй, не слишком разумно решил отметить канун своего рождения несколькими стаканчиками бренди. Этот напиток способен прояснить ваш мозг, как если бы в голове зажегся некий диковинный яркий огонь, но он может также заставить ваш язык нести всякую околесицу. Я сидел один в огромной тихой гостиной, пытаюсь что-то сочинить, когда Людвиг вдруг возник передо мной; толстый мягкий ковер приглушил его шаги, как будто он шел по снегу.

— Привет,— сказал Людвиг, серьезно глядя на меня.
— Что-то ты поздно засиделся.

— Не спится, вот сижу и пробую писать,— сообщил я.— Нажми кнопку, и словно джинн из бутылки появится ночной дежурный, неся мне бренди, а тебе — что сам закажешь.

Он нажал кнопку и сел напротив, направив на меня слегка озабоченный взор.

— Ты много пишешь,— заметил он.

Чем вовсе не доставил мне удовольствия, поскольку последние полчаса я хмуро таращился на последнюю написанную фразу, соображая, что писать дальше. Я сердито захлопнул блокнот.

— Ага,— сказал я,— много. К сожалению, обилие иностранцев в Борнмуте вредно действует на мой стиль.

— Стиль? Что это?

— Мой слог.

— На него действуют иностранцы? — удивился Людвиг.

— Конечно. Каждый порядочный англичанин подвержен воздействию иностранцев, ты разве не знал? И почему только Всевышний всех не сделал англичанами...

— Но как именно иностранцы воздействуют на тебя? — допытывался он.

— Достаточно того, что они не англичане, — ответил я. — Смотри, вот я выхожу на улицу — и кого же вижу? Английских мужчин и женщин? Ничего подобного — уйму япошек и китайцев, иранцев, эфиопов и уроженцев Басутоленда. Возвращаюсь в гостиницу — и кого вижу там? Англичан? Если бы. Паршивого итальяшку-бармена по имени Луиджи, который выглядит так, словно его прапра-прадеда звали Макиавелли. Официанты — сплошь паршивые испанцы, или паршивые итальянцы, или паршивые португальцы. И могу поклясться, что где-то еще прячется паршивый лягушатник-француз, благоухающий чесноком.

— Но ведь я тоже иностранец, — сказал Людвиг.

— Вот именно. Ты — грязный гунн. С этим общим рынком явный перебор. Скоро в Британию набьется столько паршивых иностранцев, что мне придется ехать за границу, чтобы услышать хорошее английское слово.

Он долго смотрел на меня, потом рассмеялся.

— Грязный гунн, — повторил Людвиг, широко улыбаясь. — Знаю, это ты шутишь.

— Точно, — признался я со вздохом, — шучу.

— А что за книги ты пишешь?

— Романы про секс. Про сексуальных маньяков, бесчинствующих в гостиницах вроде этой.

Он поразмыслил, потом улыбнулся.

— Понимаю, ты опять шутишь, — довольно произнес он. Явился ночной дежурный, и я заказал два двойных

бренди, не давая Людвигу опомниться. Он опешил и хотел что-то возразить, но я остановил его жестом руки.

— Праздник,— сказал я, поглядев на часы.

— Праздник? — спросил Людвиг.— Какой именно?

— Через минуту будет полночь,— объяснил я,— затем наступит мой день рождения. Веселье, бурное оживление и все такое прочее. На твоём месте я держался бы от меня подальше — могу вдруг превратиться в тыкву, или в оборотня, или во что-нибудь еще.

— День рождения? Правда? Ты не шутишь?

— Не шучу. Через минуту у меня за плечами будет пятьдесят один славно потраченный впустую год.

Дежурный принес напитки, мы подняли наши стаканы, и когда стрелки часов сошлись на цифре двенадцать, Людвиг встал.

— Поздравляю,— приветствовал он меня,— и желаю еще много-много лет жизни.

— Спасибо,— отозвался я,— тебе того же. Мы выпили.

— Ты чем-то озабочен,— сказал Людвиг, беспокоясь за меня.

— А ты на моем месте не был бы встревожен?

— Но почему?

— Ну как же, вот мне исполнилось пятьдесят два, а все ещё ничего не произошло.

— Так ведь тебе только что исполнилось пятьдесят два года,— серьезно заметил Людвиг.— Разве может сразу что-то произойти?

— Почему бы нет? — спросил я.— Почему бы в гостиную не ворваться пышной смуглянке в прозрачной ночной рубашке и не попросить меня спасти ее от бешеного быка?

— В гостинице? Как сюда может попасть бык?

— На лифте,— ответил я.— Или он мог прокрасться в номер какой-нибудь леди, переодетый горничной, и

напасть на нее.

— Ты опять шутишь,— сказал Людвиг, страшно довольный, как будто поймал меня на жульничестве в карточной игре.

Я вздохнул:

— Скажи, Людвиг, что побудило тебя покинуть развеселую жизнь в Германии и перебраться в Борнмут? Здесь заработки лучше?

— Нет-нет,— ответил он.— Просто в Германии все-только тем и заняты, что работают целый день и к вечеру так устают, что ни на что не остается сил. Совсем не веселятся.

— И не шутят? — удивился я.

— Нет, они слишком устают.

— И поэтому ты бежал в Англию?

— Да, мне очень нравится Англия.

Мы помолчали, я уныло размышлял о моем опусе, который никак мне не давался.

— Ты опять чем-то обеспокоен,— озабоченно заметил Людвиг.

— Да нет, просто не ладится что-то с этим проклятым писанием,— объяснил я.— Только и всего. Это называется писательским запором. Пройдет.

Людвиг смущенно посмотрел на меня.

— У меня завтра выходной,— сказал он.— Есть машина — «мерседес».

Я задумался над этим несколько неожиданным сообщением, спрашивая себя, кто из нас перебрал бренди.

— И что? — осторожно осведомился я.

— Я подумал, поскольку у тебя день рождения и ты один во всей гостинице, может быть, захочешь прокатиться,— пояснил он, слегка покраснев.

Я выпрямился в кресле.

— Отличная идея! Ты серьезно? — спросил я, тронутый его добротой.

— Конечно,— просиял Людвиг, видя мой энтузиазм.

— Значит, так,— сказал я.— Ты позавтракаешь со мной, потом мы махнем куда-нибудь. Ты бывал в замке Корф? На полуострове Пэрбек?

— Нет,— ответил Людвиг.— С тех пор как уехала моя девушка, Пенни, я редко куда-нибудь хожу.

— Прекрасно, договорились. Ты заедешь за мной в двенадцать часов, мы где-нибудь перекусим и пропустим по стаканчику, потом проведем Пэрбек.

Ровно в двенадцать мы встретились в холле. Людвиг выглядел несколько непривычно в рубашке с расстегнутым воротом, без аккуратной бабочки и в яркой спортивной куртке вместо черного пиджака, однако цветистый наряд ничуть не умерил его серьезности. Через Плезэр-Гарденс мы проследовали в «Ройял Бат Баттери» — отель, где во всем Борнмуте, на мой взгляд, подавали наиболее близкие к хорошей французской кухне блюда. По пути заглянули в трактир, чей бармен-ирландец с невыразительным лицом, но с искоркой в глазах, подобной светлячку в бархатно-черной ночи, внушил мне подозрение, что он почитает наш мир весьма забавным.

Людвиг задумался, выбирая напиток. От джина отказался, объяснив бармену, что опасается «болезни горничных». Бармен поглядел на меня, я подмигнул ему. Искорка в его глазах стала ярче, и он заговорил тоном знатока.

От хереса, сообщил он с ярко выраженным ирландским акцентом, развивается подагра и от портвейна — тоже.

От пива, серьезно заметил я, люди толстеют, а это плохо для сердца, как и от бренди, если его пить за обедом. Бармен поведал, что у некоторых завсегдатаев его трактира от обильного потребления виски артерии затвердели так быстро, что эти несчастные превратились вдруг в какие-то неподвижные статуи. Я

добавил, что нечто в этом роде бывает от рома, с той разницей, что человек преображается в какую-либо липкую массу вроде патоки. Не желая отставать, бармен рассказал, что водка разъедает внутренности; буквально на днях один завсегдатай скончался, потому что весь его желудок вывалился на пол. И пришлось же потом повозиться с уборкой, вздохнул бармен, потому что бедняга тот ел на завтрак яичницу с беконом. Мысленно я поставил бармену высший бал. Именно такие артистические штрихи отличают добрую ирландскую брехню.

Людвиг осторожно прислушивался к нашей перепасовке. Внимательно посмотрел на мое лицо.

— Вы оба шутите? — произнес он так жалобно, что мне ничего не оставалось, как сознаться.

Мы заказали легкое пиво, и бармен присоединился к нам. Затем Людвиг принялся рассказывать мне, как он предвкушает отпуск.

— И куда же ты поедешь? — спросил я.

— Хотелось бы на юг Франции,— ответил он,— да не получится.

— Почему? У тебя быстрая машина, дороги хорошие. За один день доберешься до Канн.

— Но я должен повидать родных.

— Ты очень хочешь их повидать? — поинтересовался я, вспоминая, как редко члены нашей семьи навещают друг друга, причем являются так же неожиданно, как кукушка к ее пернатым приятелям.

— Нет,— честно ответил он,— но ведь они мои родные. Поэтому я не смогу поехать на юг Франции, где теперь находится моя девушка Пенни.

«Малый явно перебарщивает в своей сыновней привязанности»,— подумалось мне.

— Почему бы не повидаться с ними на обратном пути? — предложил я.— Сперва навести Пенни.

Людвиг опешил.

— Или,— продолжал я,— почему бы в этом году не сказать: «К черту родных» — и отправиться... ну, скажем в Мексику?

Он задумался, а мы с барменом молча ждали, удастся ли нам развратить его.

— Хотелось бы повидать Мексику,— произнес наконец Людвиг.— Но там, пожалуй, слишком жарко. В Испании я страдал от жары.

— Почему не пожаловался правительству? — спросил я

— Это было бы не по закону,— сказал он, подумав.

Мы с барменом всем сердцем надеялись, что он пошутил; увы, Людвиг просто констатировал факт. Я обратил на бармена страдальческий взгляд, он ответил мне тем же.

— Ну что ж,— рассудительно произнес я,— есть и более прохладные места. Например, Баффинова Земля.

— В самом деле? — заинтересовался Людвиг.

— Этот наш друг,— я показал на бармена,— может тебе рассказать про Баффинову Землю.

Бармен, с лицом невыразительным, как лужа дегтя принялся полировать какой-то стакан.

— На Баффиновой Земле прохладно,— негромко произнес он.— Так прохладно, что там производят особые спиртные напитки, чтобы бутылки не лопались.

Людвиг задумался.

— Какой крепости? — спросил он.

Бармен вздохнул. Чувствовалось, что он начинает понимать мои затруднения.

— На Баффиновой Земле,— пришел я ему на помощь,— тебе пришлось бы испытать на себе гостеприимство эскимосов. Есть в больших количествах ворвань, тереться носами с веселыми эскимосками...

— Что такое ворвань? — пожелал узнать Людвиг.

— Это небольшой, но достаточно важный, изогнутый участок нижней части кишечника кита, достигшего

совершеннолетия,— сказал я.

— Пойманного в августе, в полнолуние, когда начинают таять айсберги,— уверенно заявил бармен, чем заслужил мое безмерное восхищение.

— Убитого гарпуном,— смело добавил я.

— Не думаю, чтобы мне это понравилось,— сказал Людвиг.— Должно быть, на вкус что-то вроде рыбы, да? Меня всегда тошнит от копченой селедки и страшно хочется пить.

Я снова посмотрел на бармена, он ответил сочувственным взглядом.

— Видишь,— сказал я ему,— каким приятелем я обзавелся. Настоящий гунн.

— Точно, сэр,— отозвался бармен.— Думаю, неделька-другая в Дублине пошла бы ему на пользу. Не хуже психушки, говорят люди.

— Я подумаю,— обещал я ему.

— В Дублине очень влажно, верно? — спросил Людвиг, искренне желая пополнить свои знания.

— Верно,— ответил бармен.— Его еще называют Северной Венецией. Именно там была изобретена гондола.

— Но я думал...— начал озадаченный Людвиг.

— Пошли,— перебил я, беря его за руку.— Пойдем поедем копченой селедки.

За превосходной трапезой Людвиг облегчил душу, поведав мне про Пенни. Дескать, она и молодая, и веселая (хотя и лишенная чувства юмора, предположил я), но они постоянно ссорятся, постоянно. Она всегда копается, когда надо куда-то собраться, всегда поступает наперекор ему, но самый большой грех — спеша одеться, разбрасывает пополу чулки и бюстгальтеры. Людвиг полагал, что именно эта привычка в сочетании с некоторой разницей в возрасте делает невозможной саму мысль о женитьбе, во всяком случае весьма сомнительной. Я возразил, что это как

раз то, что ему нужно: молодая живая особа, которая будет спорить с ним и заставляя ходить по пояс в разбросанных чулках и бюстгальтерах. Сказал, что множество браков распалось из-за чрезмерной аккуратности жены и множество были спасены уроненным вовремя бюстгальтером. Новизна этой идеи поразила Людвига, и после двух бутылок превосходного вина я почти убедил его завести вместе с Пенни собственную гостиницу в Борнмуте, при условии, что она не станет ронять бюстгальтеры в коридорах.

— Я написал ей, приглашая приехать в Борнмут и побыть со мной во время моего отпуска,— признался он.

— И что же она?

— Не ответила. Я очень беспокоюсь,— озабоченно сказал Людвиг.

— Перестань беспокоиться,— твердо произнес я.— Знай ты французскую почту, как я ее знаю, вообще не стал бы беспокоиться. Письмо, в котором говорится, что она приедет и любит тебя, придет в твой сотый день рождения.

Людвиг испуганно воззрился на меня.

— Шутка,— объяснил я.

— О! — воскликнул он с облегчением.— Значит, думаешь, она согласится?

— Непременно,— заверил я его.— Кто может устоять против ухаживания грязного гунна?

Эту шутку он уже знал, а потому громко расхохотался. Потом опять посерьезнел.

— Ты много путешествуешь? — спросил он.

— Порядочно.

— Это... ну... выбивает тебя из колеи?

— Нет. А что?

— Понимаешь, когда приближается отпуск, я всегда страшно нервничаю и у меня расстраивается желудок,— признался Людвиг.— Чем ближе отпуск, тем мне хуже.

И когда отпуск начинается, мне так плохо, что я не получаю никакого удовольствия.

— Тебе нужен транквилизатор,— сказал я.— Могу поделиться.

— Поможет? — спросил он с надеждой.

— Конечно. Не забудь напомнить, у меня где-то лежит.

Сам принимаю, когда перетружусь.

— Большое спасибо,— сказал Людвиг.— Хочется хорошо провести отпуск.

— Будешь доволен,— пообещал я.— И Пенни тоже.

В приподнятом настроении мы доехали до парома, который хочется сравнить с воротами в другой мир. Подобно тому как Харон работает на перевозе через Стикс, так местный паром с куда более приятной целью двинулся через пестрящее островками и морскими птицами устье гавани Пула от роя сверкающих белизной отелей Борнмута в клочок пасторальной Англии, будто не изменившийся с позапрошлого века. Здесь широкие зеленые луга на покатых холмах были обнесены оградами из темного, колючего и косматого, точно волосы ведьмы, терновника. На исчерченных, словно вельвет, аккуратными бороздами полях стаи грачей летели за пахарем, будто чайки за кораблем. Живые изгороди были обвешаны лимонно-желтыми сережками, верба щеголяла пушистыми комочками цвета котикового меха.

Переплетенные на фоне неба черные голые ветки окостенелых деревьев на гребнях холмов создавали впечатление замысловатых синих витражей, замаранных тут и там первыми прутиками грачиных и сорочьих гнезд. Людвиг включил магнитофон, и машина начала вибрировать от громких мажорных звуков баварской музыки. Казалось, слышно, как мозолистые руки хлопают по кожаным шортам и как отбивают такт горные ботинки веселящихся баварцев с огромными

пивными кружками. Забавный контраст ландшафту, через который мы проезжали...

Еще один поворот, и на коническом бугре в просвете между двумя высокими зелеными холмами мы увидели остатки замка Корф, этакий гнилой динозаврий зуб, торчащий из зеленой десны. Только центральная часть замка смогла устоять против фугасов и пушечных ядер кромвелевских вандалов и возвышалась теперь подобно остерегающему пальцу, покрытая щербинами, населенная галками, в одно и то же время жуткая и жалкая.

Оставив машину, мы пошли к замку. От холодного свежего воздуха и выпитого вина слегка кружилась голова. Две приземистые башни, напоминающие бугристые пивные кружки, охраняли вход под массивной аркой; поблизости остатки стены венчала еще одна башня, наклоненная под острым углом, подобно дереву, упрямо противостоящему попыткам ветра и воды повалить его на землю. Заложенный под нее в свое время фугас был недостаточно мощным, чтобы разрушить циклопическую шахматную фигуру из пэрбекского известняка.

Опережая нас, в том же направлении шагала высокая девушка с темными волосами. У нее были восхитительные длинные ноги, какими, кажется, природа наградила только американских девушек; ноги породистого скакуна, растущие чуть ли не от ушей.

Для просвещения Людвига я приступил к чтению лекции по истории Англии.

— Именно здесь,— сказал я, показывая на арку,— было совершено одно из ряда многих убийств. Эльфрида подло расправилась с Этельредом Нерешительным. Он охотился тут поблизости и решил навестить ее брата. А Эльфрида была, конечно же, его мачехой и страшно ревновала Этельреда, потому что он не испытывал по отношению к ней эдипова комплекса.

Короче, когда Этельред Нерешительный — его еще называют Неустойчивым — перебрал меда...

— Меда? Что это? — спросил внимательно слушавший меня Людвиг.

— Три части водки, одна часть пчелиного меда с водой и щепотка ангостуры горькой,— отчеканил я и с удовольствием отметил, что девушка впереди сменила широкий шаг на более плавную поступь, чтобы лучше слышать меня.— Так вот,— продолжал я,— Этельред Нерешительный промчался на коне через мост под этой аркой и приветствовал мачеху со всей теплотой, позволительной человеку, свободному от эдипова комплекса. Сказал, что желает увидеть брата. Мачеха ответила, что его брат в темнице забавляется пыточными орудиями и что его сейчас позовут. А пока, предложила она, может быть, Этельред выпьет немного меда, чтобы восстановить силы. Этельред согласился.

Тем временем мы подошли к будке, где продавались входные билеты, и я смог рассмотреть лицо девушки. Она была очень хороша. Девушка купила путеводитель; мой слух уловил ее американский акцент. Поворачиваясь, она встретилась со мной глазами, улыбнулась и помахала мне путеводителем.

— Некоторые люди,— громко сказал я,— и не подозревают, что ждет их дальше.

Девушка помешкала, потом стала медленно подниматься по откосу к развалинам самого замка — достаточно медленно, чтобы и дальше слышать наш разговор.

— Что случилось потом? — спросил Людвиг.

— А вот что: Эльфрида смешала мед в шейкере из бараньего рога и налила Этельреду. Когда он нагнулся, чтобы взять свой рог, она вонзила ему в спину нож — не очень-то гостеприимный жест, ведь он был совсем не готов к этому. После чего она сбросила его тело в колодец — по-английски, как ты знаешь, «велл».

Отсюда старая английская поговорка: «Олл из велл зэт эндс велл» — «Все хорошо, что хорошо кончается».

— И полиция не поймала ее? — спросил Людвиг.

— Не поймала. Несколько месяцев брали отпечатки пальцев у всех обитателей замка — и все без толку. Старый Скотленд-Ярд терялся в догадках.

— А кем же был этот эдипов комплекс? — допытывался Людвиг, желая досконально разобраться в исторических фактах.

— Один совершенно безнравственный рыцарь, сэр Эдип. Он хотел жениться на Эльфриде и сесть на трон, стать королем, понимаешь? Слыхал когда-нибудь выражение «черный как ночь»?

— Слыхал,— отозвался Людвиг.

— Так вот, его изобрели тогда в качестве характеристики сэра Эдипа.

Я заметил, что девушка остановилась и прилежно изучает путеводитель. Заметил также, что она держит его вверх ногами. Кассир задумчиво посмотрел на нас.

— Вам не нужен путеводитель, сэр,— произнес он скорее утвердительно, чем вопросительно, и мое ухо уловило мягкий, словно изысканный сыр, дорсетский акцент.

— Нет, спасибо,— беззаботно ответил я.— Мне знакома история сей благородной груды камня.

— Я так и понял, сэр,— подмигнул он мне.— Ваш друг — иностранный джентльмен, верно?

— Немец,— сказал я.— Сами знаете, что это за порода.

— О-о, да, конечно, отлично знаю.

— Вы родом из Дорсета? — поинтересовался Людвиг.

Не в силах больше сохранять серьезное выражение лица, кассир промямлил: «Да, сэр» — и поспешно отступил в глубь, сдоей будки.

— Пошли,— позвал я Людвига.— Нам еще много надо посмотреть, и у этого места захватывающая история.

Мы миновали девушку, она медленно последовала за нами.

— Теперь,— сказал я, поднимаясь вверх по зеленому откосу,— мы пропустим одно-два столетия и остановимся там, где Генрих Седьмой проиграл в кости замок Генриху Восьмому.

На густой траве паслось несколько овец; рога барана украшали его голову, будто две огромные спиральные раковины.

— Так вот,— продолжал я,— как известно, у Генриха Восьмого были в жизни только три страсти — женщины, еда и музыка. Сейчас ты видишь перед собой остатки стада тех самых овец, которых подавали Генриху с горохом, картофельными чипсами и мятным соусом. Разумеется, для него готовили отбивные, но в те дни, когда он казнил одну или двух своих жен, в честь этого события приказывал запечь баранью ногу с розмарином и чебрецом.

— Они очень грязные,— заметил Людвиг, глядя на овец.

— Так надо,— ответил я,— чтобы на них не позарились браконьеры. Овец моют раз в году, в день Святого Омо проводят торжественный обряд погружения овец в специальную яму на территории замка.

— О,— вымолвил Людвиг, обводя взглядом глыбы разрушенной кладки и разбитые стены.— А где же кухни?

Я завел его в помещение, где, по всей вероятности, некогда сидели караульные, охраняя вход в замок и подъемный мост, полируя свои луки и стрелы и не давая остыть кипящему дегтю. В одной изогнутой стене этого помещения — без кровли, площадью примерно

шесть на три метра — была узкая крестовидная бойница.

— Здесь,— сказал я,— находилась большая кухня. Молодая американка задержалась у входа.

— Но здесь мало места,— заметил Людвиг.

— Вполне достаточно, если ты искусный повар и располагаешь всеми современными удобствами. Генрих, как я уже говорил тебе, был очень разборчив в еде, и повар рисковал жизнью, если готовил плохо. А хороший повар вполне мог на такой площади приготовить от семи до десяти блюд для банкета. Опрятность — вот залог успеха в кулинарном деле,— вкрадчиво произнес я, живо вспомнив, как моя жена твердила, что в жизни не встречала такого неопрятного повара, как я.

— Но как же отсюда подавали блюда в замок? — озадаченно справился Людвиг.

— Через раздаточное окошко.— Я показал на бойницу.— Что подлиннее, вроде сельдерея,— через вертикальную прорезь, подносы с отбивными — через горизонтальную.

Людвиг подошел поближе, чтобы лучше видеть.

— Поразительно,— произнес он.

Молодая американка укоризненно посмотрела на меня, улыбнулась и вдруг исчезла, чем немало меня огорчила. Я продолжал водить жадно слушающего мои бредни Людвига по замку, надеясь догнать ее, но она как сквозь землю провалилась.

А Людвиг никак не мог успокоиться. Когда я показал ему комнаты для гостей площадью около двух с половиной метров на два, он подчеркнул, что в них с трудом могла втиснуться двуспальная кровать и не оставалось места, чтобы войти. Как справляется с этими трудностями королева Елизавета (я сообщил ему, что она приезжает сюда на уик-энд вместе с отцом)? Очень просто, ответил я, открывает дверь и прыгает в постель. Большая экономия передвижений. И поскольку

кровать занимает всю площадь, вы избавлены от необходимости подметать под ней. Еще его заботило состояние санитарного узла; показав ему на остатки круглой башни метрах в пятистах от главного здания, на самом краю холма, я пояснил, что там помещались мужская и женская уборные.

— Почему так далеко? — спросил он.

— По двум причинам,— ответил я.— Во-первых, как это видно по их расположению, каждый раз, когда спускали воду, содержимое скатывалось по склону прямо в лагерь противника, нагоняя панику на врага. Во-вторых, они служили Генриху для карательных мер. Он обнаружил, что придворные испражняются прямо на стенах, чем вызывали недовольство часовых внизу. Вот Генрих и велел построить уборные там, приказав под страхом смерти пользоваться только ими. Поверь мне, в холодные зимние ночи это было весьма действенное наказание.

Американская девушка по-прежнему не показывалась, чем сильно меня расстроила. Я-то надеялся, что еще несколько моих драгоценных исторических открытий перекинут мостик между нами. Мало-помалу мы возвратились к главному входу, и когда начали спускаться по откосу, я увидел вдруг юную красавицу. Она смотрела на нас сверху из окруженного, словно чешуйками пепла, галками полуразрушенного окна в одной из относительно целых стен замка. Я помахал ей рукой, она помахала в ответ, поощрив на дальнейшие действия. Сложив ладони рупором, я крикнул:

— Прекрасная леди, сегодня у меня день спасения красивых принцесс, и я вижу, что вы попали в беду!

Она устремила на меня печальный взор и наклонилась вперед, так что длинные черные волосы ее упали на плечи.

— Сэр рыцарь, меня постигло страшное несчастье,— услышал я мелодичный голос, говорящий с мягким американским акцентом.— Как вы провели о моей беде?

Я проникся к ней расположением.

— Леди, об этом знает все королевство.— Я отвесил ей старомодный поклон.— Я и мой шут вместе проделали утомительный долгий путь, дабы спасти вас от участи, которая хуже смерти.

— Что такое шут? — спросил Людвиг.

— Это такой дурак,— ответил я.

— Ты хочешь сказать — идиот? — возмутился он.

— Сэр рыцарь,— снова обратилась ко мне принцесса, испуганно озираясь,— говорите тише, боюсь, стража может услышать.

— Леди, дошло до меня, что ваш дядя, этот злодей, заточил вас здесь, чтобы лишить вас и королевства, и девственности! — крикнул я.

— Шут — это идиот? — допытывался Людвиг.

— Дипломированный паяц,— ответил я.

— И девственности — тоже? — осведомилась принцесса.

— Что такое паяц? — спросил Людвиг.

— Да, лишить вас сокровища, коим женщины так дорожат,— сообщил я принцессе.— Ваш дядюшка даже сейчас, зловеще хмуря брови...

— Паяц — то же самое, что шут? — хотел знать Людвиг.— У слова «идиот» два синонима?

— Да,— коротко ответил я, желая продолжить диалог с моей принцессой.

— Скажи мне, прекрасный рыцарь, чем занят сейчас мой дядя? — пропела она.

— Сейчас он сидит, готовя вам страшную участь, леди. Однако не бойтесь, я...

— Участь — то же, что смерть? — спросил Людвиг.

— Да,— сказал я.

— Скажи мне, прекрасный рыцарь, могу ли я ее избежать с твоей помощью? — поинтересовалась моя принцесса.

— Не бойтесь, леди, ничего,— ответил я.— Никакой дядюшка, пусть даже самый кровосмесительный, самый порочный, самый извращенный, будь вместе с ним хоть тысяча приспешников, пусть даже самый коренастый, волосатый и средневековый, какие бы силы нам ни противостояли, с моим верным мечом Экскалибуром...

— Ты знаком с этой девушкой? — заинтересовался Людвиг.

— Сэр Ланселот — это вы! — мелодично воскликнула леди в окне.

— Я, мэм, к вашим услугам!

— Ты где-нибудь встречался с ней раньше? — спросил Людвиг.

— Послушай,— огрызнулся я,— помолчи немного. Галки кружили над башней, издавая ворчливые крики.

— Леди,— воззвал я к принцессе,— там внизу нас ожидает мой верный конь, моя лошадь Мерседес, на ней мы доставим вас в безопасное место.

— Одна лошадь? — возразил Людвиг.— В этой модели «мерседеса» двадцать лошадей.

— Сэр Ланселот,— откликнулась моя принцесса,— ваша доброта равна вашей храбрости.

— Тогда я поднимусь на ваши бастионы, убью ваших стражей и отвезу вас в селение Борнмут, где нас ждут оленина и мед.

— У нас в Германии много оленины,— сообщил Людвиг.— К ней подают яблоки, запеченные в тесте.

— Увы, Ланселот,— сказала принцесса.— Боюсь, ничего не выйдет, хотя я жажду отведать меда с водкой и щепоткой горькой ангостуры. В селении том мой жених ждет моего спасения, а у него ревнивый нрав.

— Что такое — нрав? — спросил Людвиг.

— Характер,— ответил я.— Черт! Она помолвлена.

— Нрав — от слова «нравиться»? — поинтересовался Людвиг.

— Принцесса,— грустно сказал я,— почему вы так опрометчивы. Вспомните изречение: «Поспешный брак — долгое раскаяние». Не говоря уже о том, что мне пришлось так потрудиться, извлекая мой меч из камня ради вас.

Она рассмеялась:

— Уверена, вы найдете другую принцессу. Прощайте, сэр Ланселот.

— Прощай, милейшая Гиневра...

— Ты сказал, что не знаком с ней,— заметил Людвиг, когда мы направились к выходу с территории замка.— Откуда же ты знал ее имя?

— Она — Гиневра Смит из Джоллитауна, штат Огайо,— ответил я.— И я познакомился с ней в Нью-Йорке. А теперь едем обратно в Борнмут. Трактиры уже открыты.

— Этот замок,— сказал Людвиг, когда мы проходили под аркой,— совсем не в исправном состоянии.

— Нам, англичанам, они нравятся именно такими,— сообщил я.— Чтобы в них сохранялся аромат старины, так сказать.

— А у нас на Рейне,— возразил Людвиг,— много замков, много больших красивых замков, и они все в исправном состоянии.

К счастью, как раз у входа стояла брошенная кем-то тачка с гравием.

— Вот,— показал я,— смотри, мы тоже кое-что предпринимаем. Вернись сюда через год или два, увидишь, что замок будет выглядеть не хуже «Хилтона».

В потускневшем солнечном свете луговая зелень приобрела изумрудный оттенок; распаханное поле стало пурпурно-коричневыми. Гавань Пула озаряли

розовые лучи, и летящие на свои гнезда чайки отражались снежинками в почти зеркальной глади моря. Людвиг включил еще какие-то баварские мелодии, отбивая такт по баранке за неимением кожаных шортов.

— Какой интересный день был сегодня,— заметил он, когда мы выехали на улицу, ведущую к гостинице.— Когда приедут мои родители, я повезу их посмотреть замок Корф и расскажу все, что узнал.

Я ощутил легкие угрызения совести.

— Надо было купить тебе путеводитель, все запомнить невозможно.

— Я запомнил,— возразил Людвиг.

— Тебе спасибо за чудесный день,— сказал я.

— Спасибо тебе,— учтиво ответил он.

Оставив машину в гараже, мы направились пешком в гостиницу.

— Ты не забудешь таблетки, которые обещал мне? — робко справился Людвиг.

— Конечно, не забуду,— сказал я.— Я их куда-то засунул, никак не могу найти. Но завтра поищу как следует.

— Завтра — последний день,— напомнил Людвиг.— Послезавтра я уезжаю в отпуск.

— Будут тебе таблетки, даю слово.

И я нашел их, очень кстати, как показал ход событий. Возвращаясь на другой день из кино, я с удивлением увидел целую толпу людей перед гостиницей «Ройял Хайк-лифф Пэлис». Подойдя ближе, разглядел также полицейскую машину с синей мигалкой, «скорую помощь» и две пожарных машины, над которыми к небу тянулись лестницы, словно шеи диковинных доисторических зверей. По мостовой новорожденными удавами расползлись пожарные рукава. Высоко на торце гостиничного здания помещалась причина всей этой сумятицы — неоновая

вывеска, которая каким-то образом ухитрилась загореться. Хотя немедленно была объявлена тревога, к тому времени, когда огонь был потушен, от вывески остались только буквы «ял», «Хай» и «лис», напоминая то ли заголовок одной из рукописей Мертвого моря, то ли имя некоего древнего китайского философа. Протиснувшись через толпу, я увидел расстроенного Людвига, который сопровождал выходящих из гостиницы дюжих пожарных и еще более дюжих полицейских. У него было такое бледное, измученное и виноватое лицо, как будто он сам поджег злополучную вывеску.

— Привет,— бодро поздоровался я.— Вижу, ты тут здорово повеселился.

Людвиг застонал.

— Ужасно! Ужасно! — судорожно вымолвил он.— Что они там натворили в номерах, выбираясь на крышу. Я чувствую себя ужасно! Завтра начинается мой отпуск.

— Но ведь ты не поджигал вывеску,— заметил я.

— Нет! Не поджигал, но это произошло в мое дежурство,— сказал он, глядя на меня страдальческими глазами.— Она загорелась, когда я дежурил.

— Весьма неосмотрительно с ее стороны,— отозвался я.— Но гостиница не сгорела, так что у тебя все будет в порядке. Пойдем, выпей стаканчик и успокойся. Или ты предпочитаешь «скорую помощь»? Она тут стоит.

— Нет-нет, спасибо,— совершенно серьезно отверг Людвиг это мое предложение.— Мне нельзя покидать гостиницу. Я должен заняться уборкой.

Когда мы позже встретились в баре, он все еще никак не мог успокоиться.

— Ты принес таблетки? — жалобно осведомился Людвиг.— Понимаешь, со всеми этими делами мне стало еще хуже.

— Черт! — воскликнул я.— Совсем забыл. Но ты не волнуйся, будут тебе таблетки. Когда ты завтра уезжаешь?

— В два часа,— ответил Людвиг таким голосом, будто на это время была назначена его казнь.

— Я собираюсь позавтракать в ресторане «Белла Виста»,— сообщил я.— Загляни туда, выпьешь стаканчик на дорожку и получишь от меня таблетки.

— Спасибо,— сказал он.— Чувствую, без них отпуск будет мне не в радость.

На другой день — я только что управился с жареной телятиной и зеленым салатом с приложением в виде отличного кьянти — в «Белла Висту» явился Людвиг с темными кругами под глазами, с нервно дрожащими руками.

— Нашел? — тревожно осведомился он.

— Нашел,— ответил я, оценивая взглядом его состояние.— А теперь садись и расслабься. Ты выглядишь так, что при виде тебя любая женщина уронит на пол свой бюстгальтер.

Я извлек из приготовленного для него конвертика зелено-черную капсулу.

— Так вот,— сказал я тоном частного врача-консультанта,— принимай в день по одной капсуле, не больше. Понял? И только в том случае, если почувствуешь, что тебе это необходимо. О'кей?

— Да! Да! — горячо произнес Людвиг, глядя на капсулу, словно на пробирный камень, способный все превращать в золото.

Я заказал бутылку вина, налил ему бокал. Он выпил залпом. Я налил еще.

— Теперь глотай капсулу,— сказал я.

— Ты уверен, что я смогу вести машину? — спросил Людвиг.

— Можешь и пить, и вести машину,— заверил я его.
— На меня эти капсулы совсем не действуют. Между

прочим, я только что сам принял одну.

— Отлично,— сказал он, глотая капсулу.— Понимаешь, это очень важно, потому что мне предстоит долгая поездка.

— Ясно. Можешь не беспокоиться. Будешь как огурчик. После второго бокала вина он встал и крепко пожал мне руку.

— Я так рад, что мы познакомились,— произнес Людвиг.

— Я тоже. Навести меня как-нибудь. И захвати Пенни. Я буду не против, если она уронит на пол бюстгальтер.

— Ты шутишь,— гордо заметил он.— Теперь я знаю, когда ты шутишь.

— Ладно, счастливо отдохнуть,— сказал я, и он побрел к своему «мерседесу» навстречу кратковременной свободе от гостиничных забот.

Я же допил вино и отправился в кино. Там меня ждал фильм, который я давно мечтал посмотреть. Предвкушая удовольствие, я тщательно выбрал место, покупая билет.

Погас свет, пошли титры... Дальше я ничего не помню, пока три четверти часа спустя сидящий рядом мужчина не потряс меня за плечо, прося не храпеть так громко, а то ему совсем не слышно, что говорят артисты. Я удивленно вскочил на ноги — никогда еще мне не случалось засыпать в кинотеатре! Не иначе проклятая капсула виновата, в сочетании с вином, сказал я себе.

Потом вспомнил Людвига и похолодел.

Боже мой! Несясь по дороге на встречу со своей Пенни, он вдруг уснет за рулем «мерседеса»?.. Я живо представил себе обрызганные кровью остатки автомобиля, расплющенного о дерево. Может быть, он еще не выехал?! Я выскочил из кино как сумасшедший и примчался в гараж; не сомневаюсь, что моя физиономия

выглядела такой же безумной, как лицо Людвига, когда он нервничал.

— Мистер Дитрих — он уже уехал? — спросил я дежурного.

— Да, сэр, примерно с час назад,— последовал ответ. Признаюсь, я чувствовал себя отвратительно целых три дня, пока не получил из Кале открытку, которая сняла тяжкое бремя с моей души. Текст открытки гласил: «Встретил Пенни, завтра начинаем вместе счастливый отпуск». И подпись: «Твой грязный лгун Людвиг».

Кажется, есть какая-то поговорка насчет того, кто смеется последним, однако я уверен, что Людвиг никогда о ней не слышал.



Глава 6.

Суд присяжных



Речной пароход «Долорес» сломался — как и положено речным пароходам — на полпути к месту назначения у Мериады, городишки с населением в две тысячи душ на берегу реки Парана. Казалось бы, для такого прегрешения не было никаких оснований: река здесь широкая, глубокая, тихая, ровное течение ускоряло наш ход. Меня это происшествие здорово встревожило, ведь в трюме, помимо всего прочего, находились два моих ягуара, двадцать обезьян и три десятка разных птиц и рептилий. Запасы продовольствия были рассчитаны на пятидневное плавание, и серьезная задержка грозила бедой. Оба ягуара, ручные, словно котята, обладали завидным аппетитом, и надо было слышать, какой жуткий негодующий вой они издавали, если нарушалось расписание их трехразового кормления.

Я пошел к капитану, смуглому коренастому крепышу с густыми черными усами и бровями, пышной шевелюрой и ослепительно белыми зубами, благоухающему духами «Пармская фиалка».

— Капитано,— сказал я,— извините, что беспокою вас, но хотелось бы знать, сколько примерно мы можем здесь простоять. Меня беспокоит проблема корма для моих животных.

Он очень выразительно, как это умеют делать латиноамериканцы, пожал плечами и воздел глаза к небу:

— Сеньор, я ничего не могу вам сказать. Говорят, что эту распроклятую деталь в машине, которая сломалась, можно починить в городской кузнице, но я в этом сомневаюсь. Если с ремонтом ничего не выйдет, придется посылать за новой деталью в порт, откуда мы вышли.

— Вы уже распорядились позвонить туда?

— Нет.— Капитан снова пожал плечами.— Связь не работает. Говорят, наладят только завтра.

— Ладно, я отправлюсь в город, постараюсь добыть корм для моих бичо. Вы уж без меня не отплывайте, хорошо?

Он рассмеялся:

— Не бойтесь, сеньор. Знаете что, я пошлю с вами двоих индиос, чтобы помогли вам нести что добудете. Все равно им сейчас нечего делать.

Вместе с двумя выделенными мне индейцами я направился в центр города, где, как и следовало ожидать, располагался рынок. Индейцы были самые настоящие, парагвайские, щуплые, с кожей медного цвета, прямыми черными волосами и глазами цвета черной смородины. Нагрузившись бананами, авокадо, апельсинами, ананасами, четырьмя козьими ногами и четырнадцатью живыми курами, мы возвратились на «Долорес». Там я разместил припасы в трюме, отбил

от попыток ягуаров затеять со мной возню и поднялся обратно на палубу, где с удивлением увидел, что на одном из ветхих шезлонгов, призванных скрашивать путешествие пассажирам, возлежит некий джентльмен. Большинство этих шезлонгов обветшали настолько, что вы опасались не то что сидеть — прикасаться к ним. Тем не менее упомянутый джентльмен ухитрился найти экземпляр, который не рассыпался под весом человека. Завидев меня, незнакомец встал, снял огромную соломенную шляпу и протянул мне руку, здороваясь.

— Дорогой сэра,— сказал он на отличном английском языке,— позвольте приветствовать вас в Мериаде, хотя эта задержка, несомненно, раздражает вас. Меня зовут Мен-тон, Джеймс Ментон, а вы, очевидно, мистер Даррелл?

Я признался, что это так, с удивлением разглядывая его. Каштановые с проседью волосы джентльмена были заплетены в косички, которые спадали до самых ягодиц, где были связаны вместе кожаным ремешком, украшенным синим камнем. Огромные усы, борода и брови не были знакомы, насколько я мог судить, с ножницами, однако отличались безупречной чистотой. Большие зеленые глаза беспокойно бегали, и весь он как-то странно подрагивал, напрашиваясь на сравнение с притаившимся в кустах возбужденным хищником.

— Так вот, дружище,— продолжал он,— я поспешил сюда, на «Долорес», как только услышал, что вы находитесь на борту, чтобы пригласить вас к себе. Я знаю, что такое эти речные пароходы — жуткая вонь, кругом машинное масло, грязь, никаких удобств, а пища такая, словно ее отвергли обитатели ближайшего свинарника. Я верно говорю?

Я вынужден был согласиться с ним. Мой пароход вполне соответствовал, а в чем-то даже превосходил его описание.

— Итак,— он показал рукой,— вон за теми деревьями находится мой дом. Чудесная веранда, восхитительные старомодные вентиляторы, похожие на голландские ветряные мельницы, сетки от насекомых, престарелая немецкая служанка, которая бесподобно готовит, а еще, дружище, самые удобные в мире гамаки, привезенные лично мной из Гайаны. Нигде не спится так, как в них, уж вы мне поверьте.

— Вы рассказываете так, что невозможно устоять,— улыбнулся я.

— Однако должен сразу признаться.— Он поднял дрожащую руку.— Мое желание видеть вас своим гостем продиктовано эгоистичными мотивами. Понимаете, здесь совершенно не с кем общаться, я говорю о настоящем общении. Люди извне тут не задерживаются. Невольно чувствуешь себя одиоко.

Я поглядел на полуразрушенный причал, на покрытую нефтяной пленкой воду, в которой плавали банки из-под пива и еще более отвратительный мусор, на тощих псов, рыскающих по берегу в поисках добычи. По пути на рынок я уже насмотрелся на обветшалые постройки и населяющих городок оборванцев.

— Да уж, вряд ли сюда манит туристов,— сказал я.— С удовольствием приму ваше приглашение, мистер Ментон.

— О, просто Джеймс, умоляю! — воскликнул он.

— Но в пять часов я должен вернуться на пароход, чтобы покормить животных.

— Животных?

— Ну да, я ловлю животных для зоопарков в Европе. У меня здесь в трюме куча зверей.

— Поразительно, какое необычное занятие! — восхитился он.

Учитывая то, что он поведал мне позднее, такая его реакция представляется мне странной...

— Пойду соберу кое-какие вещи,— сказал я.— Я быстро.

— Позвольте спросить,— поспешно осведомился он, — мне очень неловко, но у вас случайно нет виски! Понимаете, я неосмотрительно израсходовал свой запас, и в местном магазине виски кончилось, так что пополнение прибудет только с пароходом на следующей неделе. Знаю, это звучит ужасно...

Он не договорил.

— Ничего, ничего,— ответил я.— Представьте себе, именно здесь, в Парагвае, я обнаружил совсем неплохое виски с неожиданным названием «Денди Динмонт». Очень мягкий вкус. Везу шесть ящиков для друзей в Аргентине, потому что зелье под названием «Старый контрабандист», которым торгуют в Буэнос-Айресе, годится только очищать от ржавчины старую посуду. Я захвачу «Денди», скажете свое мнение.

— О, вы слишком любезны. Сейчас приведу пару индейцев, чтобы помогли нести ваши вещи,— сказал он и, дергаясь пуще прежнего под своим волосяным покровом, заковылял на берег.

Собрав кое-какое имущество, которое могло пригодиться, пока буду гостить у Джеймса Ментона, я вытащил из-под койки один из шести ящиков с «Динмонтом» и вручил их улыбающимся индейцам, ожидавшим у входа в мою крохотную грязную каюту. Как только они вышли на палубу, Джеймс ужасно засуетился. Было очевидно, что больше всего его заботит сохранность виски, он наставлял носильщиков поосторожней обращаться с «ящиком сеньора», как будто речь шла о чаше со святой водой. Всю дорогу до его дома он донимал своими указаниями гибких индейцев, которые уверенно шагали, неся на плечах божественный нектар.

— Осторожно, не споткнитесь об этот корень... А сейчас будет скользкий участок... Осторожно, ветка...

Смотрите — бревно...— твердил он, дергаясь всем телом, пока мы не поднялись по ступенькам на деревянную веранду, где носильщики благополучно спустили ящик на стол.

Дом Джеймса Ментона представлял собой обшитое досками двухэтажное строение с огромными окнами, снабженными ставнями, и с упомянутой верандой вдоль всего первого этажа. Для страховки от капризов реки Парана дом опирался на толстые деревянные сваи трехметровой высоты. В саду (если слово это годится для описания зарослей перед домом) росли манго, авокадо, апельсины и локва, за которыми можно было рассмотреть поблескивающие струи Параны.

— А теперь,— произнес Джеймс, и голос его дрожал не меньше, чем руки,— совершим небольшое возлияние — с вашего разрешения, конечно. Тост в честь вашего прибытия.

С этими словами он вскрыл ящик и извлек бутылку, причем руки его дрожали так, что казалось — он сейчас выронит ее. Я осторожно разжал его пальцы и забрал бутылку.

— Странно,— сказал я,— они даже изобразили на наклейке терьера денди динмонт. Интересно, почему выбрали такую малоизвестную породу?

Я поставил бутылку на стол рядом с ящиком; хозяин дома глядел на нее как замороженный, потом вдруг вздрогнул, словно очнулся от сна.

— Анна! — крикнул он.— Анна, неси стаканы!

Из комнат донеслось какое-то бормотание, затем появилась, неся поднос с двумя стаканами, коренастая женщина с собранными в пучок седыми волосами, из которых торчал лес шпилек. Ей можно было дать и сорок, и девяносто лет; суровое лицо и холодный взгляд давали повод заключить, что часть жизни она провела в качестве надзирательницы в каком-нибудь из наименее приятных концлагерей. Анна внимательно посмотрела

на бутылку с виски и на ящик, откуда бутылка была извлечена.

— Не забывайте, что говорит герр доктор,— произнесла она зловещим тоном.

— Полно, Анна,— одернул ее Джеймс.— Мистеру Дарреллу вовсе не интересно слушать всякий вздор.

Анна с ворчанием удалилась, а Джеймс свинтил с бутылки колпачок и, лихо жонглируя — причем в один момент мне показалось, что сейчас он разобьет оба стакана горлышком бутылки,— налил умеренную порцию мне и почти полный стакан себе. Я обратил внимание на то, что он левша,— факт, который неизменно озадачивает вас, когда вы видите, что человек пишет или наливает что-то «не той рукой».

— Никогда не разбавляю содовой,— сообщил он виноватым тоном.— Только портит вкус. Ну так добро пожаловать!

Я еще только поднес стакан к губам, а он уже опорожнил свой в три приема. Доковылял до кресла и упал в него, весь дрожа. Виски явно распускало его нервы, как вы распускаете старое вязание.

— Всегда говорю, что первый вечерний стакан — самый лучший,— сказал он, силясь улыбнуться со стучащими зубами.

— Согласен,— отозвался я, воздержавшись от уточнения, что еще только пять часов и до захода солнца далеко.— А сейчас пойду-ка я покормлю своих зверей и уложу их спать, а потом буду совсем свободен.

— Отлично, отлично,— рассеянно произнес хозяин, глядя не на меня, а на бутылку.

Мои подопечные, каждый по-своему, осудили меня, осыпали бранью, отчитали и отругали за то, что я на пять минут опоздал с кормлением. Впрочем, мало-помалу яростная критика бессердечного хозяина сменилась удовлетворенной работой челюстей, жующих мясо и фрукты и разгрызающих орехи.

Шагая обратно к дому вдоль берега и любуясь вилохвостыми мухоловками, которые гонялись за насекомыми, оправдывая свое название, я обратил внимание, что в небе по ту сторону реки собирается гроза. Огромные кучевые облака, черные, пурпурные и серо-голубые, точно персидские кошки, с белыми и желтыми когтями молний плыли в нашу сторону. Издалека доносились зловещие глухие раскаты грома.

— Погодите, мистер Даррелл, минутку! — окликнул меня чей-то голос.

Догоняя меня, по дорожке семенил приземистый человек с пухлым лицом, на котором выделялись усы с проседью и пронизывающие карие глаза. На нем был не первой чистоты мятый полотняный костюм, в руке он держал черную сумку, из одного кармана свисала, точно кишка, часть стетоскопа. Не надо было слыть гением дедукции, чтобы распознать в нем врача.

— Доктор Ларкин,— представился коротыш, пожимая мне руку.— Официально состою на службе в фирме «Таннин компани», но сверх того иногда оказываю помощь этим беднягам индейцам. Чертовы парагвайцы, чье высокомерие основано лишь на том, что в их праздных жилах течет капля-другая испанской крови, отвратительно обращаются с индейцами. Тогда как индейцы — соль земли. Извините, что задерживаю, хотел только спросить, как себя чувствует Джеймс. Не видел его дня два, был слишком занят. Надеюсь, он в полном порядке?

— Что ж,— рассудительно произнес я,— если способность за тридцать секунд выпить стакан виски считать полным порядком...

— Черт возьми! — взорвался доктор Ларкин.— Кто дал ему это проклятое зелье? Я же всех здесь предупредил, чтобы не давали ему ни капли. Ни капли! Мне только-только удалось вывести его из запоя.

— Боюсь, преступник перед вами,— сокрушенно признался я.— Я не подозревал, что Джеймс алкоголик, и когда он пригласил меня остановиться у него, то заметил, что у него не осталось виски, а я кое-что припас для друзей в Буэнос-Айресе, вот и отдал ему ящик.

— Господи! Целый ящик! — воскликнул Ларкин.— После предыдущего запоя один Бог знает, что ему теперь станет мерещиться! Розовые слоны — пустяк перед тем, что было, когда я им занялся.

— Весьма сожалею,— сказал я.

— Я вас не виню. Вы совершили естественный добрый поступок. Об одном прошу: постарайтесь забрать остальные бутылки или хотя бы часть. Поверьте мне, хитрость этих типов не знает предела, когда они доходят до такой стадии. Мне туда нечего появляться вместе с вами. Красная тряпка для быка... Держите, вот моя визитная карточка, звоните, если что-то не заладится. Понимаете, у него бывают ужасные галлюцинации, но вы не обращайтесь к нему. Он станет пичкать вас всякими рассказами, так вы только поддакивайте, делайте вид, что всему верите. А я попробую заглянуть завтра, идет?

— Отлично, и простите, что я сорвал ваше лечение.

— Всех их не спасешь,— улыбнулся он и зашагал по своим делам.

Когда я вошел на веранду, Джеймс уже успел надраться. Бутылка была почти пуста, на донышке осталась самая малость. На столе стоял древний патефон, рядом с ним лежали старые пластинки. Было что-то жуткое в том, что он слушал не что-нибудь, а «Раскаяние мисс Отис» в исполнении братьев Миллз.

— Дружище,— сказал Джеймс, поспешно наливая себе виски.— Дружище, управился со своими делами? Эта бутылка, похоже, пуста, не откупорить ли другую, а? Поехали!

Его руки уже не так дрожали, когда он налил нам обоим нормальную порцию.

С каждым часом Ментон все больше пьянел. Он почти не прикоснулся к превосходному обеду, приготовленному Анной, лишь сидел понуро у стола, сжимая в руке стакан и посматривая на бутылку.

— Скажи,— спросил я просто так, чтобы разговорить его,— как ты заполучил такой роскошный дом?

— Дом? Этот? Наследство. От тетушки. Дом и деньги на расходы, с тем чтобы я никогда больше не показывался в доброй старой Англии. Ей, видишь ли, не нравилась моя репутация. Не скажу, чтобы тогда она нравилась мне самому.

Он глотнул виски.

— Как по-твоему, чем я тогда занимался? Угадай! — посмотрел он на меня с хитринкой в своих зеленых глазах.

— Затрудняюсь сразу так определить,— ответил я.— Ты явно получил хорошее образование. Служил в Сити, предположим, или работал учителем, или находился на государственной службе...

— Что ж, ты почти угадал.— Он пьяно усмехнулся.— На государственной службе, это точно. Но учителем был. Особого рода. Ну, напрягись!

— Понятия не имею. В области просвещения столько разных должностей.

— Просвещения — хорошо сказано! Нет, мальчик мой, я учил убивать. Убивать профессионально,— добавил он, наливая себе почти полный стакан.

— Ты хочешь сказать, что обучал десантников, или морских пехотинцев, или еще кого-нибудь в этом роде?

Мне стало малость не по себе, хотелось скорее вернуться на пароход, в свою маленькую вонючую каюту.

— К черту десантников,— сказал он, глотая виски.— Нет, дружище, я учил вешать людей.

Ментон вдруг резко наклонил голову набок, весьма реалистично изображая висельника.

— Да-да, вот чему я учил. Учил завязывать узел, который творит чудеса. Узел — вот в чем суть. Узел, быстро отправляющий человека в вечность. Узел, причиняющий меньше хлопот, чем брачные узы.

— Ты хочешь сказать, что официально служил палачом?

— Не то чтобы служил — я был разъездным палачом. Разумеется, сам прошел обучение в Англии. Там мне приходилось в основном наблюдать и усваивать приемы. Это ведь настоящее искусство — сломать позвонки человеку так, чтобы он не страдал, понимаешь? Тут и без математики не обходится, понял? Для того чтобы человек падал прямо вниз, необходимо учитывать его рост, вес, толщину шеи. Настоящее искусство, как я тебе сказал.

Он смолк, весь передернулся и допил залпом виски.

— Вся беда в том,— продолжал Ментон срывающимся голосом,— что эти ублюдки не желают оставаться мертвыми. Не хотят отстать от меня. Какого черта не остаются там, где очутились, зачем возвращаются и безобразничают? Они же были осуждены, черт бы их побрал.

Зеленые глаза Джеймса наполнились слезами, которые поглощались его усами и бородой, как снежинки болотной травой.

— Почему не хотят оставить меня в покое? — спросил он меня с отчаянием в голосе.— Я ведь только выполнял мою работу.

— Ты хочешь сказать, что они тебе снятся?

— Снятся? Черта с два. Если бы они снились, док Ларкин выдал бы мне снадобье, от которого ты сразу отключаешься и не видишь никаких проклятых снов. Лучше бы снились, тогда док излечил бы меня.

— Значит, ты... э... как бы видишь их наяву?

Я не стал употреблять слово «галлюцинация», опасаясь обидеть его.

— Лучше я тебе все расскажу. Как я уже говорил, прошел обучение в конце войны. Мы тогда вздернули нескольких человек, и я, прости за выражение, набил себе руку. Так вот, сразу после войны набралось, естественно, немало кандидатов на виселицу, а в большинстве стран, сам понимаешь, таких, как Новая Гвинея, некоторые африканские страны, Малайзия, даже в Австралии, если взять Брисбен, не было своих палачей. Я говорю о настоящих палачах, высококвалифицированных, понимаешь? Ну, и стали меня посылать в командировки, и я вздергивал их пачками, когда накапливались кандидаты. А заодно обучал этому делу кого-нибудь из местных парней. Я был, так сказать, разъездным профессором смерти.

Он издал странный, отрывистый смешок, и еще несколько слезинок скатились по его щекам и растворились в усах. Наполнив свой стакан, он смерил взглядом, сколько еще осталось в бутылке.

— И вот однажды меня направили в один из городов Малайзии. Местная тюрьма была перенаселена, поэтому смертника перевезли в деревенское узилище, километрах в сорока от того города. Сам понимаешь, что это была за кутузка — шесть грязных камер, сержант и двое рядовых в охране. Сержант был парень ничего, только порядочный разгильдяй. Рядовые, как обычно, с тупыми рожами и еще более тупыми мозгами. В конце концов я установил виселицу как положено. Настал день казни. Я поднялся на рассвете, еще раз проверил виселицу и обнаружил, что сержант лежит мертвецки пьяный в постели с такой же пьяной шестнадцатилетней девчонкой. Разбудил рядовых, они, слава Богу, были трезвые, привели заключенного к виселице, я приготовил его и, как это заведено, спросил, хочет ли он что-нибудь сказать. Он, само

собой, говорил только по-малайски, но один из рядовых кое-как перевел его ответ на английский. Сказал, дескать, тот человек утверждает, что он невиновен. Сам знаешь, большинство из них так говорит, так что я надел ему на голову колпак и проводил на тот свет. Раз-два — и готово.

Ментон опустил голову на лежащие на столе руки, и я увидел, как плечи его вздрогнули. Потом он поднял залитое слезами лицо и уставился на меня.

— Я не того повесил,— сказал он.

— Господи! — в ужасе воскликнул я.— И что ты сделал?

— А что я мог сделать? Я видел смертника через глазок в камере городской тюрьмы. Получил данные о его весе и росте, естественно, выяснил толщину шеи, форму головы — все, что было важно для меня. Но, черт возьми, как отличить одного язычника от другого, они все для меня были на одно лицо. А чертов сержант слишком надрался, чтобы сориентировать меня, его подчиненные вообще ничего не соображали.

— А бедняга не сопротивлялся, не кричал?

— Да нет, там в этих странах к смерти относятся очень спокойно.

Он налил себе еще стакан. «Интересно,— подумал я, — сколько бутылок осталось?»

— Можешь представить себе, какой шум поднялся, когда об этом случае стало известно. Заголовки в мировой печати: «Зверский палач», «Человек, убивающий ради собственного удовольствия», «Бессердечный кат», «Беспечный убийца» и так далее. Странно, что ты их не видел.

— Я находился в Африке, далековато от цивилизованного мира,— сообщил я; можно было добавить, что в то время я, скорее всего, базировался в деревне в шестидесяти километрах от ближайшего

шоссе и нам не доставляли по утрам лондонскую «Таймс».

— В общем, на этом кончилась моя карьера. Разумеется, было проведено официальное расследование, мне приписали преступную халатность. Дескать, я должен был дожидаться, когда сержант протрезвеет. А как я мог ждать? У меня был билет на самолет, командировка в другую страну. На мне висели другие кандидаты, что я мог поделаться? — не очень вразумительно продолжал Ментон.— В общем, меня выгнали в три шеи. Моя тетушка, один из столпов церкви, была, разумеется, в ужасе. Выделила мне средства и отправила сюда. Это уже тогда началось, но я думал, черт подери, Парагвай так далеко, что сюда они за мной не последуют.

— Кто не последует? — спросил я озадаченно.

Он посмотрел на меня, и глаза его опять наполнились слезами.

— Да эти лица,— всхлипнул он.— Их чертовы лица.

Я промолчал, давая ему время взять себя в руки.

— Понимаешь, все началось однажды, когда я брился перед зеркалом. Гляжу — одна половина лица расплывается, будто не в фокусе. Ладно, пошел к своему лекарю, он направил меня к глазнику. Глазник ничего не нашел. А туман все сильнее, уже все лицо стало расплываться, я не мог толком бриться. И вдруг в один прекрасный день смотрю в зеркало и вижу не себя, а лицо О'Мары, первого, кого я повесил, это было где-то в Нигерии, он свою жену разрезал ножом на куски. Я так удивился, что продолжал таращиться на зеркало, и тут О'Мара ухмыльнулся, наклонил набок голову с высунутым языком, выпрямился, снова ухмыльнулся, подмигнул и пропал. Я решил, что это виски виновато. Ты, возможно, заметил, что я не прочь пропустить стаканчик-другой. Ладно, я принимаюсь бриться, в ту же минуту мое отражение расплывается и

возникает лицо Дженкинса. Боже, как он глядел на меня!.. Со страха я выронил бритву. Дженкинса сменил Ю Линь, Ю Линя — Томсон, Томсона — Ранжит Синг и так далее. Всего я насчитал двенадцать рож. Помню, меня вырвало там в ванной и бросило в дрожь, как от малярии. Я понимал, что моему врачу об этом нельзя рассказывать, он в два счета отправит меня в психушку. Подумал, может быть, зеркало виновато, пошел и купил другое. Утром следующего дня они нашли его. Купил третье — та же история. Может, все дело в форме или размерах зеркала? Я потратил на них уйму денег — никакого проку, эти чертовы лица всюду возникали. Вот почему,— сказал Ментон, щупая свое лицо,— я так оброс.

— Но парикмахер...— начал я.

— Нет-нет,— перебил он меня.— Когда я вешал своего первого смертника, коснулся пальцами его шеи. Она была такая мягкая, теплая, бархатистая... Помню, я подумал: «Через тридцать секунд позвонки будут сломаны, и через несколько часов эта шея будет уже не теплая и бархатистая, а холодная, как баранина». Понимаешь, эта мысль почему-то потрясла меня. Здорово потрясла. С тех пор я не выношу, когда люди касаются моей шеи, моего горла. Мне делается не по себе. Глупо, конечно, но никуда не денешься. Какие там парикмахеры... Но ты поверил мне — поверил в то, что я рассказывал про зеркала?

— Конечно, поверил,— постарался я ответить возможно убедительнее.— Ты явно видел что-то, что тебя пугало.

Он снова наполнил свой стакан, потом поглядел на часы:

— Сегодня состоится заседание совета, хочу раз навсегда разобраться с этим делом. Мне нельзя опаздывать. И я должен быть трезвым. Они

хитроумные, как Макиавелли. Но у нас есть еще немного времени. Пошли покажу тебе кое-что.

Неся стакан с виски так осторожно, будто это была капельница, он завел меня в коридор, куда выходили две огромные двойные двери. Ментон отпер их, распахнул и включил яркий свет, исходивший из огромной люстры в центре потолка. Передо мной была большая комната, длиной около двенадцати, шириной около шести метров, и во всю ее длину протянулся великолепный отполированный стол из розового дерева. По бокам стола размещались двенадцать кресел, по шести с каждой стороны, а в дальнем конце стояло тринадцатое — массивное, резное, из розового дерева, с толстыми подлокотниками. На стене за ним висело гигантское зеркало в золотой раме, отражающее стол, стулья и люстру над ними. Замечательная комната, но больше всего меня поразило обилие зеркал самой разной формы и величины, от высоких продолговатых до предназначенных для ванной комнаты и совсем маленьких, из женских пудрениц. Круглые, овальные, квадратные, даже треугольные зеркала, одни в резных рамах, другие в простеньких деревянных, третьи в голой хромированной стали. Лишь одна черта объединяла все зеркала — каждое было прибито к стене толстым железным гвоздем, от шляпки которого расходились лучами трещины.

— Видишь? — сказал Джеймс, слегка покачиваясь и показывая рукой на зеркала.— Вон сколько перебрал. Все равно пролезают, точно крысы в стог сена. Кто верит, что разбитое зеркало приносит несчастье, для того тут на стенах тысяча лет невезения. Ха! Мое несчастье постигло меня до того, как я их разбил.

Он удивленно посмотрел на свой пустой стакан, потом поглядел на часы.

— Пошли выпьем еще,— позвал он меня.— У меня еще вагон времени.

Тут я заметил, что перед каждым креслом, вплотную придвинутым к столу, кроме тринадцатого, на столешнице помещена карточка с напечатанной фамилией. Испытывая смутное предчувствие, я успел, прежде чем он погасил свет, прочесть некоторые: О'Мара, Ранжит Синг, Дженкинс — это все были люди, которых он, по его словам, казнил. Джеймс говорил про заседание совета, мне же увиденное напомнило скорее комнату для членов суда присяжных. Суда в составе двенадцати покойников... Я содрогнулся; хоть бы он не предложил мне присутствовать на заседании в роли наблюдателя...

Ментон тщательно закрыл двойные двери, и мы вышли на веранду. Гроза нависла прямо над нами, сияясь истребить весь дом, обрушивая на него громовые раскаты, царапая когтями молний желоба, так что из них сыпались искры, плюясь дождем, который барабанил по крыше, заглушая кваканье лягушек. Нам с Джеймсом приходилось чуть ли не кричать, чтобы слышать друг друга.

— Пройдет,— заметил Ментон, наливая нам виски.— Эти грозы ненадолго.

Однако гроза не хотела униматься. Тучи застыли над нами, будто прикованные, словно знали, что здесь произойдет нечто жуткое, и желали участвовать в этом. Так кошка, припав к полу, следит за полумертвой мышью, ожидая, когда та шевельнется.

Джеймс поглядел на часы.

— Мне пора!— крикнул он.— Извини, но это важное заседание. Ты ведь знаешь, куда отнесли твои вещи? Так вот, если мы станем очень шуметь, постучи по полу. Впрочем, ты вряд ли нас услышишь при таком грохоте.

Он поднялся, с виду совершенно трезвый, самый любезный хозяин на свете.

— Еще раз извини, но, сам понимаешь, мне очень важно разобраться с этим делом.

— Конечно, понимаю,— отозвался я.

Джеймс Ментон возвратился в таинственную комнату с множеством разбитых зеркал, а я поднялся в отведенную мне обитель, где висел огромный гайанский гамак. На нем лежало сложенное вчетверо одеяло из шерсти викунии, мягкое и легкое, как паутина, теплое, как печка. Раздевшись, я закутался в него, тихо вышел и присел на лестничной площадке. Гроза еще раз попыталась пропороть молнией дом, и после очередного раската грома я услышал голос Ментона:

— Поймите, я ведь состоял на государственной службе, был служителем правосудия. Не я вынес вам приговор, Дженкинс, это сделали присяжные и судьи... почему бы вам не тиранить их... Потому что я вас казнил? Но неужели вы не понимаете, мне платили за то, чтобы я вас вешал... вы были виновны... Да-да, виновны, черт возьми, ее тело нашли в багажнике вашей машины, на ноже обнаружили отпечатки ваших пальцев, на вашей одежде была ее кровь... косвенные доказательства, черт бы их взял. Нет, я никому не сказал, что вы обгадились перед тем, как я вас вздернул. Так что не говорите...

Новый раскат грома длился так долго, что я не расслышал конец фразы. Когда же он стих, до моего слуха донеслось звяканье бутылки о стакан. Других голосов не было, только хозяина дома.

— Тебе отлично известно, Ю Линь, это был несчастный случай. Я полчаса разглядывал тебя через глазок, но ты сидел на полу, скорчившись, и я не видел, что у тебя такая тонкая шея. Пойми, профессионал вешает так, что голова не отрывается... Знаю, что это было для тебя бесчестьем...

Удар грома, скрежет и лязг — молния сшибла одну из водосточных труб.

Около двух часов сидел я на лестничной площадке, слушая, как Ментон спорит со своими жертвами под сотрясающие дом раскаты грома, от которых я чувствовал себя так, будто превратился в игральную кость в пластмассовом стакане. Один раз тихонько спустился на веранду и налил себе виски, после чего вернулся наверх, продолжая слушать.

— Хорошо! Хорошо! — прокричал он наконец.— Десять минут так десять — на вынесение приговора. А я за это время выпью и обдумаю свой приговор.

Я отступил назад, а он быстро вышел из комнаты вниз, закрыл двери и выбежал по коридору на веранду. Присоединиться к нему, сославшись на бессонницу? Не стоит, сказал я себе, услышав, как он наливает виски и принимается ходить взад-вперед, что-то бормоча.

Гроза как будто удалилась, только дождь дробно стучал по стенам дома да изредка поблескивали золотистые молнии. Внезапно Джеймс Ментон вновь появился в коридоре, сжимая в руке неразлучный стакан. Ворвался в комнату, встреченный ярким светом, и захлопнул двойную дверь.

— Ну, джентльмены, если можно вас так называть, вы обдумали свое решение?

Я шагнул вперед, чтобы лучше слышать, в ту же минуту сидевшая в засаде гроза обрушила на дом удар грома, превосходящий силой все предыдущие. Когда он стих, я услышал голос Ментона:

— Так вот каков ваш приговор? Ладно, я скажу, что думаю о вас, кровавая шайка. Вы получили то, что заслужили. У вас мозги — как у малолетних недоумков. Вас непременно следовало убить, и я рад, черт возьми, что мне поручили вас вздернуть. Я горжусь, слышите, горжусь, что освободил мир от такого отребья...

Новый раскат грома заглушил его тираду.

— Не восстанавливай их против себя, болван,— услышал я собственный голос. Как будто его воображаемые присяжные существовали во плоти...

Гром не унимался, и голоса Ментона больше не было слышно. Потом до моего слуха донесся храп, я решил, что виски сделало свое дело и Джеймс уснул за столом, и сам улегся на гамак. Должен, однако, признаться, что спалось мне плохо.

Проснувшись утром, я тотчас прошел в спальню Джеймса. Его гамак висел наподобие огромного белого стручка, лишенного семян. Тогда я спустился в темный коридор и постучал в двойные двери:

— Джеймс! Это я, Джерри. Можно войти?

Никакого ответа. Я потрогал ручку, дверь была заперта. Нажал на нее плечом — кажется, не слишком крепкая... Отступив на шаг, ударил каблуком по замочной скважине. Со второго удара дверь распахнулась, и меня ослепил свет включенной люстры. Я вошел, осмотрелся. В огромном зеркале в дальнем конце помещения увидел отражение полированной столешницы с карточками, кресла по бокам стола. А на месте тринадцатого кресла — висящее на привязанной к потолочной балке веревке тело Джеймса Ментона. Жуткая картина... Его кресло лежало на боку подле стола. Видимо, он поставил его (или кто-то другой поставил?) на стол, укрепил наверху веревку, надел петлю на шею и выбил пинком кресло у себя из-под ног (или кто-то другой выбил?). Было видно, что он мертв; тем не менее я считал своим долгом снять его, сходил на кухню и нашел там острый нож.

Поднатужившись, я поднял на стол тяжелое кресло. Вблизи покойник выглядел еще менее привлекательно, не говоря уже об отвратительном запахе испражнений. На бороде и усах запеклась вытекшая из носа кровь. Пришлось приподнять его, чтобы перерезать веревку, и в лицо мне пахнуло таким перегаром, что меня чуть не

стошнило. При этом кресло подо мной скользнуло по гладкой столешнице, точно камень по льду, и я шлепнулся на пол в обнимку с мертвым телом. На беду, я очутился сверху, от моего веса из Джеймса вышла с противным бульканьем еще порция кала; к тому же петля вокруг шеи ослабла и изо рта покойника вырвалось зловонное дыхание. Я вскочил на ноги и выбежал на кухню, где меня вывернуло наизнанку.

Поразмыслив, я решил, что лучше всего позвонить доктору Ларкину. Он почти сразу взял трубку, хотя еще только-только рассвело.

— Си, докторио Ларкин. Куэн хабла?

— Это я, Джерри.

— Что там натворил Джеймс?

— Вчера вечером у него были жуткие галлюцинации, и утром я обнаружил его повешенным.

— В том смысле, что он повесился сам? — настороженно спросил Ларкин.

— Э... да, полагаю, что сам. Я снял его. Он мертв. Узел помещался под правым ухом, так что он скорее задохнулся, чем сломал позвонки.

— Узел не на месте?.. А еще называл себя опытным палачом.

— Так ведь он был совсем пьян, к тому же левша,— объяснил я, сам продолжая себя спрашивать, кто мог сделать так, что Ментона постигла самая мучительная смерть.

— Послушай,— сказал Ларкин,— живо убирайся оттуда. Собери вещи и возвращайся на «Долорес». Я слышал, пароход отчаливает через час. Не дожидайся, чтобы тебя арестовали.

— Арестовали — за что, помилуй Бог?

— В Парагвае для ареста гринго всегда найдется повод. Тебе хочется до конца года торчать в тюрьме, пока кучка местных законников будет разбираться с тобой?

— Нет,— твердо ответил я.

— Ну так делай, как я сказал,— собери вещи и дуй на пароход. Я сейчас приду и доложу в полицию, что сам вынул его из петли. Олл райт?

— Олл райт,— отозвался я.

— Да, послушай, Даррелл, случаем там не осталось виски?

— Две бутылки чудом уцелели.

— Оставь их на столе на веранде, если можно.

— Твой гонорар? — поинтересовался я.

— Нет, это для начальника полиции. Прощай.— Он бросил трубку.

Я живо собрал свой нехитрый скарб, сбежал по лестнице и с удивлением увидел ожидающего внизу улыбающегося индейца.

— Капитане... пароход... гудбай,— сказал он.

Я вручил ему вещи и жестом показал, чтобы он шел вперед. Хотелось проверить еще одну вещь, которую я успел заметить мельком. Войдя снова в большую комнату, где лежало на полу опухшее, обезображенное тело бедняги Джеймса Ментона, я поглядел на стол и с легким содроганием увидел, что не ошибался. Все двенадцать кресел были повернуты так, будто сидевшие в них люди хотели лучше видеть. Видеть что? Казнь?..



Глава 7.

Платья мисс Бут- Уичерли



О платьях мисс Бут-Уичерли и о смятении, которое они вызвали в умах самых разных представителей рода человеческого, от селян Сан-Себастьяна до членов ордена сестер-благотворительниц и крупье в казино Монте-Карло, мне стало известно только потому, что я был знаком с мисс Бут-Уичерли.

Когда я каждый год отправляюсь на юг Франции, чтобы в моем маленьком доме там предаться творчеству, непременно делаю крюк и останавливаюсь на несколько дней в Монте-Карло у моих друзей Жана и Мелани Шульц. Жан — ушедший на покой швейцарский банкир, человек состоятельный, обладатель бандитских усов и жуликоватых голубых глаз; Мелани — прелестная молодая американка, одна из тех стройных особ, чьи длинные темные волосы и чеканный профиль заставляют молодых мужчин таращиться с открытым ртом. Я очень привязался к ним и только поэтому с крайней неохотой согласился, когда они однажды

вечером предложили мне составить им компанию в казино.

Я не игрок. Очень рано узнал, что для успеха в игре человек должен обладать особой кармой. Если я поставлю на лошадь или на собаку, они тотчас заболевают: первая — ящуром, вторая — бешенством. Поставлю в рулетке на черное — будет выходить с некой маоистской злокозненностью только красное. На горьком опыте убедился — стоит мне побиться с кем-то об заклад, что небо синее, как оно немедленно покроется черными грозowymi тучами. Придя к выводу, что природой я не создан для игры, вел себя соответственно. Мои друзья были свободны от подобных тормозов, а потому радостно принялись пускать кровь своим банковским счетам.

Предоставленный самому себе, я ходил по залу, наблюдая игроков, замечательное собрание индивидов — от маленькой горбуни, похожей на цыганку, до стройной блондинки, словно сошедшей со страниц журнала «Вог», от негра во фраке с непроницаемым лицом статуи до чудовищного толстяка, по красному лицу и прерывистому дыханию которого было видно, что он, скорее всего, тут и умрет за игровым столом. Но даже в такой необычной коллекции мне сразу бросилась в глаза мисс Бут-Уичерли.

Ее лицо покрывала сетка морщин, напоминающая рельефную карту дельты какой-нибудь из великих рек; кожа на шее свисала складками наподобие штор. Нос у этой маленькой хрупкой женщины был внушительный, изогнутый, как орлиный клюв, мутноватые глаза — водянисто-голубые, точно бледный барвинок, и в левый глаз был вставлен монокль на длинной выцветшей ленточке. Меня поразило одеяние мисс Бут-Уичерли, явно придуманное в самом начале двадцатых годов. На ней было платье из малинового бархата, с фигурными золотыми пуговицами и длинными рукавами. На голове

большая шляпа из того же материала, украшенная желтыми страусовыми перьями и мехом некоего животного, неизвестного науке. Тем же мехом были отделаны ворот, рукава и подол платья. На черепашьей шее висели несколько ниток разноцветных бус, а к той части платья, что предположительно скрывала бюст, была приколота большая роза из желтого сатина. Изумительные руки, будто вырезанные из хрупких сухих веток какого-то экзотического дерева, изящно манипулировали фишками. Веки были слегка тронуты тенями, скулы — румянами, губы намазаны помадой — но все в меру, не придавая даме сходства с престарелым клоуном. Обращенная к крупье улыбка обнажала ослепительно белую вставную челюсть.

Я прикинул, что ей за семьдесят, и был удивлен, узнав впоследствии, что мисс Бут-Уичерли исполнилось восемьдесят два года. Судя по ужасному французскому выговору, она была англичанка.

На столе перед ней лежал маленький блокнот, в котором она тщательно записывала выходявшие номера, очевидно играя по внушающей благоговейный ужас «системе». У большинства людей, одержимых страстью к игре (речь идет о болезни, подобной алкоголизму), разработана система, за которую они слепо цепляются. Тот факт, что система не срабатывает, роли не играет, она заменяет им талисман, и проку от нее примерно столько же. Они проиграют девятнадцать ставок из двадцати, но, выиграв двадцатую, сочтут свою систему безошибочной. Одержимого игрока можно сразу распознать. Фанатическим взглядом следит он, как шарик, издавая звук, подобный смертоносной пулеметной очереди, бежит по кругу, и лицо его хищно напрягается, когда тот замедляет свой бег и ложится в нумерованное гнездо. Из груди игрока вырывается продолжительный выдох, словно он только что

исполнил прекрасную музыкальную пьесу, и если ему повезло, он торжествующе улыбается, обводя сверкающим взором остальных игроков и бесстрастного крупье. Проиграв, спешит записать номер, чтобы совершенствовать свою систему, беззвучно шевеля губами.

Мисс Бут-Уичерли была настоящим одержимым игроком. Она писала в блокноте колонки цифр, расставляла рядами фишки, точно гвардейцев для атаки, и все время постукивала по ним наманикюренными ногтями. Ставки делала с видом человека, точно знающего, что непременно выиграет, после чего ввинчивала монокль покрепче, следя за фатальным бегом шарика и словно гипнотизируя вращающийся круг. Однако сегодня явно был не ее день, и на моих глазах ряды ее маленьких гвардейцев редели под огнем невезения, пока не пал и последний. Глядя на мисс Бут-Уичерли, я спрашивал себя — это свет виноват или мне чудится, что она становится бледнее с потерей каждой фишки; румяна на скулах выступали так, будто у нее началась лихорадка.

Элегантно встав из-за стола, она поклонилась крупье; он ответил бесстрастным поклоном. Когда она медленно направилась к выходу, я последовал за ней. В просторном холле с мраморными колоннами она вдруг качнулась и оперлась рукой на ближайшую колонну. К счастью, я был совсем рядом и живо подхватил ее под другую руку, такую мягкую и дряблую, что я ощутил тонкую и хрупкую, точно грифель, кость. Еще я уловил какой-то странный запах — не духи, но тем не менее что-то знакомое...

— Спасибо,— пробормотала она.— Вы так добры. Кажется, я обо что-то споткнулась, надо же.

— Посидите немного,— сказал я, ведя ее к резной кушетке.

Она с трудом добрела и упала на кушетку, точно небрежно брошенная кукла. Закрыв глаза, откинувшись назад, и на фоне молочно-белых морщин тени на веках, румяна и губная помада светились, как неоновая реклама. Монокль выпал из глаза на судорожно вздымающуюся грудь. Я пощупал ее пульс — слабый, но ровный. Остановил проходившего мимо официанта:

— Бренди для мадам, поскорей!

Официант поглядел на развалину в малиновом наряде, прибавил шагу и возвратился с похвальной быстротой, неся бокал с доброй порцией бренди.

— Глотните,— сказал я, садясь рядом со старой леди.— Вам сразу станет легче.

Она открыла глаза, нащупала монокль и с третьей попытки вставила его в глаз. Посмотрела на бокал с бренди, потом на меня.

— Молодой человек,— произнесла она, негодуя приосанившись,— я никогда не пью.

Я снова уловил в ее дыхании странный запах и на этот раз понял — денатурат. Старая леди была не только игроком, но и пьяницей.

— Обычно, мадам, я не посмел бы предложить вам крепкий напиток,— мягко произнес я,— но мне показалось, что вам дурно, должно быть, жара виновата, и я подумал, глоток бренди поможет, если принять его как лекарство.

Она воззрилась на меня через монокль, из-за которого один глаз казался больше другого, потом перевела взгляд на бокал:

— Если как лекарство — это другое дело. Мой папа всегда говорил, что глоточек бренди лучше всех врачей с Харли-стрит.

— Согласен,— горячо отозвался я.

Взяв у меня бокал, она жадно опустошила его, прокашлялась, извлекла откуда-то кружевной платочек и вытерла рот.

— Согревает...— Она закрыла глаза и откинулась на спину кушетки.— Хорошо согревает. Папочка был прав.

Я помолчал, ожидая, когда бренди подействует как следует. Наконец она открыла глаза.

— Молодой человек,— не очень внятно заговорила старая леди.— Вы были совершенно правы. Я чувствую себя несравненно лучше.

— Еще бокал?

— Даже не знаю,— осторожно молвила она.— Разве что самую малость.

Я подозвал жестом официанта, и он принес еще один бокал, чье содержимое исчезло с такой же волшебной быстротой.

— Мадам,— сказал я,— поскольку вам как будто нездоровится, может быть, вы разрешите мне проводить вас до дома?

Мне страшно хотелось узнать, где эти святые мощи пребывают в дневные часы. Она уставилась на меня:

— Мы знакомы?

— Увы, нет.

— Тогда ваше предложение неприлично. Просто неприлично.

— А если я представляюсь вам?— Что я и не замедлил сделать.

Она величественно наклонила голову и протянула мне хрупкую руку.

— Сюзанна Бут-Уичерли,— сообщила леди таким тоном, будто она была сама Клеопатра.

— Весьма польщен,— отозвался я и поцеловал ее руку.

— Что ж, вам не откажешь в воспитанности,— неохотно признала она.— Ладно, проводите меня, если это вас не затруднит.

Помочь мисс Бут-Уичерли спуститься из холла по длинной лестнице было далеко не просто, ибо два бренди хорошо подействовали, и если они несколько

связали ее ноги, то развязали язык, и чуть ли не на каждом шагу она останавливалась, чтобы поделиться своими воспоминаниями. Сделав три шага вниз по лестнице, мисс Бут-Уичерли вспомнила, как папочка впервые привез ее в Монте-Карло, когда мамочка умерла в 1904 году, и принялась во всех подробностях описывать окружавшее их общество. Женщины в дивных платьях, точно стаи пестрых попугаев, сверкающие драгоценностями так, что пират ослеп бы, глядя на них; красавцы мужчины, восхитительные женщины, таких теперь не увидишь. Когда она была молода, все было чудо как хорошо. Сойдя с лестницы, она вспомнила какого-то молодого красавца, покорившего ее сердце, который проиграл все свои деньги и застрелился, выйдя из зала. Напрасно застрелился, ведь ее папочка одолжил бы ему денег, и сколько хлопот причинил слугам, которым пришлось отмывать полы. Папочка говорил, что к людям из низших слоев общества всегда следует относиться с тактом и не загружать слуг излишней работой. Перед самым выходом она вспомнила, как в 1906 году в Монте приезжал король Эдуард и ее представили ему, он вел себя как истинный джентльмен. Поток воспоминаний продолжал литься на крыльце и на дворе, не прерывался он и в такси, которое доставило нас в одну из наименее приглядных частей Монте-Карло. Машина остановилась на дорожке между двумя высокими старыми домами с облупленной штукатуркой и посеребрившимися от яркого солнца ставнями.

— Ага, приехали,— сказала мисс Бут-Уичерли, вставляя в глаз монокль и обозревая непрезентабельную аллею.— Моя квартира на первом этаже, вон там, вторая дверь слева. Очень удобно.

Я извлек ее с некоторым трудом из такси и, попросив водителя подождать, довел до дверей по дорожке, где в жарком вечернем воздухе пахло

кошками, сточными водами и гнилыми овощами. У входа в свою квартиру мисс Бут-Уичерли снова ввинтила в глаз монокль и грациозно протянула мне руку:

— Вы были чрезвычайно добры, молодой человек, чрезвычайно. И мне доставило большое удовольствие побеседовать с вами. Большое удовольствие.

— Это я получил удовольствие,— совершенно искренне отозвался я.— Вы позволите мне завтра навестить вас, чтобы удостовериться, что вы совершенно оправились?

— Я никого не принимаю до пяти часов,— ответила она.

— В таком случае буду в пять, если позволите.

— Буду рада вас видеть,— сказала мисс Бут-Уичерли, отпуская меня кивком головы.

После чего отворила дверь, вошла в дом не совсем твердыми шагами и заперла за собой. Мне не хотелось оставлять ее — чего доброго, упадет и что-нибудь повредит. Однако эта своенравная старая леди вряд ли позволила бы мне раздеть ее и уложить в постель.

На другой день в пять часов, запасшись корзиной с фруктами и сыром, а также большим букетом цветов, я отправился в обитель мисс Бут-Уичерли. Постучавшись в дверь, услышал пронзительный лай. Вскоре дверь приоткрылась и в щелочку выглянула, сверкая моноклем, мисс Бут-Уичерли.

— Добрый вечер, мисс Бут-Уичерли,— поздоровался я.— Вот я и пришел, как мы договаривались.

Дверь открылась пошире, и я увидел, что хозяйка одета в потрясающую кружевную ночную рубашку. Она явно забыла про меня и наш уговор.

— Пойдите, молодой человек,— сказала она.— Я не ждала вас... э... так рано.

— Простите, но мне показалось, что вы назвали цифру «пять».

— Верно, а что, уже пять? Господи, как время летит, я только что прилегла отдохнуть.

— Извините, что побеспокоил. Может, мне прийти попозже?

— Нет-нет.— Она милостиво улыбнулась.— Если вы не против того, чтобы я принимала вас в ночном одеянии.

— Ваше общество в любом одеянии для меня великая честь,— галантно ответил я.

Она распахнула дверь, я вошел, и мне ударил в нос застоялый запах денатурата. Квартира мисс Бут-Уичерли состояла из одной большой комнаты, служащей и спальней и гостиной, и прилегающих к ней крохотных кухни и ванной. У дальней стены стояла огромная двуспальная кровать. По случаю жары на ней лежали только простыни, притом такие грязные, что казались черными. Виновник сидел посередине постели — такс, который грыз здоровенную кость, вымазанную кровью и опилками, и который злобно зарычал при виде меня. Все стены были сплошь покрыты старыми пожелтевшими фотографиями в золоченых рамках. У одной стены стояли два массивных дубовых шкафа, а между ними втиснулись стеллажи с поразительной коллекцией аккуратно надетой на колодки обуви. Тут было не меньше тридцати — сорока пар, от грубых башмаков до покрытых блестками вечерних лодочек. У противоположной стены были нагромождены почти до потолка большие кожаные чемоданы (какие в старые времена называли дорожными сундуками), похожие на пиратские сундуки с сокровищами, с выпуклой крышкой, украшенные магическими буквами «БУТ-УИЧЕРЛИ». В окружении этих предметов мебели с трудом разместились маленький стол и три плетеных стула.

— Эти фрукты и сыр мне так приглянулись, что я просто не мог не принести их вам,— сообщил я.— И

конечно, цветы хозяйке дома.

Она взяла своими хрупкими ручонками букет, и глаза ее вдруг наполнились слезами.

— Как давно мне не дарили цветов,— пролепетала старушка.

— Это потому, что вы ведете затворническую жизнь,— сказал я.— Если бы вы чаще выходили в свет, у ваших дверей стояла бы очередь мужчин с букетами, я бы не смог пробиться.

Она поглядела на меня, потом довольно рассмеялась:

— Ох и тип вы, как сказал бы мой папочка. Знаете, как польстить старой женщине.

— Ерунда,— бросил я.— Пятьдесят лет не старость, а больше я вам не дам.

Она снова рассмеялась:

— Давненько не видела я таких *галантных* молодых людей. Очень давно. А приятно. Вы начинаете мне нравиться.

— Очень рад,— искренне отозвался я.— Потому что вы мне уже нравитесь.

С этой минуты я стал другом и наперсником мисс Бут-Уичерли. У нее не было других друзей и не было родственников, немногие знакомые считали ее чокнутой или же у них не было ни времени, ни желания слушать ее бесконечные истории. Я же с увлечением слушал живые, полные сарказма рассказы о былых временах, когда британцы так властно ступали по планете и карты мира были по преимуществу окрашены в розовый цвет, подтверждая этот факт. То был мир, где прочно утвердились солидарность и элегантность, мир неисчерпаемых запасов всяких благ для людей состоятельных, мир, где простолюдины знали свое место, где хороший повар получал тридцать фунтов в год и один выходной в месяц. Мисс Бут-Уичерли возрождала для меня те далекие, неизменно солнечные

дни; это было все равно, как если бы вдруг заговорил динозавр. Я стал прилежно навещать ее, отбиваясь от такса Лулу (который всякий раз кусал меня за икры) и потчuya хозяйку фруктами, сыром и шоколадом, кои она просто обожала. Постепенно приучил ее пить бренди вместо денатурата, полагая, что это будет полезнее, если уж она совсем не может бросить пить. К тому же желаемый эффект достигался меньшим количеством бренди, чем денатурата. Поначалу она конечно же принимала бренди только как лекарство, однако вскоре сама стала смело предлагать выпить по рюмочке. Первое время она вообще не признавала бренди, тогда я придумал играть с ней в карты на бутылку. Если она выигрывала, бутылка доставалась ей; если проигрывала, мы вместе отмечали мою победу, и, уходя, я «забывал» бутылку. Во время нашей последней встречи за карточным столом (на другой день мне предстояло покинуть Францию) мисс Бут-Уичерли поведала мне, что она католичка.

— И очень дурная, боюсь,— призналась она.— Уже забыла, когда последний раз посещала мессу. Дело в том, что я считала себя недостойной, очень уж я дурная женщина во многих отношениях.

— Ни за что не поверю,— возразил я.— В моих глазах вы сама добродетель.

— Нет-нет. Вы далеко не все знаете обо мне, молодой человек. В свое время я натворила дел.

Она украдкой оглянулась, словно удостовераясь, что мы одни. Если не считать Лулу, который сидел на кровати, деловито грызя нечто напоминающее половину бараньей туши.

— Однажды я была любовницей женатого мужчины, — внезапно возвестила мисс Бут-Уичерли и выпрямилась на стуле, проверяя, как я воспринял эту новость.

— Bravo! — хладнокровно воскликнул я.— Бьюсь об заклад, он был счастлив с вами, везучий дьявол.

— Верно! Я сделала его счастливым!

— Вот видите — вы даровали человеку счастье.

— Да, но это было аморально,— заметила она.

— Счастье есть счастье, и мораль, на мой взгляд, тут ни при чем,— сказал я.

— Я забеременела от него,— сообщила она и быстро глотнула бренди для успокоения нервов после такого признания.

— Увы, и такое бывает,— осторожно заметил я.

— Но я совершила ужасный поступок, смертный грех,— прошептала она.— Я сделала аборт.

Я промолчал, не зная толком, что сказать на это. Она восприняла мое молчание как осуждение ее поступка.

— У меня не было другого выхода,— сказала мисс Бут-Уичерли.— Конечно, я знаю, теперь женщины делают аборты, как щелкают семечки, и им хоть бы что. Производят на свет незаконнорожденных детей, как куры яйца несут, и это вовсе не считается позором. Но когда я была девушкой, роман с *женатым мужчиной* почитали большим грехом, а родить ребенка вне брака или сделать аборт вообще было *немыслимо*.

— Но разве церковь вам не помогла? — спросил я.— Мне казалось, в такие трудные минуты...

— Нет,— перебила меня мисс Бут-Уичерли.— В той церкви, куда мы ходили, был весьма неприятный священник. Я была очень расстроена, сами понимаете, совершенно обезумела,— и что же он? Сравнил меня с вавилонской блудницей, вот и все.

Из-под монокля по ее щеке скатилась слезинка.

— И я перестала ходить в церковь,— фыркнула она.— Заключила, что меня покинули в беде.

— Не вижу, чтобы это обрекло вас на вечное проклятие,— заметил я.— На свете хватает людей,

натворивших вещей куда похуже.

— Не будь у меня тогда туго с деньгами,— сказала мисс Бут-Уичерли,— я охотно помогала бы церкви, хотя бы самую малость. Но после того случая — все, зареклась на всю жизнь.— Она глотнула еще бренди.— Вот кому я *хотела бы* помочь, так это сиротскому приюту в Сан-Себастьяне. Тамошние сестры-благотворительницы делают великое дело. Для них все равно, рожден ли ребенок... ну, вне брака. Я побывала там однажды с моим любовником Анри, мы были просто поражены. Они добрые, не то что те священники.

— Сан-Себастьян — маленькая деревушка во Франции, если не ошибаюсь, у самой границы? — спросил я.

— Да,— ответила она.— Очень милая горная деревушка.

— Когда я в следующем году опять приеду в эти края, вы позволите мне отвезти вас туда, навестить сестер?

— О, это было бы чудесно,— просияла мисс Бут-Уичерли.— Замечательно, я буду предвкушать эту поездку.

— Договорились,— сказал я, тасуя карты.— А теперь посмотрим, кто из нас выиграет эту непочатую бутылку медицинского бренди.

Выиграла она.

И она придумала способ помочь сиротскому приюту в Сан-Себастьяне. Хотя знай она, какую тревогу и какое смятение это вызовет, думаю, не стала бы этого делать. Впрочем, все кончилось самым наилучшим образом.

...Через год я снова приехал во Францию и, как обычно, навестил Жана и Мелани. Когда после бурных приветствий мы сели, чтобы выпить по стаканчику, я провозгласил тост в честь Мелани.

— Ты лучшая хозяйка дома в мире и самая красивая женщина в Монте-Карло,— сказал я.

Она с улыбкой наклонила свою прелестную голову.

— Однако,— продолжал я,— чтобы ты не слишком задавалась, должен сознаться, что мое сердце принадлежит другой леди. А потому придется мне на время оставить вас, чтобы купить фрукты, сыр, бренди и цветы и поспешить к моей любимой, прелестной, несравненной мисс Бут-Уичерли.

— Боже! — воскликнул Жан.

— О, Джерри,— удрученно произнесла Мелани,— ты не получил нашего письма?

— Письмо? Какое письмо? — спросил я, предчувствуя несчастье.

— Мисс Бут-Уичерли скончалась, Джерри,— печально сказал Жан.— Извини, мы сразу тебе написали, зная, как ты ее любил.

— Рассказывайте...

Я услышал, что мисс Бут-Уичерли, выиграв немного денег в казино, отметила дома это событие, после чего неосмотрительно решила принять ванну. Поскользнулась, упала и сломала оба бедра, точно спички. Всю ночь пролежала в ванне, где вода с каждой минутой становилась все холоднее. Рано утром какой-то прохожий услышал слабые крики о помощи и выломал дверь. Неукротимая до последней минуты, мисс Бут-Уичерли сообразила назвать спасителю номер телефона Жана и Мелани. Я много ей рассказывал про них, и у нее не было других друзей. Жан тотчас примчался туда и отвез ее в больницу.

— Она держалась замечательно, Джерри,— говорил Жан.— Знала, что умирает, однако твердо настроилась не отправляться на тот свет, пока не сделает все необходимое. Сказала, что врач собирался впрыснуть ей морфий. «Уберите это зелье, молодой человек,— велела она ему.— За всю жизнь я ни разу не принимала наркотиков и не собираюсь теперь становиться наркоманкой». Потом настояла на том, чтобы ей

помогли составить завещание. Какое там наследство — мебель да платья... Все это она завещала детскому приюту в Сан-Себастьяне.— Жан остановился, шумно высморкался.— Силы покидали ее на глазах, но мысли оставались ясными. Сказала, что хотела бы увидеть тебя, Джерри. Сказала, что ты был ее самый близкий друг. Просила извиниться от ее имени за то, что не сможет поехать вместе с тобой в приют.

— Вы привели священника? — спросил я.

— Я предлагал, но она отказалась,— ответил Жан.— Сказала, что не желает иметь дела с церковью. Отключилась на некоторое время, но перед самой кончиной пришла в себя, как это бывает, ввинтила в глаз монокль и уставилась на меня, именно *установилась*. И сказала одну очень странную вещь.

Я терпеливо подождал, пока Жан смочил глотку.

— Она сказала: «Они ничего от меня не получают. Вавилонская блудница, надо же! Я Бут-Уичерли. Я им покажу». Тут монокль выпал у нее из глаза, и она испустила дух. Ты не догадываешься, Джерри, что она хотела этим сказать? — Жан посмотрел на меня, наморщив лоб.

— Догадываюсь,— ответил я.— В молодости она совершила один неблагоразумный поступок, и местный священник, вместо того чтобы помочь ей, назвал ее вавилонской блудницей. С того дня она перестала ходить в церковь. Сдается мне, под конец жизни она не связывала сиротский приют с церковью и, когда завещала все приюту, думала, что этим околпачит церковь. Рассчитывала, что это произведет сенсацию, бедняжка, церковь придет в ярость оттого, что не заполучит ее платья.

— Но ведь так оно и вышло! — воскликнула Мелани.

— Сенсация была, притом самая *ужасная*. Мы рассказали обо всем в нашем письме.

— Повторите,— попросил я.

— Нет, дорогая, ничего не говори сейчас,— сказал Жан.— Просто мы отвезем его вечером в казино.

— *Не хочу* я ни в какое казино,— раздраженно отозвался я, удрученный новостью о кончине мисс Бут-Уичерли.— Без нее это будет совсем не то.

— Ты должен поехать ради ее памяти,— настаивал Жан.— Я покажу тебе кое-что, ты посмеешься и поймешь, что все в порядке.

Он говорил совершенно серьезно, но в глазах мелькала веселая искорка.

— Он прав, дорогой Джерри,— подхватила Мелани.— *Прошу тебя.*

— Ладно,— неохотно согласился я.— Везите и показывайте, и пусть ваши слова оправдаются.

Они оправдались.

Приехав в казино, мы вошли в игровые залы, и Жан сказал:

— А теперь осмотрись кругом и скажи, что ты видишь. Я повел взглядом по игровым столам. Очко — обычная компания, включая карлицу-цыганку, которая, судя по ее реакции, только что сорвала хороший куш. Железка — много старых знакомых, в том числе невозмутимый, как всегда, истукан. Рулетка... Этот стол окружала плотная толпа; судя по всему, там кому-то безумно везло. На минуту в толпе появился просвет, и у меня сжалось сердце. Я успел разглядеть ее... Наклонясь над столом, делала ставку мисс Бут-Уичерли, в том же малиновом бархатном платье и в той же шляпе, какие были на ней, когда я увидел ее впервые. Тут она повернула голову, и я понял, что это не мисс Бут-Уичерли, а куда более молодая женщина, лет двадцати с небольшим, с прелестным лицом и большими голубыми, как у персидской кошки, невинными глазами. Она улыбалась, говоря что-то стоящему за ее креслом красивому молодому человеку. Он смотрел на нее с обожанием и энергично кивал в

ответ на каждое слово. Кто бы ни была эта особа, она присвоила платье мисс Бут-Уичерли, и мое раздражение переросло в гнев. Круг опять завертелся, толпа сомкнулась и скрыла ее от моего взора.

— Кто это, *черт возьми*? — выпалил я.— И какого черта она носит платье мисс Бут-Уичерли?

— Тсс,— сказал Жан.— Не так громко. Все в порядке, Джерри.

— Но кто она, эта чертова мародерша? — сердито спросил я.

— Это сестра Клер,— ответил Жан, глядя на меня.

— Сестра Клер? — повторил я за ним.

— Сестра Клер,— подтвердила Мелани.

— Вы хотите сказать, что она *монахиня*! — спросил я недоверчиво.— Монахиня в *таком* платье, за игровым столом? Вы с ума сошли.

— Да нет же, Джерри,— улыбнулся Жан,— это чистая правда. Клер — одна из сестер-благотворительниц. Во всяком случае, была одной из них, она больше не монахиня.

— Неудивительно,— едко заметил я.— Допускаю, что Католическая церковь отличается терпимостью, но даже она вряд ли стала бы терпеть в своих рядах монахиню в наряде двадцатых годов, посещающую вертеп в обществе молодого красавчика жиголо.

Мелани рассмеялась.

— Никакой он не жиголо, это Мишель, очень славный парень,— сообщила она и добавила почему-то: — Он сирота из приюта в Сан-Себастьяне.

— По мне, пусть у него будет хоть шесть отцов,— огрызнулся я.— Хотелось бы мне знать, с какой стати эта лжемонашка щеголяет в платье мисс Бут-Уичерли.

— Погоди.— Жан мягко взял меня за руку.— Все объяснится, но сперва подойди, посмотри, как она играет.

Мы подошли к игровому столу и заняли позицию напротив сестры Клер (должен признаться, в красном бархате и желтых страусовых перьях она была восхитительна). На столе перед ней лежала гора фишек, и я стал внимательно следить за тем, как она играет. У нее была дивная кожа чудесного бело-розового цвета, как у румяного осеннего яблока; огромные голубые глаза над высокими скулами слегка скошены на восточный лад. Красивой формы прямой нос, полные чувственные губы, которые часто раздвигались в улыбке, обнажая безупречные, хотя и мелковатые зубы. Улыбка озаряла все ее лицо необычным внутренним светом; глаза при этом светились так, что хоть грей ладони перед ними. В этих глазах было что-то от детской искренности и непорочности, и, сделав ставку, Клер смотрела на вращающийся круг так, как ребенок пожирает глазами рождественскую витрину.

Смуглая кожа, кудрявая шевелюра и большие добрые карие глаза парня за ее спиной (я дал бы ему лет двадцать с небольшим) придавали ему сходство с итальянским цыганом. Стройная фигура его двигалась плавно и грациозно, будто в танце. Многие женщины в зале, как молодые, так и постарше, кидали на него алчные взоры, но он видел только сидящую перед ним в красном бархате сестру Клер, и она то и дело поворачивалась к нему, улыбаясь и поглаживая страусовыми перьями его безупречный костюм. Глядя, как он разговаривает с ней, я мысленно извинился за то, что обозвал его жиголом. Передо мной был влюбленный, чувствительный молодой человек. Так же очевидно было, что сестра Клер тоже в него влюблена, хотя я допускал, что ее невинная душа не отдает себе в этом отчета. Они явно чувствовали себя вместе непринужденно и счастливо, держались так, будто во

всем зале не было никого, кроме них, совершенно не замечая наблюдающую за ними толпу.

Внимание Клер было разделено поровну между молодым человеком и вращающимся кругом с постукивающим шариком. Сделав ставку, она не сводила с рулетки светлого взгляда. Словно не сомневалась в успехе. И везло ей невероятно. Она явно играла без какой-либо системы, следуя движению души, и делала ставки от пятидесяти до ста фунтов. Почти все остальные игроки следовали ее примеру. Она выигрывала в одиннадцать случаях из двенадцати; на моих глазах крупье со страдальческим видом пододвинул ей очередные фишки на сумму около двух тысяч фунтов.

— Последняя ставка,— тихо сказал мне Жан.

— Откуда ты знаешь?

— Учитывая ее сверхъестественное везение, казино заключило соглашение с Клер. За вечер она проигрывает только два раза, называет это «предупреждением Всевышнего». Если ее не остановить, может разорить казино. Когда пришла играть в первый раз, сорвала банк. Это была полная сенсация, особенно когда они выяснили, кто она,— сообщил Жан.

— Господи, да ты шутишь,— промолвил я.— Это просто невероятно.

— Истинная правда,— возразил Жан.— Ей каждый вечер неизменно везет. Для любого другого вход в казино был бы закрыт, но они узнали, что она монашенка и главный персонаж одного громкого дела. Что им оставалось делать? Общественность не позволила бы запретить ей играть. Пришлось заключить договор. Клер играет раз в неделю три часа и заканчивает, когда выигрыш достигает двух тысяч пятисот фунтов. Разумеется, казино на этом тоже

выигрывает, ведь народ так и валит посмотреть на играющую монахиню.

— А как это все началось? — озадаченно справился я.— И при чем тут платье мисс Бут-Уичерли, черт побери?

— Сестра Клер сама тебе все расскажет,— ответил Жан.— Они придут к нам на ужин, так что наберись терпения. Только не вздумай смеяться, Джерри, потому что она очень серьезно относится к тому, что произошло.

— Смеяться? Я совершенно сбит с толку, какой тут смех. Когда мы вернулись в дом Шульцев, Жан налил всем троим по стаканчику, и мы вышли на широкую веранду, оплетенную бугенвиллеей с пурпурными и розовыми цветами; внизу, под горой, сверкали огни Монте-Карло, будто небрежно разбросанные драгоценности.

— Сдается мне,— рассудительно произнес я,— в вашей повести хватает пробелов. Может быть, вы заполните кое-какие из них, пока не приехала монахиня, которая сорвала банк в казино Монте-Карло?

— Только предварительные сведения,— отозвался Жан.— Самое поразительное ты услышишь из уст самой сестры Клер.

— Валяй,— сказал я.

— Родилась она в Девоншире, ее родные были католики. Когда она стала постарше, ее отец поступил на работу садовником в большой римско-католический монастырь поблизости от Вулвергемптона. Девочка трудилась вместе с ним и вскоре стала специалистом по выращиванию фруктов, овощей и цветов для монастыря, который служил также сиротским приютом, что весьма устраивало сестру Клер, страстно любящую детей. В свободное от сада время она помогала монахиням в их делах. Когда умер отец, заняла его место. Тогда-то и решила сама стать монахиней. Ну вот,

однажды она где-то прочитала статью про Сан-Себастьян и деятельность сестер-благотворительниц и сразу загорелась, посчитав это знамением свыше. Клер всегда была убеждена, что у Господа приготовлена для нее работа, и нетерпеливо ждала знамения. Вот и явилось оно в виде той статьи. Она заключила, что должна трудиться в Сан-Себастьяне.

— Постой,— возразил я.— Наверно, она прочитала в журналах не одну сотню статей. Почему именно эту посчитала знамением?

Жан осторожно стряхнул белый пепел со своей сигары.

— А потому,— заметил он,— когда стоишь на коленях среди цветов, моля Всевышнего направить тебя на истинный путь, и видишь вдруг обернутый вокруг только что полученной рассады лист из журнала именно с этой статьей, только естественно посчитать это знамением, особенно если ты сестра Клер.

— Понятно,— сказал я.

— Для сестры Клер,— продолжал Жан,— камни служат указаниями, деревья и цветы — предзнаменованием. Ее бог находится повсеместно, он постоянно ее наставляет и направляет, а потому необходимо все время быть начеку, чтобы истолковать его пожелания. Понял?

— Кажется, начинаю понимать,— задумчиво произнес я.

— Она глубоко убеждена, что пребывает в постоянном соприкосновении с Всевышним; не осознав этого, ты не поймешь ее дальнейших действий. Добавь к этому ее абсолютную непорочность. Что бы она ни делала по воле Господа, это не может быть предосудительным, и она скорее пойдет на костер, чем откажется выполнять его указания.

Сестра Клер из породы мучеников, в ее жилах течет кровь святых.

Жан помолчал, наполняя наши стаканы.

— Так вот, приняв решение (а когда такой человек что-то решает, его никто не переубедит), она взялась за дело и не успокоилась, пока шесть лет назад не перебралась-таки в Сан-Себастьян. Успешно заправляла маленькой фермой и садом и находила время для занятий с младшими детьми. А затем случилось одновременно три события. Во-первых, в монастырь поступило распоряжение избавиться от половины детей — дескать, приют перенаселен. Во-вторых, Мишель потерял свою работу в Монте-Карло и вынужден был вернуться в монастырь. И в-третьих, мисс Бут-Уичерли скончалась, завещав приюту в числе прочего свои платья. Взятые по отдельности, эти события, казалось бы, никак не связаны между собой, но сложите их вместе, и если вы сестра Клер, воспримете как знамение свыше.

— Но мне по-прежнему неясно...— начал я. В это время раздался звонок в дверь.

Служанка проводила сестру Клер и Мишеля к нам на веранду, и при свете свечей на обеденном столе бархатная шляпа и платье приобрели гранатовый оттенок. Жан представил меня.

— Счастлива познакомиться с другом мисс Бут-Уичерли,— сказала сестра Клер, сжимая мою руку ладонями и ослепляя меня сиянием голубых глаз.

Я заметил, что кожа ее рук загрубела от физической работы, однако они излучали тепло и энергию наподобие той, какую ощущаешь, держа птицу в руках, сложенных чашечкой.

— Бедный, вы, наверное, были потрясены, услышав о ее кончине,— продолжала она.— Но вас должно утешать сознание, что она была орудием в руках Всевышнего и оставила по себе такую добрую память, верно?

— Понимаете,— ответил я,— Жан только-только начал рассказывать мне, как все было. Не могли бы вы поподробнее объяснить, как произошло это... э?..

— Это чудо? — подхватила сестра Клер.— Конечно, объясню.

Приняв от Жана стакан лимонада, она пригубила, потом наклонилась в мою сторону, готовясь рассказывать.

— Надеюсь, мистер Даррелл, вы не сочтете меня тщеславной особой, но с юных лет я прониклась убеждением, что предназначена Господом для какой-то особой задачи. Должна с сожалением сознаться, что я очень нетерпеливый человек, это один из многих моих недостатков, и я предпочитаю... как это говорится? Ну да — не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Однако в распоряжении Господа бездна времени, и его нельзя торопить. И еще, он должен вас подготовить для исполнения его воли, а это сразу не делается. Когда же он сочтет, что вы готовы, то подаст вам знак. Понятно?

— Вполне,— серьезно ответил я.

— Иногда знаки бывают явственные, иногда, увы, не очень, и боюсь, иные их вовсе не замечают. Мсье Шульц рассказывал вам про статью в журнале?

Я кивнул.

— *Такой* очевидный знак,— радостно улыбнулась мне сестра Клер.— Я будто слышала *его* голос.

— Могу я предложить вам пересесть к столу, пока ужин не остыл? — сказала Мелани.— Там и продолжите свой рассказ.

— О, конечно! Конечно! — воскликнула сестра Клер.— Я голодна, как полный приют детей!

Я услышал ее тихий музыкальный смех, увидел, как глаза Клер засветились юмором. Нетрудно было понять, почему Мишель влюблен в нее. Направляясь к столу, я шел рядом с ним.

— Вы говорите по-английски? — спросил я. Он коротко улыбнулся.

— Нет... совсем мало. Клер, она учит меня. Она очень хорошая учительница,— гордо произнес Мишель.

— Не сомневаюсь,— сказал я.

За столом Мелани посадила меня напротив сестры Клер.

— Пожалуйста, рассказывайте дальше,— попросила ее Мелани.— Уверена, мистер Даррелл не притронется к еде, пока все не услышит.

— Да-да, она права, сестра,— подтвердил я.

— Не называйте меня сестрой.— По лицу Клер пробежала тень.— Понимаете, я больше не монахиня.

— Простите... Тогда позвольте мне называть вас мисс Клер?

— Разумеется,— радостно улыбнулась она.— Мне будет только приятно.— Она ковырнула ложкой сочную дыню и вздохнула.— Дети были бы в восторге от такого лакомства. Я должна послать им несколько дынь.

— Вы по-прежнему... э... поддерживаете связь с сиротским приютом? — спросил я, надеясь услышать продолжение ее истории.

— Поддерживает связь? — рассмеялся Жан.— Да она, по сути, *содержит* его!

Сестра Клер покраснела.

— Я только помогаю,— твердо произнесла она.— Еще бы не помогать, ведь такова воля Господа.

Наступила небольшая пауза; я попытался представить себе, каким образом Всевышний внушил монахине мысль заняться азартными играми.

— Итак,— заговорил я снова,— вы покинули Вулвергемптон и приехали в Сан-Себастьян.

Она кивнула:

— Да, это было шесть лет назад. Я немного разбиралась в садоводстве, и мне поручили управлять их маленькой фермой. Первое время мне пришлось

нелегко, ведь я ничего не знала про коров и свиней, даже про кур, но я быстро освоилась. В свободное время водила детей на прогулки или устраивала для них игры, эти занятия мне больше всего нравились. Вы даже не представляете себе, какие там были милые дети, и я стала специально выращивать кое-что для них, например сладкую кукурузу и клубнику; они просто обожали эти лакомства. Я была очень счастлива, но все равно, понимаете, чувствовала, что у Господа припасены для меня еще задачи.

Она управилась с дыней и откинулась на спинку стула, задумчиво глядя на свою тарелку. Потом подняла глаза, сияющие, будто озаренные солнцем сапфиры.

— И вот однажды Всевышний приступил к раскрытию того, что им было предначертано для меня. Помню, я встала рано утром: до мессы нужно было сделать кое-какие дела. Управилась со всем так быстро, что еще оставалось время, и после завтрака я решила прополоть клумбы под окном сестры Мари. Я разбила там небольшой цветник, зная, как сестра Мари любит цветы, однако за делами на ферме малость забыла про него. Одуванчики очень хороши в салате, но совсем не красят бордюры цветников. Помню, день выдался жаркий и окна кабинета сестры Мари были открыты, так что я слышала все, что там говорилось. Уверяю вас, я вовсе не любительница подслушивать. На самом деле, как только я услышала голоса, хотела дать знать о себе и удалиться, но первые слова заставили меня похолодеть, и я застыла на месте, поверьте мне, будто в трансе.

Теперь-то я точно знаю, что сам Господь того пожелал, но тогда я об этом не подозревала. Обращаясь к сестре Мари, мэр Сан-Себастьяна говорил: «Таким образом, сестра Мари, боюсь, что, если вы не сможете пристроить к. приюту новый флигель, придется вам куда-то отправить часть детей». Можете себе

представить, какой ужас меня охватил! Расстаться с детьми, большинство которых прожили у нас не один год, которые привыкли воспринимать приют как родной дом, а нас как родителей, было просто невыносимо. Сестра Мари, естественно, ответила мэру, что о строительстве нового флигеля не может быть и речи, мы и так еле сводим концы с концами. Мэр был добрый, порядочный человек, он сказал, что все понимает и знает, что дети не страдают, хотя им и приходится спать по шесть человек в одной комнате. Однако местный совет постановил, что это негигиенично и недопустимо. Уходя, предупредил сестру Мари, что будет ждать ее ответа три недели, до следующего заседания совета. Можете себе представить мое отчаяние! Я знала, что сестра Мари ничего не сможет сделать и что нам придется расстаться с частью детей. Боюсь, я оказалась так слаба, что горько расплакалась. А когда пришла в себя, подумала, что Господь не допустит такого несчастья, и обратилась к нему с молитвой за указанием. И тогда произошло первое чудо.

Служанка поставила на стол перед сестрой Клер миску с красной лесной земляникой и кувшинчик со сливками.

— О, лесная земляника! — радостно воскликнула сестра Клер по-французски, потом снова перешла на английский: — Я ходила с детьми в лес у Сан-Себастьяна, мы там собирали ягоды и приносили в приют. Боюсь, они больше съедали, чем собирали, но им это так нравилось.

— Так в чем же состояло первое чудо? — спросил я, строго следя за тем, чтобы она не отвлекалась от главной нити повествования.

- А, ну да, в том, что Мишель потерял работу. Мишель рос в приюте задолго до того, как я попала в Сан-Себастьян. Сестра Мари устроила его на работу в

пекарне в Монте-Карло, но старик пекарь заболел и вынужден был закрыть свое заведение. И Мишель вернулся в приют в тот самый день, когда мэр принес сестре Мари дурные новости. Она пригласила меня к себе в кабинет, я думала, что она хочет рассказать мне как раз об этом, и собиралась признаться, что все слышала. Однако сестра Мари ни словом не коснулась этого вопроса, и я поняла, что она не хочет делиться с нами этим бременем, надеется сама найти какой-то выход. А меня пригласила, чтобы поговорить о Мишеле. Сказала, что пока она будет пытаться найти ему другую работу, может быть, для него найдется дело на ферме; сестра Мари знала, что есть вещи, с которыми я физически не могу справиться. Я обрадовалась, потому что крыша коровника нуждалась в починке и... да мало ли еще какие дела нашлись бы для Мишеля с его сильными искусными руками. Так он начал работать вместе со мной, и вместе нам удалось много чего сделать. И вот однажды я говорю Мишелю, что у Господа припасена для меня задача и я жду знака свыше. Любой другой человек, наверно, посчитал бы эти слова самонадеянными, но Мишель сразу понял меня. Он даже проявил такое сочувствие, что я не выдержала и поделилась ужасной новостью про угрозу нашему приюту, которая не давала мне покоя. Он был потрясен не меньше меня, но сколько мы ни обсуждали этот вопрос, не видели никакого способа решить проблему. И тут произошло второе чудо. Сестра Мари пригласила меня в свой кабинет и рассказала, что мисс Бут-Уичерли скончалась, завещав нам всю свою мебель и платья. Попросила меня отправиться вместе с Мишелем в Монте-Карло, упаковать платья и договориться об их доставке в приют, а мебель продать. Я-то еще никогда не бывала в Монте-Карло, зато Мишель знал все ходы и выходы. Мы поехали туда на автобусе, и там я совершенно растерялась, понимаете, так давно не

бывала ни в каком городе, что просто опешила от всего этого шума и суеты. Все время, пока мы там находились, у меня был словно туман в голове.

Сестра Клер остановилась, пригубила лимонад. - Боюсь, я слишком много говорю,— виновато произнесла она.— Надеюсь, вам не слишком скучно меня слушать.

Хор голосов заверил ее, что совсем не скучно.

— Так вот,— продолжала она.— Должна признаться, когда мы пришли в квартиру мисс Бут-Уичерли, я была несколько удивлена и разочарована, ведь Мишель был так уверен, что мы найдем что-нибудь драгоценное, что поможет нам спасти приют. Мебель, сразу видно, была слишком изъедена червями, много за нее не выручишь, что же до платьев, они хоть и отлично сохранились, были слишком старомодными, их вообще никто не возьмет. Но сколько же их там было... И такая чудесная материя...

В жизни не видела, чтобы у одного человека было столько одежды.

— Я знаю,— отозвался я.— Однажды мисс Бут-Уичерли устроила для меня показ мод. Это длилось три часа, и под конец она достала платье, в котором была на балу, где присутствовал король Эдуард Седьмой, синее с желтым шелковое платье и синий с золотом бархатный плащ. Потрясающе красивое сочетание; думаю, в молодости она была восхитительна. Не удивительно, что Эдуард ущипнул ее за попку.

— Джерри! — всколыхнулась Мелани, но сестра Клер только рассмеялась.

— Я рада, что вы видели тот плащ и помните его,— сказала она.— Потому что с этого-то плаща все, собственно, и началось.

— Каким образом? — удивился я, вспоминая, как мисс Бут-Уичерли, накинув плащ на плечи, исполнила передо мной несколько пируэтов, так что золотое шитье разбегалось струями по волнам синего бархата.

— Сами понимаете, нам ведь нужно было разобрать и осмотреть весь гардероб,— продолжила сестра Клер. — Каждая вещь была аккуратно обернута в папиросную бумагу с камфарой, но все равно я должна была убедиться в их сохранности. И пришлось же нам потрудиться, распаковывая и снова упаковывая все эти платья, а в то же время интересно — как будто мы распаковывали радугу. Так вот, на самом дне одного чемодана мы нашли большую картонную коробку, а в ней то самое платье с плащом, про которое вы говорили. Коробка эта была так велика, что занимала всю площадь чемоданного дна. Мишель снял с нее крышку и вытащил платье. Помните, вокруг ворота и рукавов были пришиты мелкие белые бусины, напоминающие жемчуг? Подняв платье вверх, Мишель сказал — хорошо бы это в самом деле был жемчуг: мы могли бы его продать и не пришлось бы больше опасаться за судьбу приюта. Я ответила, что не сомневаюсь — если Богу угодно, чтобы мы нашли деньги для приюта, он укажет нам способ. Мишель в эту минуту доставал из коробки плащ, помните — синий с золотом, такой красивый, точно летнее небо и лютики? Он зацепился углом за край коробки, и Мишель приподнял ее, а под коробкой лежала упавшая туда в незапамятные времена сумочка. Маленькая сумочка из того же материала, что плащ, с золоченой застежкой и короткой золоченой цепочкой. Я сразу подумала про Лину — так звали одну девочку в приюте, которая очень любила красивые вещи. Вот был бы для нее чудесный подарок, сказала я себе и тут же сообразила, что другие дети станут ей завидовать. Сами понимаете, какой с них спрос, с детишек. Как бы то ни было, я подняла сумочку и сразу почувствовала — что-то не так...

Сестра Клер остановилась и пригубила лимонад. Стояла та самая знаменитая тишина, про которую

говорят, что можно было бы услышать, как муха пролетит. Жан стряхнул в пепельницу пепел со своей сигары так осторожно, словно боялся вызвать лавину.

— А почувствовала я, что эта маленькая сумочка очень уж тяжелая,— снова заговорила сестра Клер.— Я удивилась: застежка и цепочка явно не были золотыми, значит, дело не в них, а в чем-то, что лежит внутри. Я открыла сумочку и не поверила своим глазам. Вот и третье чудо... Знаете, что в ней лежало, мистер Даррелл? Двадцать один соверен. Тяжелые золотые монеты, от которых так и веяло богатством. Не знаю даже, как вам передать мое впечатление, они звенели не как обычные монеты, а совсем по-другому, понимаете, разница была, как между молоком и сливками. Мое сравнение кажется вам нелепым?

— Я отлично понимаю, что вы хотите сказать,— отозвался я.

— Ну вот, Мишель, глупышка, просто обезумел, когда увидел монеты.— Она нежно улыбнулась ему.— Принялся плясать по комнате, крича, что Бог услышал наши молитвы и приют спасен. Мне не сразу удалось его успокоить. Заметьте, я и сама была ошеломлена, однако мне было ясно, что двадцать один соверен еще не решит проблемы приюта. В общем, мы сели и обсудили нашу находку. Мишель твердил, что надо пойти с этими монетами в банк и узнать их цену, и мы пошли в «Лионский кредит», огромное такое здание на бульваре Сен-Мартен, вы должны его знать. Оно похоже скорее на дворец или большую гостиницу, чем на банк, мраморные полы и все такое прочее. Я даже боялась входить, но Мишель заставил меня. Он такой уверенный... Ну вот, когда клерк увидел, что мы принесли, он как-то странно поглядел на нас. Мне стало не по себе, я решила, что он нас заподозрил в чем-то нехорошем. Сказал, что нам лучше обратиться к управляющему, и нас проводили в роскошный кабинет

— большие кожаные кресла, огромный рабочий стол не меньше обеденного в каком-нибудь банкетном зале. Мсье Фульвар (так звали управляющего) был чрезвычайно любезен. Сперва он спросил, откуда у нас такое сокровище, и пришлось рассказать ему про платья мисс Бут-Уичерли и про то, как мы нашли соверены. Мой рассказ произвел на него сильное впечатление, и он согласился, что это в самом деле чудо. Потом он вызвал к себе какого-то симпатичного молодого человека, который был... как это называется... в общем, специалистом по золоту. Этот человек унес монеты, чтобы то ли измерить их, то ли взвесить, то ли еще что-то, не знаю толком. Когда он вышел, мсье Фульвар сказал мне, что на самом деле произошло не одно, а два чуда. Понимаете, золотые монеты были дороги сами по себе, однако особую цену придавало им то, что на них стоял 1875 год. Судя по всему, есть люди, которые коллекционируют монеты, раньше я об этом даже не знала, но это совершенно точно. Странное занятие — коллекционировать монеты, верно? Мсье Фульвар сообщил, что один его друг, весьма честный человек, собирает монеты, и если мы позволим, мсье позвонит ему и попросит назвать свою цену. Конечно, я подумала, что следует предоставить сестре Мари заниматься этим делом, но Мишель заметил, что без нее все равно не обойдется, лучше возьмем часть хлопот на себя. Друг мсье Фульвара приехал немедленно. При виде монет он пришел в восторг и предложил, к великому моему удивлению, сумму, которая мне показалась просто огромной. Объяснил, что, будь это обыкновенные монеты — нелепое выражение, правда? но вы меня понимаете,— они стоили бы сто тысяч франков. Но поскольку они чеканены (кажется, так это называется) в 1875 году, то стоят они вдвое больше. Сами понимаете, мы с Мишелем не верили своим ушам, не поверили и глазам, когда мсье Фульвар стал

отсчитывать деньги. Нам это показалось огромным, невероятным состоянием. Я думала о том, как счастлива будет сестра Мари, когда мы покажем ей все эти красивые цветные ассигнации, прямо картинки. Вам это покажется глупо, но они напомнили мне платья мисс Бут-Уичерли. Шуршали совсем как те платья, когда мы их распаковывали. Я в жизни не держала в руках столько денег.

Она остановилась, чтобы глотнуть еще лимонада. Мой кофе давно остыл, так я увлекся рассказом сестры Клер.

— И куда вы положили эти деньги? — спросил я, зная, что в рясах монахинь нет скрытых внутренних карманов, как у браконьеров...

— В сумочку мисс Бут-Уичерли,— ответила сестра Клер.— Куда же еще? Ведь мы там нашли монеты. Я чувствовала, что она бы это одобрила.

— Не сомневаюсь,— горячо вымолвил я, представляя себе радость мисс Бут-Уичерли, будь она свидетельницей этой сцены.

— Из банка мы вернулись в ее квартиру,— продолжала сестра Клер,— где, честно признаюсь, нашли на кухне немного кофе и сварили, чтобы подкрепиться. Пока пили кофе, задумались всерьез над тем, как использовать наши деньги для приюта. Понимаете, нас потрясла такая огромная сумма, но как же мы расстроились, когда все просчитали и выяснилось, что этих денег хватит, только чтобы пристроить еще одну комнату. Мы-то, глупенькие, мечтали о двадцати — тридцати новых спальнях с душем и всем, что полагается. Нашему разочарованию не было границ. Должно быть, именно поэтому Мишеля вдруг осенило. Понимаете, когда мы выходили из кабинета мсье Фульвара, он предостерег меня — в шутку, конечно,— чтобы я не потратила все деньги в казино. Разумеется, я слышала про казино, но не очень

представляла себе, что это такое. Так вот, сидим мы, значит, пьем кофе, и тут Мишель напомнил мне про слова управляющего банком и сказал, что, пожалуй, именно в казино есть возможность увеличить наше состояние. Я считала, что это исключено, о чем твердо сказала Мишелю.. К моему удивлению, он не менее твердо стоял на своем. Спросил меня, верю ли я, что Господь направляет мои шаги. Естественно, я ответила, что верю. Тогда он перечислил все, что произошло за последнее время,— его возвращение в приют, кончина бедняжки мисс Бут-Уичерли, ее завещание, как мы нашли монеты, как затем выяснилось, что они стоят вдвое больше начальной цены... И он снова спросил, верю ли я, что во всем этом проявилась воля Всевышнего. Конечно, я сказала, что верю, ведь в глубине души я в этом не сомневалась. Каким-то непонятным образом ощущала, что Бог направляет меня к выполнению предписанной мне задачи. Мишель заявил, что ощущает то же самое, что он такое же орудие в руках Господа, как и я. И что только в казино можем мы увеличить наше состояние. Сказал, что в конечном счете мы сделаем то же, что сделал Иисус с хлебами и рыбой, пусть Даже другим способом. Мишель говорил очень убедительно и настойчиво, да я и сама начала колебаться вопреки здравому смыслу. А он тут возьми и скажи, что не будет даже рисковать деньгами мисс Бут-Уичерли. Дескать, у него осталось кое-что из жалованья, полученного на прежней работе, и он начнет с этих денег. Если Господу угодно, чтобы мы таким способом увеличили наследство, мы непременно выиграем. Мы выпили еще по чашке кофе, продолжая спорить, потому что он меня все-таки не убедил. Но вы бы видели тогда Мишеля! Он был так настойчив, так красноречив, у него даже глаза блестели! В конце концов пришлось мне согласиться, что самым Богом было задумано, чтобы мы, заполучив такие деньги, еще

больше увеличили наше состояние. Мишель предложил мне подождать в квартире, пока он сходит в казино: дескать, если ему повезет, он вернется за мной и деньгами мисс Бут-Уичерли. Однако я была против. Во-первых, не хотела отпускать его одного в казино. Знала, конечно, что он лучше моего разбирался в мирских делах, и все же считала, что он слишком молод, чтобы в одиночку затевать такое дело. Во-вторых, меня смущала его одежда. На Мишеле были надеты старые драные джинсы и поношенная рубашка. Я не сомневалась — появившись он в казино такой молодой и такой... такой *оборванец*, его просто не впустят. Но тут ему пришла в голову одна идея. Он предложил нам обоим надеть платья мисс Бут-Уичерли и в таком виде отправиться в казино.

Я воззрился на сестру Клер, не в силах что-либо сказать. Представить себе монахиню в одеянии мисс Бут-Уичерли было невозможно, за игровым столом — тем более. Если же добавить, что ее сопровождал молодой парень, это вообще было чем-то из области фантастики. Я невольно улыбнулся, как ни старался сохранять серьезное выражение лица. Сестра Клер порозовела.

— Конечно, я сопротивлялась,— сказала она, словно защищаясь.— Заявила Мишелю, что об этом не может быть и речи. Однако он настаивал. Дескать, Всевышний указал нам путь, и если теперь мы испугаемся, значит, не верим в Божественный промысл. Дескать, Бог раз за разом указывал нам, как поступить, и теперь, когда успех в пределах досягаемости, с нашей стороны будет трусостью отступить. Я продолжала колебаться, хотя должна была признать, что все знаки указывали на желание Всевышнего, чтобы мы преумножили его щедрый дар. Меня смущала мысль о том, чтобы делать это в казино. К тому же, подчеркнула я, платья мисс Бут-Уичерли вряд ли нам подойдут. А Мишель и говорит:

если подойдут, посчитаю я это указанием, что Бог желает, чтобы мы пошли в казино? Его слова, сами понимаете, только насмешили меня. Ведь мы с Мишелем одного роста и сложения, а платья казались такими большими! Ну я и сказала — в шутку, конечно,— что, если платье мне подойдет, я согласна идти в казино; мне и в голову не приходило, что это возможно.

Сестра Клер остановилась, опустила на скатерть сплетенные вместе пальцы.

— Разумеется, платье пришлось мне впору, как вы можете убедиться.— Она подняла одну руку, и в свете огня малиновый бархат был красным, как кровь, и темным в складках, как бордо.

— По правде говоря,— добавила она,— Мишель выглядел в платье совсем как юная девушка, очень миленькая, если можно так говорить о парне. Он выбрал простое желтое шелковое платье, соответствующие туфли и черно-желтую шляпу вроде колпака. Его довольно длинные курчавые волосы вполне могли сойти за модную в наши дни у девушек прическу. Тогда он настоял на том, чтобы я надела то сине-белое платье и тот плащ, благодаря которым мы нашли деньги.

Сестра Клер остановилась, прокашлялась и виновато улыбнулась.

— Боюсь, я слишком много говорю,— сказала она.— У меня пересохло в горле. Могу я попросить, если это не трудно, налить мне минеральной воды?

Тотчас появилась минеральная вода, сестра Клер выпила полстакана так, будто это было изысканное вино, еще раз прокашлялась и посмотрела на нас с очаровательной улыбкой.

— Вы не представляете, как странно чувствуешь себя в обычном платье после монашеской рясы,— призналась она.— Я ощущала... даже не знаю, как сказать... впрочем... это было как в моей юности, когда

мы играли в живые шарады, надевали всякие странные одежды и сами себя не узнавали, понимаете? Именно такое чувство было у меня. По правде сказать, я даже оробела, и мне было как-то неловко, как во время тех игр. Мне все казалось, что я наступлю на подол и споткнусь. И Мишель, естественно, выглядел так забавно в роли девушки, что я... я даже рассмеялась, и, глядя на меня, он тоже рассмеялся. На нас напал такой смех, что мы не сразу смогли выйти из дома, чтобы отправиться в казино.

Сестра Клер остановилась и медленно допила минеральную воду.

— Боюсь, я очень плохо все рассказываю,— извинилась она,— но очень трудно связно изложить, как именно выстраивались события. Теперь, оглядываясь назад, я удивляюсь своему поступку, но разве не то же самое чувство испытывает всякий, руководимый волей Господа? Однако где я по-настоящему дрогнула, так это в казино, когда вошла туда. Такое огромное помещение, примерно таким я представляла себе собор Святого Петра в Риме, только построено оно было для совсем других целей... Все эти колонны в холле, мрамор кругом... Я и не знала, что в мире есть столько мрамора. Я очень боялась, как бы они не увидели, что Мишель вовсе не девушка, а еще мне казалось — кто-нибудь непременно догадается, что я монахиня, хотя как можно было догадаться, глядя на мое платье! Мишель первым вошел в зал, и мне оставалось, конечно, только положиться на него. Сам-то он никогда не бывал в казино, но пекарь, у которого он работал, частенько посещал это заведение и рассказывал Мишелю, что там происходит. Все с любопытством поглядывали на нас; теперь-то я знаю: людей удивили наши платья. Нынче многие одеваются эксцентрично, но согласитесь — платья мисс Бут-Уичерли и по нынешним меркам смотрятся необычно. Про игру я ничего не знала, но

Мишель быстро научил меня. Он был просто молодец, если учесть, что никогда раньше не играл. Мы начали с самой маленькой ставки, я сказала Мишелю: если не выиграем, значит, Господу не угодно, чтобы мы играли. Поставили на красное, и, должна признаться, у меня душа в пятки ушла, когда шарик побежал по кругу.

Сестра Клер глотнула минеральной воды и поглядела на нас с тихим торжеством.

— Разумеется, мы выиграли,— сказала она.— И это было для меня ясным знаком. Я узнала наконец, для какой задачи меня готовил Всевышний. Меня как будто озарило, понимаете, я точно знала, что Господь направляет мою руку, что я его орудие. Я была настолько уверена, что тут же сделала новую ставку — все наши деньги. Мишель был в ужасе, пытался остановить меня, но я сказала, что мы обязаны уповать на Всевышнего. Конечно, мы выиграли и во второй раз, и еще двадцать четыре раза. Дважды проигрывали, но совсем немного, потому что я чувствовала, когда лучше делать небольшую ставку. После трех часов игры, когда у нас набралось больше двух миллионов франков, уже Мишель настаивал, чтобы я продолжала, но я чувствовала, что пора остановиться, вернуться в монастырь и поделиться хорошей новостью с сестрой Мари. Мы переоделись, естественно, и вернулись в Сан-Себастьян страшно возбужденные, ведь мы теперь по-настоящему могли помочь приюту, а главное — я знала, что наконец-то мне указано мое подлинное предназначение. Она остановилась, тихо всхлипнула.

— К сожалению, ее преподобие судила иначе, и я страшно расстроилась, так она была потрясена. Дескать, мало того, что мною было совершено нечто совершенно непозволительное для монахини, я еще ввела в соблазн Мишеля. Она явно не сознавала, что таков был замысел Господа, и никакие мои слова не

могли ее переубедить. И меня отлучили от ордена сестер-благотворительниц.

— Не может быть! — воскликнул я.

— Да, Джерри, отлучили, это было просто ужасно,— тяжело произнес Жан.

— Но Мишель,— продолжала сестра Клер, вытирая слезинки,— стоял на моей стороне. Я и теперь не считаю, что мы неправы. В дар от Господа не может быть ничего дурного, особенно если он используется на благие цели. Я верю, что Бог наделил меня даром... даром игрока, чтобы я могла помогать детям. И я твердо решила не противиться Его воле... Считала, что это было бы грешно. А потому через одного посредника выкупила у монастыря платья мисс Бут-Уичерли, поскольку было очевидно, что Всевышнему угодно, чтобы я их носила и продолжала играть. Накопив побольше денег, послала чек матери-настоятельнице с припиской, что это деньги от Господа. Она вернула мне чек: дескать, в глазах Всевышнего принять его было бы все равно что взять деньги у проститутки. Несколько дней я ходила такая расстроенная, что Мишель не знал, как и быть. Понимаете? У меня на руках огромная сумма денег, приобретенная по наставлению Всевышнего, он же наставлял меня, на что ее потратить, а я не знаю — как. И тут Мишелю пришла в голову блестящая идея. Мать-настоятельница знала, естественно, мою фамилию и в каком банке у меня открыт счет, так что любые деньги, поступающие оттуда, были бы возвращены. И мы решили открыть в другом банке счет на имя Мишеля. Правда, у него, бедняги, не было фамилии, потому что... потому что... в общем, потому. И надо было найти ему какую-то.

Она наклонилась вперед с сияющими глазами:

— Выбрать самому себе фамилию — это так интересно. У всех нас фамилии, полученные от

родителей. А выбирать самому — все равно что заново родиться.

— И какую же фамилию он выбрал? — спросил я. Сестра Клер удивленно воззрилась на меня.

— Как это какую — Бут-Уичерли, конечно!

Я посмотрел на ее милое личико, потом рассмеялся. Жан и Мелани последовали моему примеру, очень уж забавно нам это показалось. Глядя на нас, сестра Клер и Мишель тоже засмеялись, не очень понимая, в чем дело.

Уверен, в эти минуты где-то в неведомых сферах, которые мы называем небесами, мисс Бут-Уичерли тоже громко смеялась.



Глава 8.

Попугай для попа



Она летела ко мне по платформе, одетая в элегантный синий костюм и синий шотландский берет, из-за которого ультрамариновые глаза ее казались вдвое больше обычного.

— Милый, я здесь! Это я, Урсула! — кричала она, ловко, что твой регбист, огибая чемоданы, носильщиков и пассажиров.

Я принял ее в свои объятия, и она прильнула к моему рту своими прекрасными губами, издавая при этом, как всегда в таких случаях, громкий стонущий звук. Все мужчины на платформе уставились на меня с завистью, а все женщины — с ненавистью, так она была восхитительна.

— Милый,— сказала наконец Урсула, освободив мои губы,— я *жутко* соскучилась по тебе.

— Да ведь мы с тобой виделись позавчера,— возразил я, силясь освободиться от ее цепких объятий.

— Верно, милый, но вчерашний день был такой долгий,— ответила она и снова поцеловала меня.— О, милый, быть вместе с тобой в Лондоне весной — это такой шик!

— Где твой багаж? — спросил я.

— Уже идет.— Она показала на бредущего по платформе престарелого носильщика, нагруженного четырьмя большими чемоданами, шляпной коробкой и огромной латунной клеткой с серым попугаем.

— Какого черта ты взяла с собой попугая? — осведомился я с тревогой.

— Милый, его зовут Моисей, он здорово умеет говорить, вот только нахватался всяких нехороших слов. Я купила его у одного моряка, наверно, тот его научил. Сам знаешь, какие моряки неотесанные, кроме капитанов и адмиралов. Уверена, Нельсон никогда не бранился. То есть он мог, конечно, сказать «черт побери», когда потерял руку или глаз, но ведь это вполне простительно, правда?

Как всегда при встрече с моей любимой подругой, я ощутил, что мной овладевает чувство нереальности.

— Но зачем тебе понадобился попугай? Тебя не пустят с ним в гостиницу.

— Глупости, милый, в «Клариджес» разрешают брать с собой все что угодно. Этот попугай — подарок для его преподобия Пенджа, он очень болен, бедняга.

Мне стало дурно. Еще одно из тех филантропических деяний Урсулы, которые неизменно влекли за собой катастрофические последствия, и я — один из соучастников. Решив пока что вынести за скобки вопрос о попугае, я обратил взгляд на гору ее багажа.

— Тебе в самом деле нужно столько вещей? — спросил я.— Или ты задумала прочно обосноваться в

Лондоне?

— Глупости, милый, тут вещей всего на три дня, и я знала, что ты захочешь видеть меня красивой. Да я почти ничего не взяла, только самое необходимое. В конце концов, ты ведь не хочешь, чтобы я ходила голая?

— Воздержусь от ответа на этот вопрос, чтобы не изобличать себя,— ответил я.

Мы добрались до стоянки такси, где носильщик уложил вещи в багажник, после чего стал засовывать клетку с попугаем на заднее сиденье. При этом он имел неосторожность сказать Моисею: «Попка дурак» — на что попугай с поразительно четкой дикцией изложил, куда тому следует отправиться и что там делать, причем оба предложения были совершенно неосуществимы как в географическом, так и в биологическом смысле.

— По-твоему, этот попугай — подходящий подарок для священника со слабым здоровьем? — спросил я мою прелестную спутницу, когда такси взяло курс на «Клариджес».

Урсула удивленно обратила на меня магнетический взгляд своих синих глаз.

— Конечно,— сказала она.— Это ведь говорящий попугай.

— Знаю, что говорящий. Меня беспокоит, что он говорит. Словно по сигналу, Моисей снова заговорил:

— О-о-о, Чарли, дружок, давай еще раз, Чарли, дружок. О, я так люблю обниматься. Хе-хе-хе, что может быть лучше этого.

— Видишь,— заметил я.— Ты уверена, что *такое* твое благодеяние уместно?

— Ладно,— отозвалась Урсула,— я должна кое-что рассказать тебе о бедном старом преподобном Пендже. Он был приходским священником в Портель-кум-Харди,

маленькой деревушке по соседству с нами, и у него были страшные неприятности с церковным хором.

— Хор был смешанный или только мальчики?

— Да-да, только мальчики. Разумеется, все обошлось бы, если бы речь шла только об одном маленьком хористе, но когда весь хор был вовлечен, жители деревни восстали. Они говорили, по-моему, совершенно правильно, что всему есть предел.

— И сколько же мальчиков было в этом хоре?

— Кажется, человек десять, точно не знаю. Но на мой взгляд, этот священник очень славный человек, напрасно они набросали ему в церкви черных шаров.

— Прямо в церкви? — заинтересовался я.

— Ну да,— не совсем уверенно сказала Урсула.— А может быть, белых, чтобы не испачкать церковь. Не знаю точно. Как бы то ни было, теперь он, бедняга, живет в комнатухе где-то в районе Кингз-Роуд, и я получила от него такое жалобное письмо, где он сообщает, что тяжело болен и ему не с кем поговорить. Потому я и привезла для него попугая.

— Поистине,— смиренно молвил я,— для священника с белыми шарами не может быть лучшего подарка, чем попугай-сквернослов.

— А что же еще,— отозвалась Урсула.— Не могла же я привезти ему юного хориста, верно? Сам рассуди, милый.

Я вздохнул:

— Почему ты решила остановиться в «Клариджес», а не в моей гостинице?

— Не нравится мне твоя гостиница, милый. Там от одного официанта всегда пахнет рыбьим жиром, к тому же мой папочка всегда останавливается в «Клариджес», сравнивает его с родным трактиром.

Моисей взъерошил свои перышки и обратился к нам:

— Сними штанишки, сними штанишки, дай поглядеть.

— А тебе не кажется, что твой священник предпочел бы маленького бессловесного хориста? — спросил я Урсулу.

— Глупости, милый. К тому же он мог бы угодить в тюрьму, если бессловесный.

— Кто бессловесный? — не понял я.

— Хорист. Кажется, это называется «обращение маломерок». Хотя я совершенно не понимаю, какое отношение маломерки имеют к хористам, ведь хористы поют в церкви, а маломерки продаются в магазине.

Как всегда при разговоре с Урсулой, я пришел в такое замешательство, что решил оставить эту тему и вернуться к началу.

— И когда же мы избавимся от Моисея? — осведомился я.

— Моисей знает,— сказал попугай.— Моисей знает... хе-хе-хе... сними штанишки, вот так, молодец.

— Завтра утром. Я думала прямо с утра отвезти его, — ответила Урсула.

— Моисей любит попку,— сообщил попугай.

— Я все еще считаю, что помешанный на сексе попугай — неподходящий подарок,— заметил я.— Кончится тем, что под влиянием этого распущенного Моисея преподобный Пендж помчится в собор Святого Павла в поисках юных хористов.

— Пошел ты...— посоветовал Моисей, уставившись на меня ярким глазом.

— Милый, преподобный Пендж не может никуда помчаться,— жалобно произнесла Урсула.— Он старый и очень слабый. Где ему угнаться за юными хористами. Он не может бегать так быстро. Их надо приводить к нему. Нет, я вовсе не предлагаю, чтобы так делали, но ты меня понимаешь.

— Понимаю... Удивляюсь только, почему ты не раздобыла для него овчарку.

— Овчарку? — удивилась Урсула.— Это еще зачем?

— Чтобы она загоняла для него юных хористов. Урсула сердито посмотрела на меня:

— Знаешь, милый, иногда мне кажется, что ты недостаточно серьезно смотришь на жизнь.

Я посмотрел на четыре чемодана Урсулы, на шляпную коробку, на Моисея в клетке, потом остановил свой взор на ее чудных глазах.

— Прости,— молвил я покаянно,— постараюсь впредь быть не таким легкомысленным.

— Вот и хорошо, милый,— отозвалась она.— Если в самом деле постараться, будешь относиться к жизни так же серьезно, как я.

— Все силы приложу,— пообещал я.

Она просунула руку под мой локоть и чмокнула меня в щеку.

— Милый, правда, это будет что-то божественное,— мечтательно произнесла она.— Три дня в Лондоне с тобой — настоящий шик.

— Моисей любит попку,— напомнил попугай.

— Милый, я понимаю, что ты имеешь в виду,— задумчиво сказала Урсула.— Он явно помешан на разных частях тела.

— Не бери в голову,— ответил я.— Полагаю, то же можно сказать о преподобном Пендже. Уверен, они отлично поладят.

— Ты всегда меня успокаиваешь.— Она прижалась ко мне, глядя на меня своими огромными глазами.— Знаешь, когда у меня возникают какие-то сомнения, я всегда спрашиваю себя: «Как поступил бы Джерри?»

— И поступаешь наоборот.

— Нет, милый, не скромничай. Я во всем следую твоим советам.

Сомнительная похвала, если учесть, что старания Урсулы помочь людям производили такой же разрушительный эффект, как появление динозавра в посудной лавке.

— По правде говоря,— продолжала она,— в какой-то момент я даже подумывала о том, чтобы по-настоящему в тебя влюбиться, но затем решила, что не стоит.

— Боже! — воскликнул я.— И когда же именно был отсрочен мой приговор?

— Ну, это было довольно давно, на пляже под пирсом, когда мы купались вместе и ты сравнил мой зад с задом какого-то Рувима. Я тогда очень обиделась.

— Прости меня, ради Бога, сердце мое, но лучшие в мире художники писали херувимов в разных позах, и они смотрелись восхитительно.

— Какие такие художники? — подозрительно осведомилась она.

— Хотя бы самые знаменитые художники средневековья,— ответил я, жалея, что коснулся этой темы.

— Такие, как Поппичелли?

— Ну да. Он был мастер писать попки, отсюда такая фамилия, и он был бы в восторге от твоего зада.

— Нет, правда, милый? Это замечательно. Приятно знать, что в мире есть хоть один человек, которому нравится твой зад. Знаешь, ведь не так уж часто про зады говорят хорошие слова. Наверно, это потому, что зад всегда *внизу*. Во всем должна быть умеренность. Наверно, отсюда пошло выражение «держат свой зад под спудом», ведь если у тебя мягкое место, как у херубума, ты не станешь показывать его первому попавшемуся.

— Это очень старая английская поговорка,— уныло заметил я.

Одно время я подумывал о том, чтобы купить Урсуле словарь, но отказался от этой мысли, обнаружив, что она не знает толком, как пишутся произносимые слова.

Когда мы доехали до «Клариджес», дверцу такси живо открыл элегантный швейцар в цилиндре; зацепив пальцем в белой перчатке петлю наверху латунной

клетки, он извлек ее из машины. Немедленно стало ясно, что Моисею понравилось разъезжать на такси и он был против того, чтобы это удовольствие прерывалось. Швейцар приподнял клетку вверх, чтобы лучше рассмотреть птицу, и уже приготовился сказать с улыбкой: «Попка дурак» — как Моисей вперил в него сверкающий взгляд и яростно выпалил: «Ты, выблядок, сын грязной потаскухи!» Это было сказано так громко и отчетливо, что швейцар попятился, точно наступил на грабли.

Урсула мигом выскользнула из машины.

— О, огромное спасибо, что вы взялись отнести Моисея! — воскликнула она, улыбаясь швейцару и включая на полную мощность свое обаяние.— Понимаете, он попугай и так замечательно умеет говорить. К сожалению, у него что-то неладно с глазами, это такая попугаячья болезнь, называется «паротит», и мы возили его к лучшим врачам, чтобы они определили, в чем дело. Понимаете, он принимает одних людей за других. Должно быть, принял вас за кого-то, кто ему чем-то сильно досадил. Он совершенно поправится, как только мы добудем для него новые очки.

— Моисей любит яички,— подхватил попугай.

Швейцар опешил — полученные им инструктажи совершенно не подготовили его к таким невероятным сценам.

— Мадам желает, чтобы я отнес эту говорящую птицу в ваш номер? — спросил он наконец.

— Да-да, пожалуйста,— сказала Урсула.— И весь этот багаж. Вы так любезны.

Она повернулась и наклонилась ко мне:

— Я совсем забыла захватить этот проклятый чехол... Когда накроешь клетку, он ничего не говорит. Придется купить другой. Пока, милый, увидимся за

ленчем. Ровно в час в ресторане гостиницы «Дорчестер». Я жутко люблю тебя.

И, поцеловав меня, она последовала за Моисеем в «Клариджес». Попугай тем временем принялся петь сочным, звонким баритоном: «Как у мамки грудь одна, крошке мало молока. Не расти бедняге беби, не играть с большими в регби».

Я назвал водителю адрес моей гостиницы и откинулся на спинку сиденья, вытирая вспотевший лоб.

— Славная у тебя подружка, приятель,— заметил таксист.— Фигура, сказал бы я.

— И не одна, а полная колода,— отозвался я. Он рассмеялся:

— А этот попугай? Потеха! Я чуть не умер со смеха, слушая его. Настоящий порнографический попугай, провалиться мне на этом месте.

— Да уж, очаровательная парочка получилась,— едко заметил я.

— Ага,— подхватил водитель.— А вообще-то, если бы меня спросили, я предпочел бы попугая.

— Почему? — спросил я, малость оскорбленный таким пренебрежительным отношением к шарму Урсулы.

— Да ты сам посуди, приятель,— сказал таксист.— Если попугай тебе надоест, ему можно свернуть голову. А твоя леди как-никак слишком хороша, чтобы ее так приканчивать, верно?

— Верно,— вздохнул я.— Хотя такая мысль не однажды меня посещала.

Продолжая смеяться, он остановил машину у моей гостиницы и повернулся ко мне, ухмыляясь:

— Ты у нее на крючке, приятель, вот что я тебе скажу. Был у нас дома случай вроде этого с одной бродячей собакой... Я тогда жене так сказал: «Никаких чертовых псов, вези его в «Баттерсейский центр» для бездомных собак», так и сказал. Так нет же, приятель,

представляешь себе, это был такой чертовски славный пес, что мы не могли с ним расстаться. Так и живет у нас до сих пор. Вот и с женщинами так же,— философически продолжал таксист.— Как попадешься к ним на крючок, уже не в силах с ними расстаться, так сказать. С тебя три фунта одиннадцать шиллингов и шесть пенсов, приятель, прошу.

— Беда в том,— ответил я ему, рассчитываясь,— что для нее еще не открыли никакого «Баттерсейского центра».

— Это верно,— отозвался он смеясь.— Придется держать ее дома. Удачи, приятель.

Поднявшись в номер, я разложил на кровати свой лучший костюм и чистую рубашку, присоединил к ним потрясающий галстук — нежданный подарок из Лиссабона от мужа моей сестры, проверил, целы ли мои носки и начищены ли ботинки. Посещение ресторана с Урсулой неизбежно оборачивалось для меня душевными травмами, посему я желал быть уверенным, что сам не нарушу никаких правил приличия. Дай Бог справиться с ее промашками...

Ровно в час я был в «Дорчестере» и уже поправлял галстук, ожидая перед входом в ресторан появления Урсулы, когда ко мне быстро подошел знакомый старший официант.

— Добрый день, Себастьян,— весело поздоровался я. - Добрый день, сэр. Мадам ждет вас за столиком.

Я насторожился. Урсула никогда не приходила вовремя, не говоря уже о том, чтобы явиться раньше времени. Себастьян проводил меня к столику на четыре персоны, однако Урсулы не было видно.

— Возможно, мадам вышла в туалетную комнату,— предположил Себастьян.

Я опустил на стул, придвинулся к столу вплотную и уперся ногами во что-то металлическое. Приподнял скатерть и увидел направленный на меня из клетки

неприятный взгляд Моисея. В двух колких словах он дал понять, где мне следует быть. Я похолодел. Себастьян, глядя на потолок, тщетно пытался спрятать улыбку за картой вин.

— Что это такое, черт побери? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, это птица, принадлежащая мадам,— учтиво сообщил Себастьян.— Из семейства попугаев, насколько мне известно. Мадам принесла ее с собой и пожелала поместить под столом. Мне было сказано, что птицу зовут Моисей. Когда ее проносили через фойе, она... э... разговорилась, причем, учитывая ее имя, употребляла совсем не библейские слова.

— Будто я не знаю,— с горечью произнес я.— Но каким образом, черт возьми, вы ухитрились внести ее сюда, не оскорбив слух всех ваших гостей?

— При помощи обернутой вокруг клетки салфетки,— объяснил Себастьян.— Мадам сказала, что темнота действует на птицу успокаивающе, как снотворное, лишая, так сказать, дара речи. Похоже, так оно и есть. Если не считать услышанной вами реплики, она воздерживалась от замечаний с тех пор, как ее поместили под стол.

— Но зачем, черт возьми, она вообще принесла ее сю-вспылил я.

— Возможно, я ошибаюсь, сэр, но мне кажется, мадам решила сделать вам сюрприз.

— Сюрприз, мне? — фыркнул я.— Не нужна мне эта проклятая птица, хотя бы к ней приложили горшок золота!

— Должен сознаться...— начал Себастьян.— А вот и мадам. Она, несомненно, объяснит, зачем здесь очутился... э... Моисей, если мне будет позволено называть его только по имени.

Я отметил веселые искорки в его глазах.

— Себастьян,— сказал я,— martini для мадам, двойное виски и минеральную воду для меня. Да, и если

у вас есть настойка «боли-голова», принеси стаканчик для попугая.

Он поклонился и выдвинул стул для приближающейся к столу причины всех моих бед.

— Привет, милый! — воскликнула она.— Ты рад, что я нисколько не задержалась?

— Вы *оба* не задержались,— зловеще произнес я. Урсула виновато попятилась.

— О, так ты уже видел Моисея? — осведомилась она с напускной беспечностью.

— Попробуй его не заметить,— едко вымолвил я.— Эта чертова клетка ободрала носки моих тщательно начищенных ботинок, и в левый ботинок непрерывно сыплется песок вместе с тем, что, насколько я разбираюсь в садоводстве, называется семечками. Впрочем, с такой же вероятностью это может быть пометом. С какой стати, позволь мне спросить, Моисей непременно должен участвовать в трапезе вместе с нами?

— Ну же, милый, не надо на меня сердиться. Ненавижу, когда ты начинаешь сердиться, кричать и фыркать, точно этот бун Ахиллес.

— Аттила,— поправил я, не в силах добавить, что вместо «бун» следовало сказать «гунн».

Устремленные на меня глаза Урсулы наполнились влагой, и две огромные слезы, яркие, как падающие звезды, скатились вниз по щекам.

— Милый,— хрипло заговорила она,— мне так тяжело пришлось, не будь так жесток со мной.

Я был уже готов смягчиться, когда она добавила: — И с бедным Моисеем.

К счастью, появившиеся в эту минуту напитки помешали мне высказать все, что я думал о «бедном Моисее». Я молча поднял свой бокал, а Урсула выжала из источников, что кроются «в непостижимых мужчине глубинах», еще две слезы невероятной величины.

Сердце мое было готово растаять под действием такого проявления чувств (разумеется, ложного), но тут к нам подошел Себастьян, держа в руках меню.

— Сэр, мадам,— сказал он, вручая нам с легким поклоном по экземпляру,— сегодня мы можем предложить вам превосходные блюда. Очень хороши жареные почки молодого барашка, есть особенно крупные, сочные устрицы...

— А как насчет жареных попугаев? — перебил я его.
— Желательно серых из Западной Африки.

Урсула свирепо уставилась на меня.

— Попугаев не едят,— сказала она.

— Почему же, в Западной Африке еще как едят,— возразил я.

— По поводу вашего вопроса, сэр,— мягко вмешался Себастьян.— В нашем меню нет попугаев. Нам объяснили, что у них жесткое, неудобоваримое мясо, кроме того, оно воздействует на человека так, что он начинает разговаривать во сне.

Мы с Урсулой рассмеялись, и за столом воцарился мир.

— Объясни мне все-таки, почему я должен завтракать в «Дорчестере» в обществе птицы, которую мой приятель таксист назвал порнографическим попугаем? — спросил я.

— Понимаешь, милый, он был благополучно доставлен в мой номер, хотя мне пришлось заплатить носильщику щедрые чаевые, потому что Моисей назвал его... ладно, неважно, как он его назвал. Как бы то ни было, мне понадобилось выйти за покупками, взять себе кое-что и фрукты для Моисея. Тут я заметила, что в его блюдецке не осталось воды, а он явно хотел пить, поэтому я налила ему водки с тоником из холодильника, который стоит в спальне...

— Что ты ему налила? — перебил я, не веря своим ушам.

— Водки с тоником, милый. Ты знаешь — то, что русские лодочники пьют там, на Вулгаре. Моряк, у которого я его купила, сказал, что Моисей только это и пьет. Так вот, должно быть, Моисей, бедняжка, умирал от жажды, потому что сразу все вылакал. После чего как будто задремал.

— Неудивительно,— заметил я.

— Я налила еще на случай, если он проснется и еще захочет пить.

— *Еще?!* — снова перебил я.— Сердце мое, ты сошла с ума.

— Почему? — удивилась Урсула.— Сама я водку не люблю, но это еще не значит, что должна отказывать ему. И вообще, с какой стати я должна подражать этим невоздержанным людям, которые учат других, как себя вести.

— Вот именно,— отозвался я.

— В этом заключаются истоки всех преступлений,— последовало несколько загадочное объяснение.— Когда посягают на гражданские права людей, делая их бесправными.

— И что ты сделала потом, когда залила ему шары? — осведомился я.

— Залила шары? Что это значит?

— Это такое выражение, означает, что ты напоила его так, что он стал буянить.

— Но он и не думал буянить,— торжествующе произнесла Урсула.— Моисей упал на пол клетки, и я страшно испугалась. Думала, он умер, пока не услышала, что он храпит.

— И что же было дальше? — поневоле увлекся я ее повествованием.

— Дальше я отправилась в универсам «Фортнум энд Мейсон», чтобы купить корм для Моисея.

— «Фортнум энд Мейсон»? Почему не в какую-нибудь зеленую лавку в ближайшем переулке?

— Чтобы люди потом видели, как я вхожу в «Клариджес» с кучей бумажных пакетов? Милый, ты соображаешь, о чем говоришь?

— Однако тебе ничто не помешало войти в «Клариджес» с клеткой, в которой попугай распевал похабные частушки,— заметил я.

— Но это совсем другое дело, милый. Моисей — *птица*. Будто ты не знаешь, что все англичане обожают животных.



— Готов побиться об заклад, что они сделали бы исключение для Моисея,— сказал я.— Ладно, продолжай. И что же ты купила в «Фортнуме»?

— Ну, у них там были фрукты и орехи, разумеется, и я купила ему большую коробку шоколадных конфет с ликером, так как знала, что он их любит. Но представь себе, милый, ты ведь знаешь, «Фортнум энд Мейсон» похваляются тем, что у них есть *всё на свете*?

— Они так говорят,— согласился я.

— Так вот, я их ущучила. У них не оказалось двух продуктов, про которые тот моряк говорил, что Моисей

их особенно любит.

— И какие же это были продукты?

— Моряк говорил, что Моисей был не прочь пощипать крампеты и бристольт-ситиз.

Ладно, сказал я себе, крампет — не криминал, кто называет так пористые лепешки, кто подразумевает башку, но попадись мне в руки тот веселый морячок, я надолго уложил бы его на больничную койку: откуда бедной Урсуле знать, что жаргонное «бристоль-ситиз» означает «сиськи»...

— Ну? — поинтересовался я.

— Они ответили, что сейчас не сезон крампетов. Я первый раз услышала, что у крампетов бывает сезон. Это же не грибы, не куропатки, наконец.

— А что тебе сказали про второй продукт?

— Мне кажется, продавец не совсем понял, что я подразумеваю, потому что он посоветовал мне обратиться в секцию дамского белья.

— И что же ты сделала?

— Что — села на такси и поехала обратно в гостиницу. Спросила таксиста, не знает ли он, где я могу найти бристоль-ситиз. Он ответил, что знает только про те, которые у его жены, и она очень дорожит ими. А где она их достала, говорю. Он сказал, что они достались ей по наследству. Тем временем мы доехали до «Клариджес», и там дежурный администратор сообщил, что меня хотел бы увидеть управляющий. Этот управляющий — один из друзей моего папочки, я подумала, что он хочет преподнести мне цветы или еще что-нибудь, и сказала, пусть зайдет в мой номер через пять минут.

Она остановилась, посмотрела на пустой бокал; я подал знак официанту, что требуется добавка.

— И как только я вышла из лифта, сразу поняла, зачем понадобилась управляющему,— продолжила Урсула.

— Моисей?

— Ну да. Он проснулся и стал распевать самые ужасные песенки, какие только можно себе вообразить. Да так, что было слышно чуть ли не на всю гостиницу. Я подбежала к номеру, от расстройства уронила ключ, а когда нагнулась за ним, из корзины вывалились все мои пакеты, и апельсины покатались по полу. В эту минуту подошел управляющий.

Она пригубила martini и посмотрела на меня глазами, полными слез.

— Честное слово, милый, мне в жизни еще не было так неловко. Мы с управляющим «Клариджес» ползаем на четвереньках, собирая апельсины, а из номера доносится голос Моисея, распевающего *мерзкую песенку* про какую-то девицу с задом величиной с коляску мо-мо-мотоцикла.

Я сохранял серьезное выражение лица, не позволяя выплеснуться злорадному ликованию, которое наполнило мою душу, когда я представил себе картину, описанную Урсулой.

— Ну вот, мы вошли в номер, и, слава Богу, Моисей перестал петь. Вместо этого он посмотрел на управляющего и назвал его отродьем джигджигутки. Милый, что это такое? Я знаю про танец джига, а джиг-джига — это похоже на танго?

— Вроде того,— ответил я.— Этот танец изобрели в Порт-Саиде, чтобы... чтобы помочь морякам забыть, что они находятся далеко от своих любимых жен.

— О,— вымолвила Урсула, обдумывая мой бред.— Ладно, во всяком случае, управляющий был страшно *мил*. Сказал, что вовсе не против того, чтобы Моисей находился в моем номере, если бы только не это пение и сквернословие. Мол, другие постояльцы засыпали его жалобами, поэтому он вынужден просить меня удалить эту птицу. Вот я и привезла Моисея в «Дорчестер»... А что мне было еще делать? Всю дорогу сюда он пел и

обзывал таксиста словами, которые я не стану повторять. В холле он вел себя так, что пришлось дать ему водки с тоником, и пока он пил, мы накрыли клетку салфеткой и поспешили внести сюда и поставить под стол. С той минуты он был паинькой.

— Дорогуша,— сказал я,— конечно, с твоей стороны очень мило приготовить преподобному Пенджу подарок в виде попугая. Но тебе не кажется, что чем скорее он его получит, тем лучше для всех нас?

— О, *конечно!* — отозвалась Урсула.— Когда ты пришел сюда, я как раз звонила Пенджи — он любит, чтобы его так называли,— сказала, что мы сегодня же привезем ему подарок, и он очень обрадовался.

— Слава Богу. Надеюсь, ты не говорила ему, что это за подарок?

— Что ты, милый, я хочу, чтобы это было для него сюрпризом.

— Не сомневаюсь, что так и будет,— заметил я.

Наш завтрак проходил в довольно нервной обстановке, ибо на одну особу, сидевшую за третьим столиком от нас, то и дело накатывал громкий пронзительный смех. Всякий раз, когда ее разбирало веселье и она принималась ржать, мы с Урсулой подпрыгивали на стульях, потому что нам казалось, что это Моисею вздумалось петь. На Урсулу напала икота, и она была вынуждена попросить, чтобы ей принесли бокал уксуса — единственное, по ее словам, эффективное средство от этого недуга.

Наконец мы управились с трапезой, и возникла проблема — как вынести из ресторана клетку с Моисеем. Под руководством Себастьяна два официанта забрались под стол, чтобы обернуть салфетками клетку; должно быть, не один из посетителей ресторана спрашивал себя, что происходит... Наконец клетка была замаскирована, они вытащили ее из-под стола, и мы направились следом за ними к выходу — такая

траурная процессия, провожающая задрапированный белой материей куполовидный гроб. Все шло гладко, пока один из официантов не споткнулся о ножку стула, отчего пара салфеток соскользнула на пол. Моисей смерил отряд официантов ядовитым взглядом.

— Прожорливые педерасты,— громко произнес он, заставив всех находившихся в зале оторваться от еды и сосредоточить внимание на нас.

— Прожорливые выблядки,— продолжал Моисей, демонстрируя свое знание нехороших слов.

— Выносите его вон из зала, живо,— прошипел Себастьян.

Мы дружно обратились в бегство в ту самую минуту, когда Моисей приступил к пению.

Обнаружив в холле брошенный кем-то экземпляр «Тайме», я развернул газету, проделал в складке посередине дырку для кольца на клетке и накрыл Моисея в тот момент, когда он перешел ко второму куплету «Джуди О'Келли».

— Не очень-то подходящее комнатное животное, сэр, позвольте заметить,— сказал, улыбаясь, Себастьян. Моисей замолчал.

— Мы отдадим его в хорошие руки,— ответил я.— Он будет жить вместе с одним священником.

— Вот уж не знал, что Церковь способна на такую широту взглядов,— заметил Себастьян.— Это что-то новое.

Урсула вышла из туалетной комнаты, неся две большие сумки.

— Спасибо вам за помощь и терпение,— поблагодарил я.

— Всегда...— начал он и вдруг остановился.

— Если вы собирались сказать «всегда к вашим услугам», лучше воздержитесь,— посоветовал я.— Одного такого раза в жизни довольно.

Посадив Урсулу и Моисея в такси, я забрался в машину следом за ними и назвал водителю адрес преподобного Пенджа.

— Милый, такой шикарный завтрак, огромное тебе спасибо,— сказала Урсула и поцеловала меня.— И спасибо, что ты был так добр к бедному Моисею.

Говоря, она копалась в своих сумках, проверяя, все ли на месте.

— Что у тебя там? — спросил я.

— Да так, кое-какие мелочи для бедного старика. Пара бутылок виски, я знаю, он не прочь выпить стаканчик, а у самого нет денег, чтобы купить. Немного корма для Моисея и его любимый напиток, а также разное чтиво для старины Пенджи.

Она вытащила «Таймс», «Дейли телеграф», свежий номер «Вог», «Панч» и, к величайшему моему удивлению, «Плейгерл».

— А это еще зачем? — воскликнул я.

— Понимаешь, милый, я задумала постепенно реабилитизировать его, помочь ему исправиться. Пусть начинает побольше думать о противоположном поле и поменьше о собственном. Вот и купила для него «Вог» и этот журнал, чтобы открыть ему глаза на пробелы в его жизни.

— А ты сама когда-нибудь заглядывала в «Плейгерл»?

— Нет,— ответила Урсула.— Разве это не обычный журнал для девочек?

— Посмотри,— мрачно предложил я.

Надо же было ей открыть журнал на центральной раскладной странице, где красовался весьма обнаженный, весьма зрелый и весьма крупный молодой мужчина.

— О Господи,— ужаснулась Урсула.— *Боже мой!*

— Вот именно,— откликнулся я.— Вряд ли такой журнал будет способствовать реабилитации старины

Пенджи, верно?

— О, милый, *слава Богу*, что ты обратил на это внимание. Конечно, я не могу дарить ему этот журнал. Но что мне с ним *сделать*?

— Отвези потом обратно в «Клариджес», подари управляющему,— предложил я.

До самого дома преподобного Пенджа Урсула больше не разговаривала со мной, и возмутительный журнал был оставлен ею в машине.

Резиденция Пенджа (если здесь годится это слово) размещалась в одном из тех замечательных старых домов, что напоминают стоящую торчком коробку из-под обуви, с двумя квартирами на каждом этаже. Преподобный, как нам удалось установить, обитал на самом верху, так что нам пришлось одолеть четыре лестничных пролета, и с каждой ступенькой сумки Урсулы и клетка Моисея становились все тяжелее. Наконец мы остановились, запыхавшись, перед дверью с приколотой к ней карточкой с трогательным текстом: «Преподобный Мортимер Пендж ХХХ, преподаю английский язык, а также библейские тексты (англиканская церковь)».

Урсула постучалась, и преподобный Пендж распахнул дверь. Я совсем иначе представлял себе его внешность: сгорбленный, с кожей зеленовато-белого цвета, он походил на бледную из-за недостатка света в юном возрасте фасолину. На нем были большие роговые очки, полосатый фиолетово-белый свитер с высоким воротником и серые фланелевые брюки. Голову венчала всклокоченная седая шевелюра, и руки он держал перед собой, точно кролик, сидящий на задних лапах, причем кисти болтались, будто сломанные в запястьях.

— Урсула! — воскликнул он.— Любезное дитя мое, как я счастлив видеть тебя!

Он целомудренно прикоснулся губами к ее щеке.

— Познакомься с Джерри,— представила меня Урсула.

— Джерри — какое очаровательное имя, и *какой* очаровательный господин,— сказал Пендж, закатывая глаза.— Как же тебе повезло, моя девочка. Но входите же, прошу, пройдите в мою скромную обитель.

Его скромная обитель состояла из двух комнат, в одной размещалась кухня и отделенный от нее перегородкой душ, другая служила одновременно гостиной и спальней. На потертом ковре стояли два просиженных кресла и узкий диван, под которым я разглядел, к великой своей радости, огромный старинный ночной горшок, любовно расписанный гирляндами анютиных глазок и незабудок. Из окна преподобного Пенджа открывался красивый вид на маленький парк с платанами, цветочными клумбами, прудом с утками и скамейками для отдыха.

Урсула принялась извлекать из сумок свои дары, вид которых наполнял преподобного слезливой радостью. Под конец она смешала в стакане водку с тоником и наполнила поилку Моисея, приподняв уголок «Таймса». После чего, выждав несколько секунд, точно иллюзионист, сдернула с клетки газету, явив удивленному взору преподобного Моисея, утоляющего жажду.

— Попугай! — ахнул преподобный.— О, я всегда мечтал завести попугая! Он умеет говорить?

В ответ попугай оторвался от божественного русского напитка и уставился на преподобного Пенджа.

— Привет, старый пидер,— сказал Моисей, затем снова принялся накачиваться спиртным до одурения.

Преподобный Пендж расхохотался так, что от смеха слезы покатились по щекам.

— О, Урсула, дорогуша, ты не могла придумать лучшего подарка,— выдавил он из себя.

— Ты ведь жаловался, что тебе не с кем даже поговорить,— радостно отозвалась Урсула.

— Ты святая, дочь моя, честное слово, святая,— сказал преподобный.

А я мрачно подумал, что, доведись ему испытать мучения, какие выпали на мою долю с того часа, как я встретил утром Урсулу на вокзале, наверно, он не был бы так уверен в ее святости. Мы поболтали, откупорили, по настоянию преподобного, виски и чокнулись кто стаканом, кто треснутой чашкой, кто оловянной кружкой, после чего откланялись.

Последующие два дня я блаженствовал. Лондон тогда был чудесным городом, несмотря на военные шрамы. Находиться в Лондоне весной вместе с очаровательной подружкой было мечтой всякого молодого человека, но мало кому удавалось осуществить эту мечту. Я вернулся в Борнмут в отличном настроении.

Через десять дней зазвонил телефон.

— Милый, это я, Урсула.

— Как поживаешь, любимая? — спросил я, не подозревая, что на меня надвигается.

— О, чудесно. Но, милый, у меня к тебе будет просьба, исполнишь? Это страшно важно, чрезвычайно. Скажи, что исполнишь, милый, и я скажу, в чем дело. Обещаешь?

Мне следовало уже знать, чего можно ожидать от Урсулы.

— Конечно, обещаю,— ответил я, полагая, что речь идет о каком-нибудь пустяке.

— Хорошо,— медленно произнесла она.— Ты помнишь Моисея?

Я похолодел.

— Нет! — закричал я в трубку.— Нет, не впутывай меня больше ни в какие дела с этой проклятой птицей. Нет, нет, *нет*.

— Ты напрасно бранишься, милый,— сказала Урсула.
— И ведь ты все равно уже обещал, значит, должен. Дай рассказать тебе, что случилось. Пендж попал в тюрьму.

— В тюрьму? За что?

— Боюсь, отчасти в этом виноват Моисей,— ответила она.— Понимаешь, Пендж брал с собой клетку с попугаем, когда выходил в тот красивый маленький парк посидеть на скамейке. И Моисей начинал говорить, и вокруг скамейки сразу собирались мальчишки.

Я застонал.

— И тогда Пендж спрашивал кого-нибудь из мальчиков, не хочет ли он посмотреть, как попугай выполняет акробатические номера, и тот мальчик, конечно, отвечал, что хочет. Тогда Пендж говорил, что для этого придется подняться в его квартиру, так как здесь он не может выпускать попугая из клетки: он может улететь. И мальчик поднимался вместе с Пенджи в его квартиру. Можешь сам представить себе, что там происходило.

— Живо представляю,— ответил я.— И сколько ему дали?

— Восемнадцать месяцев,— сообщила Урсула.— И я очень беспокоюсь, милый, за Пенджи, а еще я беспокоюсь за бедняжку Моисея. Ему не с кем поговорить, некому позаботиться о нем, покормить, дать водки. Хозяйка дома говорит, что больше не может его держать, муж возмущается тем, как Моисей сквернословит.

— А кто ее муж? Епископ?

— Кажется, докер,— сказала Урсула.— Но дело не в этом. Моисея надо спасать, и я подумала о тебе.

— Но послушай...— начал я.

— Милый, ты пообещал, и если нарушишь слово, я больше никогда не буду разговаривать с тобой. Я поехала бы сама, но сейчас не могу, занята организацией одного праздника.

Я вздохнул:

— Ладно, поеду... Но больше никогда ничего не буду тебе обещать, так и знай.

— Милый, я тебя обожаю. Ты самый шикарный мужчина, какого я знаю.

— И самый глупый,— добавил я.

Пришлось мне отправиться в путь. В поезде я намаялся с Моисеем, забыл припасти водку, и он горланил так, что проводник, ретивый христианин, позаботился о том, чтобы на центральном вокзале в Борнмуте меня ждала полиция. Пришлось мне объясняться, но я успел уже добыть немного водки в вагоне-ресторане и, продолжая оправдываться перед чинами, подливал Моисею, который жадно поглощал божественный нектар. Я спрашивал себя, сколько нужно спиртного, чтобы порешить попугая, и всей душой надеялся, что купленной мной водки хватит для этого...

